

ЯСТРЕБЫ В БАНКЕ

**ВСЕ УЧАСТНИКИ
СОБЫТИЙ ВОКРУГ
ВООРУЖЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ В УКРАИНЕ
ИГРАЮТ В ЭСКАЛАЦИЮ,
РЕШАЯ СВОИ
ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ.
ТОЛЬКО МАЛЕНЬКОЙ
ПОБЕДОНОСНОЙ
ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ
НЕ БЫВАЕТ.
И В РАЙ НЕ ПОПАДЕТ
НИКТО**

СТР. 3—7

Григорий СОБЧЕНКО / Коммерсантъ

ПАВЛОВА

В МОСГОРСУДЕ ОТКРЫЛИ НОВЫЙ МЕТОД РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ — БЕССУДНЫЙ. «НОВАЯ ГАЗЕТА» ИСПЫТАЛА ЕГО НА СЕБЕ

Наказать без суда и следствия — примерно так можно перевести на человеческий язык решение, вынесенное судьей Мосгорсуда **Александром Павловым** по жалобе «Новой газеты».

Совершенное этим человеком в мантии настолько удивительно, что, если устоит в кассационной инстанции, должно войти в учебники процессуального права.

Ну серьезно: так оптимизировать судебный процесс не удавалось еще никому. Павлов сумел вынести решение по нашему делу (разумеется, не в нашу пользу), вовсе не рассматривая его.

Нет, строго говоря, Павлов был не первым. За сотню лет до него аналогичным способом приговаривали к казни тысячи людей — без всякого рассмотрения. Но вот в практику работы с рядовыми, казалось бы, жалобами на постановления по административным правонарушениям такой метод ранее не вводился. А ведь как хорошо: жалоб этих пруд пруди, особенно на «народную» статью о дискредитации армии (как раз ее вменили и нам), и если все их рассматривать, как велит буква закона, это ж

сколько человеко-часов надо? А коли учесть, что протоколы и решения далеко не всегда оформлены в соответствии с требованиями все того же закона, то и до отмен этих самых решений можно дойти.

К примеру, «Новой газете» Таганским судом вынесен штраф весьма значительный — полмиллиона рублей. За интервью с протоиереем Андреем Кордочкиным о ненависти, прощении и отношении народа и власти. В нем вообще нет ни слова о российской армии. А дискредитация, по версии полиции, анонимных экспертов и Таганского суда, есть. Если рассматривать это аб-

ЭТОТ ПОХОД ЗА ГОТОВЫМ РЕШЕНИЕМ БЫЛ, ВОЗМОЖНО, САМЫМ КРАТКИМ В ИСТОРИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА. СЕКУНД ЧЕРЕЗ 15 ПАВЛОВ ВЕРНУЛСЯ И ПОСТАНОВИЛ В НАШЕЙ ЖАЛОБЕ ОТКАЗАТЬ.

— ВЫ ЖЕ НИЧЕГО НЕ ИССЛЕДОВАЛИ, — НЕ СДЕРЖАЛ НЕДОУМЕННОЙ РЕПЛИКИ НАШ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ.

— СЛЕДУЮЩИЙ! — ОБЪЯВИЛ СУДЬЯ, СЛОВНО ТЕРАПЕВТ НА ПРИЕМЕ

сурдное обвинение по закону, как бы не пришлось все это безобразие отменять.

Кстати, мы к этому и готовились. И дело не только в абсурдности обвинений, но и в железных процессуальных требованиях. Текст вышел в ноябре 2022 года. Суд первой инстанции заседал 18 января 2023-го. А решение в окончательном варианте изготовил и выдал нам лишь 10 сентября. То есть почти через год после «инкриминируемого деяния». Между тем срок давности по статье о дискредитации армии — 90 суток с момента совершения административного проступка.

В течение этих трех месяцев суд должен изготовить окончательное решение. Если не успел — дело прекращается, согласно статье 24.5 Кодекса об административных правонарушениях. Особо это разъяснил не так давно Верховный суд. Его бюллетень за март 2024 года содержит пункт: «Постановление по делу об административном правонарушении должно быть изготовлено в полном объеме в пределах срока давности привлечения к административной ответственности».

Впрочем, хоть об истекшем сроке мы знали, готовились и к аргументированной защите по существу. Главным нашим требованием было назначение полноценной экспертизы текста. Ведь против нас использовалось какое-то анонимное экспресс-заключение, а такого рода бумага в суде доказательством быть не может. Так что в направленной в суд жалобе было изложено соответствующее ходатайство.

Жалоба эта поступила к судье Павлову и, очевидно, была им прочитана (впрочем, теперь можно и в этом усомниться). Но суть процесса — судоговорение, судебный спор происходит устно и под протокол. Это и есть — процесс. Но его-то и не случилось.

Согласно статье КоАП 30.4, судья в начале рассмотрения жалобы обязан выяснить, нет ли обстоятельств, вообще исключающих производство по делу (например, истекшие сроки давности), а затем — рассмотреть ходатайства сторон и при необходимости назначить экспертизу. Но судья Александр Павлов пошел другим путем.

В зале, где он находился один, без секретаря, который должен вести стенограмму заседания, Павлов разъяснил нашему представителю права, а пока тот, расписавшись в ознакомлении с ними, нес к судейскому столу расписку, бегло поинтересовался, поддерживаем ли мы свою жалобу. То есть — настаиваем ли на своей невинности. Получив утвердительный ответ, внезапно и молча вышел из зала.

Мы, признаться, решили, что судья отлучился по какой-либо нужде. И в голову не пришло, что, не огласив состав суда, не выслушав саму жалобу и аргументы сторон, не заявив ни о начале рассмотрения, ни тем более о его завершении — вообще не проведя процесса, он ушел не за чаем, не за ручкой, не за кодексом, а — за готовым решением.

Этот поход был, возможно, самым кратким в истории судопроизводства. Секунд через 15 Павлов вернулся и постановил в нашей жалобе отказать.

— Вы же ничего не исследовали, — не сдержал недоуменной реплики наш представитель.

— Следующий! — объявил судья, словно терапевт на приеме.

Мы с интересом ждем, когда судья Павлов изготавит свое решение в письменном виде и на какие обстоятельства, исследованные в процессе, в нем сошлется. И обязательно расскажем о них — и читателям, и суду кассационной инстанции.

Только незаконный штраф все равно придется оплатить, а потом уж требовать деньги обратно.

Татьяна БРИЦКАЯ

И дущие уже больше двух лет интенсивные военные действия в Украине, конечно же, несут смерть и разрушения. Как, впрочем, любой вооруженный конфликт такого масштаба. Но, увы, этим смертоносная опасность данного конкретного конфликта не исчерпывается. Потому что в нем объективно заложен потенциал практически безграничной эскалации.

Именно «безграничной». Ведь она может привести не только к выходу за границы пока формально двустороннего конфликта двух государств. А также и за границы существования нынешней цивилизации — если дело дойдет до такой степени потери контроля над ситуацией основными действующими лицами, что шаг за шагом приведет к глобальной ядерной войне.

Кстати, об этих потенциальных опасностях до начала СВО и затем, уже в ходе военных действий после февраля 2022-го, неоднократно с тревогой высказывались серьезные профессиональные эксперты — как в генеральских погонах, так и без таковых. Причем принадлежащие к различным идейно-политическим лагерям.

Эти опасения, к сожалению, не беспочвенны. Ведь в конфликте, который становится все более затяжным, в прямом или «гибридном» характере задействованы четыре ядерные державы. С одной стороны — Россия. Со стороны натовских союзников Украины, поддерживающих ее политически и финансово, а также активно поставляющих ей различные вооружения — США, Британия и Франция.

Причем, как было отмечено в статье моего коллеги Ширяева, воинственная риторика с обеих сторон в последнее время уже вошла в состояние эскалации. Темы возможного участия военнослужащих стран НАТО непосредственно в конфликте и применения «при определенных условиях» тактического ядерного оружия перекочевали из общедоктринальных документов, а также из неофициальных, вроде бы «безответственных» высказываний особо воинственных персон из политического, экспертного и пропагандистско-медийного сообществ, в практический словарь действующих и вполне ответственных политиков и военных.

Правда, все представители военно-политического истеблишмента пока продолжают высказываться о недопустимости использования ядерного оружия и перехода конфликта к непосредственным военным действиям между Россией и странами НАТО. Понятно: одно дело раздувать меха психологической войны и взаимных пропагандистских запугиваний, другое — трезвый расчет как основа чреватых последствиями политических и военных решений. Однако появление еще недавно табуированных тем в публичном политическом пространстве настораживает. Ведь история доказывает, что границы между заявлениями и действиями часто оказываются гораздо более зыбкими, чем это на первый взгляд кажется.

В чем же причина такой, пока словесной, эскалации? Именно сейчас? Вот несколько предположений.

✓ Военный конфликт стал затяжным, в ходе его нет убедительных прорывов, резко изменяющих ситуацию на фронтах, непонятно, как стороны собираются достичь своих вариантов «победы». В такой ситуации возникает искушение ввести в оборот, хотя бы на психологическом уровне, какие-то более «убедительные» аргументы. Тем более что довольно распространены в западном сегменте становятся представления о том, что «Путин понимает только аргументы силы». Впрочем, что-то подобное происходит и в России — только

ПОВЫШАЮТ СТАВКИ — И ПРОИГРЫВАЮТ.

ЭСКАЛАЦИЯ, КОТОРУЮ ДЕМОНСТРИРУЮТ ВСЕ УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ ВОКРУГ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УКРАИНЕ, МОЖЕТ ЗАКОНЧИТЬСЯ КАТАСТРОФой

ВСЕ

Adrian DENNIS / AFP / East News

Непонятно, как стороны собираются достичь своих вариантов «победы»

в отношении того, что лучше «понимает» Запад.

✓ **Политические лидеры всех вовлеченных в конфликт стран используют жесткую риторику в сугубо внутриполитических целях.** Эти цели разные — общественно-политическая мобилизация в России, предвыборная борьба в США, предстоящие выборы в Европарламент, борьба за политическое лидерство в объединенной Европе, международная встреча по обсуждению украинской «формулы мира» в Швейцарии... Но необходимость решительных высказываний действующих политиков для демонстрации их волевых качеств и убежденности в правоте своих действий в таких условиях очевидна.

✓ **Решительность и убежденность в правоте, конечно, всем нужны, но есть и понимание, что все происходящее в итоге (конечно, если исключить апокалиптический сценарий) неизбежно приведет к переговорам о мире/о прекращении боевых действий.** А значит, они должны проходить при наиболее благоприятных для каждой из сторон позиций. Противная сторона должна знать, чего можно достичь, а чего нет. Потому в предлагаемом каждой стороне пакете должен быть набор приемлемых предложений и потенциальных угроз. Похоже, что, как ни парадоксально наше предположение, но ужесточение риторики — это один из элементов подготовки исходных позиций для предстоящих в будущем переговоров.

Так, может быть, не надо особо напрыгаться? Может, все так и останется в сфере пропаганды и взаимных пугалок, отравляющих атмосферу, но не приводя-

щих в движение войска и смертоносные военные «изделия»?

Д умаю, в нынешней ситуации такая беспечность неуместна.

Во-первых, **повторяемые публично угрозы — это психологическое стирание установленных «красных линий».** Реальных, базовых, а не «промежуточных», которые могут постоянно меняться в зависимости от тактических задач на фронтах — военном, политическом и психологическом. Тема отказа от применения ядерного оружия, неоднократно публично подтвержденная главными ядерными державами, перестает быть фундаментальным условием sine qua non в международных отношениях, нерушимой гарантией выживания человечества. Она банализируется и подвергается эрозии, а применение ядерного оружия постепенно переходит в общественном понимании из нерушимого механизма взаимного сдерживания всего лишь в одно из средств войны, которое «при определенных обстоятельствах» можно применить.

А рассуждения о непосредственном участии военных натовских стран в российско-украинском вооруженном конфликте — это снятие табу на гипотетическую российско-натовскую войну, которая неизбежно приведет к ядерной эскалации. Странные калькуляции, что все, мол, может ограничиться применением обычных вооружений в обход ядерных потенциалов — это пример бездарного авантюризма.

Во-вторых, крайне опасна эскалация (как виртуальная, так и реальная) в

нынешних условиях, когда не действует чрезвычайно важная для сохранения мировой безопасности сеть контактов между Россией и натовскими странами. Кое-что, конечно, сохраняется, как, скажем, бессрочное соглашение между СССР и США о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны, подписанное в 1971 году, или советско-американское соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним 1972 года (Россия — правопреемник этих договоров). Но в целом разветвленная система договоров, а также формальных и неформальных контактов между представителями РФ и США, другими ведущими странами Запада на сегодня разрушена. Да и атмосфера не та, и взаимное доверие подорвано. Как в таких обстоятельствах поведет себя система предотвращения случайных запусков стратегических ракет и случайных, несанкционированных военных инцидентов — неизвестно.

Так что сдержанность в высказываниях и тем более в действиях — это не просто проявление хорошего воспитания, о котором в сегодняшних международных взаимоотношениях забыто, но императив сохранения безопасности. В том числе теми, кто считает повышение ставок эффективным методом ведения политики. Кстати, многократно повторяемые слова, как известно, сокращают дистанцию до действий.

Андрей ЛИПСКИЙ

Продолжение темы —
СТРАНИЦЫ 4-7 →

**ПРО
МАЛЕНЬКУЮ
И «НЕ СТРАШНУЮ»
ТАКТИЧЕСКУЮ
ЯДЕРНУЮ
БОМБУ**

КЛЮЧИ

ОТ А Д Д А

6 мая было обнародовано заявление Министерства обороны РФ о подготовке — «в целях повышения готовности нестратегических ядерных сил к выполнению боевых задач» — учений «с ракетными соединениями Южного военного округа с привлечением авиации, а также сил Военно-Морского флота». Речь о практических тренировках войск по обращению с тактическими ядерными боеприпасами.

Нестратегическое ядерное оружие, или ядерное оружие поля боя — ключевой компонент заявлений Верховного главнокомандующего и высших чиновников России, призванных предотвратить ввод войск третьей стороны на украинский театр военных действий (ТВД). Именно от такой встречи армий Запада и России на поле боя предостерегал бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов США генерал Марк Милли президента Байдена в начале СВО.

Первые эпизоды такой «околоядерной» риторики относятся к осени 2022 года, они часто были приурочены к регулярным учениям стратегических сил ядерного сдерживания. Ныне налицо переход на новый уровень военно-политической напряженности: от разговоров — к реальным действиям, когда компоненты тактического ядерного оружия (ТЯО) уже появляются в войсках.

Чем такое оружие отличается от стратегического и какие его особенности мы должны учитывать при осмыслении ситуации?

Его главное отличие от стратегического оружия — мощность взрыва. Она измеряется в так называемом тротиловом

эквиваленте. Если мощность боеголовки обозначена в 50 килотонн — значит, для проведения взрыва аналогичной мощности с использованием самого распространенного в мире боевого взрывчатого вещества — тринитротолуола (он же тротил, тол, ТНТ) — требуется 50 тысяч тонн.

Мощность стратегического оружия доходит до десятка мегатонн и более, а тактического — от сотен тонн до 340 килотонн. Иногда приходится читать и пренебрежительные мнения о малой мощности ТЯО, но даже одна килотонна ТНТ требует для перевозки 17 железнодорожных вагонов. Мощность американских бомб, сброшенных на Японию, оценивается в 15–20 килотонн каждая (до 330 вагонов обычной взрывчатки).

Все находящиеся сегодня на вооружении боеприпасы тактического типа разработаны очень давно, не позднее 80-х годов прошлого века. При постоянной модернизации в разных странах они имеют сходные характеристики и конструкцию. Их общее свойство — миниатюризация и установка мощности прямо на поле боя: специалист устанавливает мощность взрыва боеприпаса в зависимости от характеристик выбранной цели непосредственно перед применением в очень широком диапазоне — от 0,3 до 300 килотонн. Это можно сравнить с тем,

как мы по необходимости увеличиваем и уменьшаем силу всасывания (точнее, мощность привода электродвигателя) пылесоса поворотом реостата.

Размеры тактического ядерного взрывного устройства позволяют разместить его в обводах небольшой тактической ракеты и даже артиллерийского снаряда. По оценкам многих западных исследовательских центров, Россия обладает крупнейшими в мире запасами ТЯО. В ее арсеналах, согласно открытым данным, оно хранится в виде авиабомб, головных частей оперативно-тактических и крылатых ракет, артиллерийских снарядов, мин и торпед. Можно упомянуть 152-миллиметровый снаряд ЗБВЗ мощностью более 2 килотонн (принят на вооружение в 1981 году) для пушек Д-20, МЛ-20, САУ 2С3 «Акация», 2С5 «Гиацинт-С», буксируемых «Гиацинт-Б». Подобные боеприпасы существуют и для 240-миллиметрового миномета «Тюльпан».

Помимо взрывной волны, как и любое ядерное оружие, ТЯО обладает такими поражающими факторами, как проникающая радиация, световой и электромагнитный импульс, радиоактивное заражение местности. Однако в отличие от стратегического оружия тактический ядерный боеприпас предполагает продолжение боевых действий в районе взрыва

сразу после применения. Поэтому ради снижения ущерба собственным войскам конструкторы при его создании стараются минимизировать заражение местности, а мощность взрыва должна быть адекватной выбранной цели. Экологические последствия одного ядерного тактического удара намного меньше последствий чернобыльской катастрофы.

Считается, что зона поражения при ядерном ударе ТЯО имеет диаметр от 1 до 10 км. Это оружие предназначено для поражения крупных целей и скопления сил противника на фронте и в ближайших тылах.

И тут мы подходим к проявившейся именно на Украине уникальной особенности современных боевых действий: это максимальное рассредоточение войск на фронте и органов управления в тылу.

...С распадом СССР после доктрина США изменилась. После массового поступления на вооружение особо дальноточных и высокоточных средств поражения стратеги решили, что США могут нанести любому противнику на земном шаре неприемлемый ущерб с помощью обычных средств. До недавнего времени считалось, что можно добиться победы с помощью высокоточного оружия в начальный период войны при минимальном контакте с армией противника.

главная тема

Теперь уже понятно, что, например, многие тысячи точных попаданий российских средств дальнего огневого поражения по целям на Украине не привели к окончанию кампании и не сломили решимость военно-политического руководства в Киеве продолжать боевые действия. Перенос этого опыта на доктрину США очевиден: заявленных целей в ходе современных боевых действий обычным (пусть и самым современным и высокотехнологичным) оружием достичь в таком сценарии не удастся. Ни в начальный период, ни в дальней перспективе. Украина — не Ирак, Россия — не Югославия.

Но поскольку войска и штабы теперь максимально рассредоточены, то и сугубо военных целей для ядерного удара практически не осталось. Это неприятные новости не только для Пентагона, но и для тех, кто разрабатывал российскую ядерную доктрину с учетом прошлого военного опыта. Ведь центры военного управления, космические средства связи и ее ключевые узлы, системы разведки, целеуказания, навигации и обработки информации размещены либо за границами Украины (как часть военной инфраструктуры НАТО), либо в очень крупных украинских городах, ядерный удар по которым абсолютно неприемлем в связи с его последствиями.

Для применения ТЯО можно выбрать цели двойного назначения, то есть аэропорты, узлы гражданской связи, мосты, заводы, подземные газовые хранилища или электростанции. Но это объекты, которые безо всякого ядерного оружия третий год обстреливает российская армия.

Таким образом, встает вопрос не об эффективности боевого применения, а о политическом давлении и демонстрации.

Для такого давления все страны, обладающие ядерным оружием, имеют процедуру его подготовки и приведения в боевое положение. В отличие от стратегических сил, готовых к применению в считанные минуты, ТЯО готовится в несколько этапов, каждый из которых распознается разведкой и интерпретируется аналитиками как очередной уровень ядерной эскалации. Для военно-политического давления (если угодно, шантажа, применяемого в таких ситуациях всеми странами) подготовка к применению уже считается частью плана.

На все эти расчеты накладываются особенности человеческой психики. Какими бы высокоответственными людьми (а это далеко не всегда так) ни были западные лидеры, при постоянных, месяц за месяцем, напоминаниях о ядерном оружии из России без практических шагов эти предупреждения начинают в их сознании превращаться в политическую рутину. Получается, что в какой-то мере российские лидеры загоняют себя в тупик: устав читать полный ядерных угроз телеграм-канал зампреда Совета безопасности РФ Дмитрия Медведева, оппоненты в конце концов тоже попытаются их взять на слабо.

И вот в начале зимы ход военных действий неожиданно привел к довольно резкому изменению взглядов Запада на украинский конфликт. С середины января в прессе и официальных заявлениях политиков все чаще стали обсуждать возможность ввода войск на левый берег Днепра. Причины очевидны: длительный перерыв в снабжении ВСУ вооружениями (в первую очередь боеприпасами), вызванный внутривнутриполитическим кризисом в США, и истощение мобилизационного потенциала Украины привели к утрате стратегической инициативы, тактическим отступлениям по всему фронту и создали реальную угрозу поражения Киева в среднесрочной перспективе.

Западные военные аналитики, а вслед за ними и политики не просто усомнились в возможностях Украины, а начали искать выход. И ничего другого, кроме поддержки ВСУ войсками стран НАТО непосредственно на ТВД, не придумали. Первым табу с темы ввода войск на

Украину снял Макрон. За ним «в прорыв» устремились лидеры Прибалтики, Великобритании, Чехии.

Кампания быстро набрала высокий темп. После того как через приграничную польскую территорию за 39 секунд пролетела крылатая ракета, Варшава созвала совещание. Обсуждали возможность обстрела российских ракет над Западной Украиной зенитными комплексами НАТО с территории Польши и Румынии. Одновременно специалисты обсуждают возможность боевой работы украинских самолетов F-16 с аэродромов в Польше и Румынии для надежного укрытия (аналогично во время Корейской войны самолеты дивизии Кожедуба взлетали с китайских аэродромов).

2 мая глава МИД Британии Кэмерон заявил, что Украина может наносить удары британским оружием по территории России. В первую очередь российский Генштаб должен иметь в виду крылатые ракеты Storm Shadow с радиусом действия до 550 км — они долетают с территории Украины до Москвы. Это первое, пока еще словесное пересечение «красной линии», проведенной НАТО в начале СВО. Ближайшие месяцы покажут, действительно ли ВСУ получили настоящее разрешение на такие удары. Наконец, во время инаугурации Путина лидер демократического меньшинства в палате представителей Конгресса США Хаким Джеффрис также заявил, что не исключена отправка американских войск на Украину.

Обратимся к официальному заявлению Минобороны: «В ходе учения будет осуществлен комплекс мероприятий по практической отработке вопросов подготовки и применения нестратегического ядерного оружия. Учение направлено на поддержание готовности личного состава

с российской армией в порядке страновой инициативы (не в качестве членов НАТО). Пока — всего лишь поговорить. Но Верховный главнокомандующий Путин сражаться с ВСУ конвенциональным оружием готов, а вот с НАТО — совсем не готов. Эскалация напряженности в ходе боевых действий на Украине перешла на новый этап.

Существуют мнения, что подобные учения — обычная рутина, просто теперь они сопровождаются пропагандистской кампанией. Это прямо противоречит информации наших источников, планировавших и проводивших мероприятия такого типа, — подобные учения последний раз на флоте проводились в самом начале 70-х годов прошлого века, в округах также — только в СССР. Это противоречие требует пояснений.

Орган военного управления Министерства обороны России, отвечающий за техническое обеспечение, безопасное хранение и подготовку к применению ядерного оружия (далеко не только ТЯО, но в этой статье нас интересует именно оно), не менял названия с 1958 года. Это 12-е Главное управление Министерства обороны Российской Федерации (12 ГУ МО России, 12 ГУ). В его состав входят в том числе десятки арсеналов (Центральные базы хранения), на которых складывается ТЯО.

Понятно, что его сотрудники обязаны уметь обращаться с боеприпасами различных типов, в первую очередь — уметь готовить их к применению. Для этого регулярно проводятся учения с привлечением подразделений профильных войск — ракетных, авиации и т.д. Есть несколько типов готовности, в том числе промежуточной, связанных с перемещением со складов на ТВД не

попадет в руки экипажей «Искандеров», должен гадать противник — секретность как средство психологического давления используют все армии мира.

Каждый этап в рамках стратегии устрашения не скрывается, он не просто может, а должен быть обнаружен разведками НАТО для соответствующего доклада на самый верх. После перехода оружия из походного положения в боевое для доказательства решимости российской стороне останется только выход из Договора о запрещении испытаний ядерного оружия и в качестве последнего варианта — демонстрационный «испытательный» взрыв над пустынной местностью (например, над Баренцевым или даже Черным морем).

Сегодня мир находится на первых ступеньках лестницы ядерной эскалации. Да, это далеко от обстановки во время Карибского кризиса, но важно помнить, что в свое время Хрущеву и Кеннеди все-таки хватило рассудка слезть с этой дьявольской лестницы.

Если НАТО примет вызов и обе стороны двинутся вверх, ступеньки рано или поздно кончатся. И тогда лидеры и командующие Запада зададутся вопросом: это блеф или твердая решимость? Примерно так же гадали, глядя на бесконечные маневры ВС РФ на границах Украины осенью и зимой 2021 года: то ли это запугивание в ходе череды переговоров с Западом о судьбе Украины и системы европейской безопасности, то ли Россия действительно перейдет границу?

Меня же в этой истории ставит в полный тупик важная особенность ТВД. Ведь если ВС РФ нанесут удар не по Украине, а по военному объекту страны, вступившей с ними в бой в силу союзного договора с Киевом (аэродром, пункт управления, склад вооружений и так далее), то не будет никакой возможности отделить статус союзника Украины от статуса члена НАТО. Это сливающиеся сущности. Как ни трактуй такое действие, это будет ядерный удар по НАТО.

И удар по цели на территории Украины ничем не лучше. Из мемуаров известно как минимум о двух планах ядерной бомбардировки городов Вьетнама, один из которых администрация США рассматривала на полном серьезе. Но одно дело — планировать бомбардировку далекой страны, которую твои избиратели в большинстве своем с трудом могут найти на карте, и совсем другое — планировать удар по территории соседа.

Поскольку чисто военных целей на Украине для ядерного оружия практически нет, то военно-политические выгоды (простите меня за это слово) от его применения несопоставимы с тяжелейшими последствиями для России. Анализ последствий такого сценария — задача политологов и экономистов, военные тут уже не помогут. Кстати, последний этап перед применением — ввод ключей подтверждения для разблокировки защитных систем.

Может, кому-то мерещится, что это ключи от победы? Или от рая? Опасное заблуждение.

Валерий ШИРЯЕВ

P.S. Сразу после инаугурации Путина в нескольких крупных западных СМИ появились утечки от организаторов саммита НАТО в Вашингтоне 9–13 июля. Согласно этой информации, в итоговый документ саммита будет включен специальный пункт об отказе от ввода войск участников альянса на Украину. Ключевая фраза, отражающая эту позицию, — «никаких сапог на земле» (*No boots on the ground*). Генсек НАТО Столтенберг на встрече с руководством Италии заявил, что Украина и не просила об участии западных войск в боевых действиях.

СЕГОДНЯ МИР НАХОДИТСЯ НА ПЕРВЫХ СТУПЕНЬКАХ ЛЕСТНИЦЫ ЯДЕРНОЙ ЭСКАЛАЦИИ. ДА, ЭТО ДАЛЕКО ОТ ОБСТАНОВКИ ВРЕМЕН КАРИБСКОГО КРИЗИСА, НО ВАЖНО ПОМНИТЬ, ЧТО В СВОЕ ВРЕМЯ ХРУЩЕВУ И КЕННЕДИ ВСЕ-ТАКИ ХВАТИЛО РАССУДКА СЛЕЗТЬ С ЭТОЙ ДЬЯВОЛЬСКОЙ ЛЕСТНИЦЫ

и техники частей боевого применения нестратегического ядерного оружия для реагирования и в целях безусловного обеспечения территориальной целостности и суверенитета Российского государства в ответ на провокационные заявления и угрозы отдельных западных официальных лиц в адрес Российской Федерации».

Оно означает, что для защиты недавно включенных в Конституцию РФ областей Украины возможно применение ядерного оружия. Для отработки конкретных ударов по утвержденным целям на учения выводятся войска. Все эти формулировки — наглядный пример использования ядерного оружия еще до его боевого применения.

Так действует доработанная в основах еще при Ельцине военная доктрина в период крупного вооруженного конфликта на границах России. Чтобы никто не сомневался в причинах объявленных учений, сообщение МО немедленно сопроводили заявлением МИД РФ и комментариями Пескова: «Учения с нестратегическим ядерным оружием связаны со звучащими с Запада заявлениями о готовности отправить войска на Украину».

Итак, западные лидеры устали слушать предупреждения российских коллег, осознали тяжелейшее положение Украины и решились поговорить о сраже-

только самих боеприпасов, но и других компонентов, в том числе спецтранспорта.

Однако это всегда локальные единичные события, которые отражаются и на сайте Минобороны. Это учения в интересах 12-го Управления МО, сами же удары по целям и их последствия выше командование отработывает на каждых более-менее крупных учениях. То есть армия учится на бумаге, планшетах и мониторах, а специалисты по обращению с оружием — на реальных установках. Именно такие учения весьма редки, в составе избранных экипажей.

Другое дело — полномасштабные окружные учения с компонентой широкого практического обучения экипажей обращению с оружием, о котором ракетчики и летчики до того знали лишь в теории. На них сводятся вместе команды, работающие с ядерными боеприпасами, и экипажи средств доставки. Таких учений не проводилось со времен СССР. Наши источники не смогли вспомнить ничего подобного за всю свою карьеру.

Разумеется, вовсе не обязательно использовать настоящие боеприпасы. Существуют неотличимые копии без ядерного компонента — так называемые практические бомбы и ракеты. Но что

ОТ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ВСЕ УСТАЛИ

**НО ДО РЕАЛЬНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ ПО УКРАИНЕ ЕЩЕ НЕ ДОЗРЕЛИ.
ОБЗОР МИРНЫХ ИНИЦИАТИВ — И ЧТО ИМ МЕШАЕТ**

На третий год военных действий в Украине вновь оживились идеи о проведении мирных переговоров. На фоне неизменных позиций Украины и России, а также третьих сторон (Запада, Китая и других) это отражает растущую усталость от кризиса, в оценках тяжести и прогнозах продолжительности которого просчитались, видимо, все.

Некоторые планы, о которых мы в «Новой газете» писали в прошлом году, просто растаяли и забыты (как, например, «африканская инициатива», резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, предложения Бразилии, Индии, Индонезии). Другие зависли по причине своей неконкретности и декларативности (как китайские принципы урегулирования). На столе для международного обсуждения осталась только «формула мира» Владимира Зеленского, которая по понятным причинам заведомо неприемлема для Кремля.

Но в последние недели появились признаки шевеления:

- проблема переговоров о прекращении огня была центральной темой встречи Владимира Путина с Александром Лукашенко, хотя заявленная цель переговоров была совершенно другой;

- Швейцария объявила о месте и времени международной конференции для обсуждения «формулы мира». Без участия России;

- до этого президент Турции Реджеп Эрдоган предложил Москве и Киеву площадку и посредничество в мирных переговорах и даже, по неподтвержденным данным, передал проект мирного договора;

- военный кризис вокруг Украины был одной из главных тем визита Сергея Лаврова 9 апреля в Пекин, где он встречался не только со своим китайским коллегой Ван И, но и с самим главой Поднебесной Си Цзиньпином;

- наконец, в Ватикане на 11 мая назначена Всемирная встреча чело-

веческого братства с участием лауреатов Нобелевской премии мира для поиска «креативного решения» по Украине в рамках мирного плана папы Франциска.

Оживлению «переговорной» темы предшествовали события и процессы, которые произошли в течение последних нескольких месяцев, подтвердившие или не подтвердившие наметившиеся после прошлого лета тенденции и прогнозы.

Ситуация в зоне конфликта

После предпринятой украинцами прошлым летом попытки широкого контрнаступления военная инициатива перешла к российским вооруженным силам. Россия сделала немало для перевода своей экономики на военные рельсы по мере превращения СВО в затяжную военную кампанию. Украинцы вынуждены уйти в оборону, но расширили «дроновую войну» против объектов на российской территории, в том числе против нефтеперерабатывающих мощностей. Россия усилила ракетно-бомбовые удары по украинской инфраструктуре, прежде всего, электроэнергетике, которую в значительной степени вывела из строя.

Запад держится силового курса

Не оправдались расчеты украинцев на массивную военную помощь западных союзников. Хотя девиз США, НАТО и Евросоюза о всемерной поддержке Украины «столько, сколько требуется» по-прежнему в силе, они не смогли своевременно и полностью дать Киеву даже обещанные вооружения и, главное, боеприпасы и средства ПВО. Это обрекло украинские вооруженные силы на острый снарядный голод и не-

способность защитить объекты инфраструктуры.

У нерасторопности Запада есть свои причины. В том числе экономические и технические, которые проявились, прежде всего, у европейских союзников. После Второй мировой войны их оборона полностью полагалась на НАТО, где главную роль играет военная мощь США. После окончания холодной войны, когда угроза с востока стала неактуальной, и вовсе наступила эпоха мирного развития. Европейские страны загнали свои «бронепоезда» глубоко на запасные пути, своя военная промышленность во многих странах почти атрофировалась, но вместе с закупками американской военной техники поддерживала минимальный уровень их оборонного потенциала.

Для участия в коротких по времени или ограниченных по масштабу региональных конфликтах, да еще в коалиции с американцами, этого хватало. Когда на поддержку Украины потребовалось сразу много и в течение длительного времени, запасы быстро иссякли, на «расчехление» и раскочку оборонной промышленности требуется много времени, переключение инвестиций и достаточные стимулы для бизнеса. В ЕС создание необходимых бюрократических и финансовых структур, таких как «украинский фонд», тоже заняло время, а для погашения «снарядного долга» пришлось по «чешской инициативе» выделять деньги для поиска «лишних» боеприпасов во всему миру.

Кроме экономических и технических проблем есть и политические. Пакет американской военной помощи Украине на 60 миллиардов долларов оказался заложником противостояния между демократами и республиканцами перед ноябрьскими президентскими выборами. То, что этот пакет на месяцы завис в палате представителей Конгресса США, сыграло решающую роль в неблагоприятном для Украины изменении военной ситуации.

В Европе усталость от войны усиливает присущую ЕС (и в некоторой степени нормальную для блока 27 суверенных государств) проблему политического разномыслия. И тоже на фоне подготовки к предстоящим 6–9 июня выборам в Европарламент. Результаты этих выборов не окажут прямого влияния на правительства стран Союза. Но покажут общественные настроения, определяют политические тенденции. Правящие партии и члены правящих коалиций очень внимательно следят за предвыборным «счетом» своих политических семей и не могут не учитывать его в своих действиях, в том числе на украинском направлении.

Несмотря на объективные и субъективные тормоза в вооружении и финансировании Украины, общий курс Запада на продолжение военных усилий остается прежним. Политики обсуждают, конечно, разные варианты, чаще всего в кулуарах. Для правительств и правительственных чиновников разговоры вслух о территориальных уступках Украины — табу.

В ЕС нет консенсуса по военной поддержке Украины и по условиям прекращения огня. Есть общая установка: всемерно помогать «столько, сколько потребуется». Но дьявол всегда в деталях. Европейские лидеры на саммите 17–18 апреля в Брюсселе выслушали видеобращение Зеленского, который обрисовал им ситуацию в Украине и в очередной раз попросил увеличить помощь.

В итоговом документе, который приняли по итогам саммита главы государств и правительств, нет ни строчки о мирных переговорах. А есть «полная и непоколебимая поддержка Украины, ее народа и ее независимости, суверенитета и территориальной целостности в международно признанных границах». Европейский совет «подчеркивает необходимость срочно обеспечить ПВО Украины и ускорить и активизировать доставку всей необходимой военной помощи, включая артиллерийские снаряды и ракеты».

главная тема

После того как американские и европейские союзники помогли Израилю отразить беспрецедентную атаку иранских ракет и дронов, Владимир Зеленский задал вопрос: почему эти члены НАТО не защитили таким же образом небо Украины? Ведь Израиль тоже не член НАТО, как и Украина, не связан с ними 5-й статьей.

Формально вопрос понятный. Но только формально. Западный военный блок не делает этого, говоря, что не хочет стать стороной конфликта. Совершенно другого по возможным последствиям. Для «коллективного Запада» пока не наступило время переговоров между Украиной и Россией, и он готов подождать.

Стамбул — за основу

Кремль, напротив, и прежде заявлял о готовности к мирным переговорам. В то же время подчеркивая, что должны быть достигнуты все заявленные цели СВО. Но, видимо, российские правящие элиты при всем оптимизме сводок о состоянии экономики, финансов и общества России отдают себе отчет в том, что людские и материальные ресурсы при нынешнем ходе событий не безграничны.

Путин 11 апреля сделал Украину чуть ли не главной темой Высшего совета Союзного государства России и Беларуси и несколько раз в разговоре с Лукашенко возвращался к идее мирных переговоров. Что опять же говорит об ее актуальности для него.

«Еще раз хочу подчеркнуть, что мы — «за!» — повторял он. — Только не в формате навязывания нам каких бы то ни было схем, которые не имеют ничего общего с действительностью».

Как будто существуют форматы переговоров, когда каждая сторона не пытается навязать свои требования другой, безоговорочно принимает все условия партнера, не имеет собственного мнения о действительности.

И опять, как в прошлогоднем разговоре с африканскими лидерами, Путин напоминал о стамбульском проекте мирного соглашения, выработанном в марте 2022 года. Ведь парафировали же с обеих сторон. И с украинской тоже, сокрушался он, обвиняя Киев в том, что тот отказался подписывать документ по указке британского премьера Бориса Джонсона. Но соглашение-то было «хорошее», по крайней мере, для того времени, что уже не раз отмечал Путин.

В свою очередь, и мы напоминаем, что проект неподписанного соглашения, как представляется из разных его изложенных членами российской и украинской делегаций, а также турецким премьером Эрдоганом, предполагал:

- отвод российских войск на линии, которые они занимали до начала СВО;
- отказ Украины от возвращения Крыма и Донбасса военным путем и мирное решение вопроса об их принадлежности через 15 лет;

• внеблоковый статус Украины, защищенный надежными международно-правовыми гарантиями, сопоставимыми с гарантиями 5-й статьи НАТО;

• отсутствие возражений России против потенциального вступления Украины в ЕС;

• обязательство Украины сделать русский язык вторым официальным языком.

«Да, и с ним [этим документом] работать!» — воскликнул Путин, перебив длинную тираду размышлений белорусского собеседника. — Они же согласились! Конечно!»

На следующий день его пресс-секретарь Дмитрий Песков в ходе телефонной конференции с журналистами подтвердил, что проект документа, который обсуждался в марте 2022 года, может стать «основой для начала переговоров». Однако отметил, что переговоры, если состоятся, должны будут учитывать «новые реалии», в частности, тот факт, что «в Конституцию (РФ) были включены новые субъекты».

Всем миром, но сначала без России

Путин и Лукашенко на своей встрече не обошли вниманием международную конференцию по мирному урегулированию в Украине, которая состоится 15–16 июня в швейцарском Бюргенштоке. Глава российского государства высмеял это мероприятие, назвав его «паноптикумом», поскольку его организаторы, признавая невозможность решить что-либо без России, ее туда даже не приглашают.

Даже еще до объявления сроков Россия ясно дала понять, что не примет участия в этой инициативе, которая основана, по сути, на попытках раскрутить «формулу» Зеленского и продолжает серию подобных «глобальных» встреч, последняя из которых была организована Саудовской Аравией в начале августа прошлого года в Джидде. К тому же Швейцария Москва больше не считает непоколебимой цитаделью нейтралитета и беспристрастности (каковой та была традиционно), поскольку в отношении СВО она заняла такую же враждебную позицию, что и Евросоюз.

Еще в январе нынешнего года швейцарское правительство заявило, что проведет мирный саммит по просьбе Зеленского. Это произошло на полях Всемирного экономического форума в швейцарском Давосе, в котором украинский президент принял участие. С тех пор Швейцария провела оценку заинтересованности в международном сообществе.

После этого глобального зондирования Федеральное правительство Швейцарии заявило, что «в настоящее время существует достаточная международная поддержка для проведения конференции высокого уровня для запуска мирного процесса».

Цель конференции, которая пройдет на курорте Бюргеншток в кантоне Нидвальден недалеко от Люцерна, — со-

Пресс-служба Минобороны РФ / AP

здать основу, благоприятную для всеобъемлющего и прочного мира в Украине, а также выработать «конкретную дорожную карту для участия России в мирном процессе».

Министр иностранных дел Швейцарии Игнацио Кассис заявил, что официальные приглашения направлены более чем 100 странам. На этапе исследования Швейцария провела переговоры со странами — членами G7, ЕС и представителями так называемого Глобального Юга, такими как Китай, Индия, Южная Африка, Бразилия, Эфиопия и Саудовская Аравия, говорится в сообщении. Сам Кассис для продвижения конференции в феврале посетил Пекин и Дели, а министр экономики Ги Пармелен слетал в Катар (кстати, пятизвездный отель в Бюргенштоке принадлежит именно Катару).

Берн не раскрыл, кто будет присутствовать, но, по сообщениям швейцарских СМИ, в списке будет президент США Джо Байден. Европейская комиссия устами своего официального представителя в

Брюсселе объявила, что она «с удовольствием» примет участие в конференции.

Китай, который в контексте этого конфликта считает союзником Москвы, заявил в марте, что рассмотрит возможность участия. Глава МИД КНР Ван И после встречи в Пекине с Лавровым 9 апреля выразился на эту тему не очень определенно: «Китай поддерживает созыв в подходящее время международной встречи, признанной как Россией, так и Украиной, в которой все стороны смогут участвовать на равных и справедливо обсудить все мирные решения».

Сам Пекин более года назад выдвинул документ из 12 пунктов, в котором излагались общие принципы прекращения военных действий, но не вдавались в подробности. В то время он был встречен вяло и в России, и в Украине, хотя министр Лавров заявил недавно,

САМОЕ ГЛАВНОЕ, ЧТО ИЗМЕНИЛОСЬ С МАРТА 2022-ГО, ТАК ЭТО КОЛИЧЕСТВО ВЗАИМНОЙ НЕНАВИСТИ

что этот план был наиболее разумным из тех, что до сих пор представлены другими странами.

Устроители форума в Бюргенштоке осторожны в ожиданиях. Президент Швейцарии Виола Амхерд признала, что нет никакой гарантии успеха июньской инициативы. Встреча отнюдь не приведет к немедленному мирному соглашению.

«Альтернативой было бы ничего не делать, и это было бы безответственно для стабильности Европы, а также

чески невозможно. Даже такого, какой предлагает при своем посредничестве Эрдоган. Да и предлагаемый им проект договора, судя по утечкам в СМИ, выглядит как подредактированный и слегка обновленный вариант неподписанных стамбульских договоренностей марта 2022 года.

Но с тех пор произошло много событий, которые в корне изменили ситуацию. Причем не только очертания линии соприкосновения войск. Это тот случай, когда в одну реку нельзя войти дважды. Стороны провели для себя новые «красные линии», что делает возвращение к стамбульской бумаге если не невозможным, то очень трудным.

Россия не только присоединила «новые территории», но и закрепила это в Конституции. Президент Зеленский исключил возможность вести перегово-

ры с нынешним российским руководством. Североатлантический союз на саммите в Вильнюсе объявил, что Украина будет в свое время членом НАТО, хотя и не обозначил сроков. Но даже и без формального членства отдельные крупные страны НАТО подписали с Киевом договоры о безопасности. Если в стамбульском проекте одним из пунктов было пожелание, чтобы Россия не препятствовала вступлению Украины в Евросоюз, то теперь Украина — кандидат в члены ЕС, принято решение начать с ней летом переговоры о вступлении. То есть согласия России не требуется. В более широком контексте — расширение НАТО и приближение инфраструктуры блока к российским границам. Предотвращение этого было в числе требований России к странам Запада от декабря 2021 года и в числе целей СВО. С тех пор в НАТО вступили ранее нейтральные Финляндия и Швеция, а восточный фланг альянса активно укрепляется. Трудно оценить потери от экономической и гуманитарной пропасти, которая разделила Запад и Россию.

Но самое главное, что изменилось с марта 2022-го, так это количество взаимной ненависти между людьми, жажды мести за родных и близких, убитых или искалеченных, изломанные судьбы миллионов беженцев.

Переговорами, подобными стамбульским, восстановить мир не получится, потому что это проблема не только Украины и России. Требуется широкое международное участие. Возможно, придется обсуждать более широкий круг проблем европейской безопасности и, видимо, отношений между Россией и Америкой.

При всех пессимистических прогнозах, первоначальном скепсисе и неприятии швейцарская конференция может дать шанс. Близкие мне по началу моей журналистской работы Парижские переговоры о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме длились с 1969 по 1973 год, а окончательно мир установился в 1975-м, и то совсем не так, как было по соглашению.

Тем временем подготовка к швейцарской конференции уже началась. Объявлено, что за безопасность будут отвечать кантональная полиция Нидвальдена и Люцерна, армия и другие полицейские силы. До и во время конференции будут действовать ограничения на использование воздушного пространства и даже возможно закрытие ряда пешеходных маршрутов в кантоне.

Новые реалии

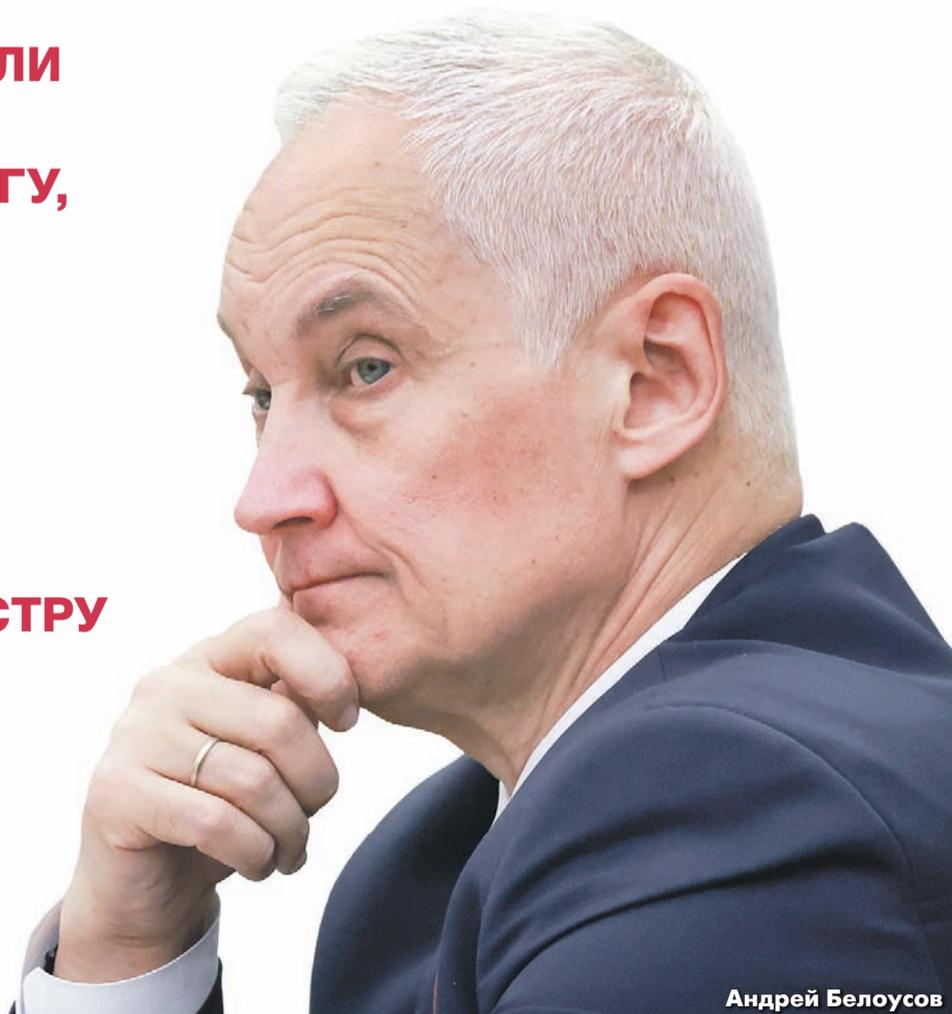
Возобновление прямых переговоров между Украиной и Россией на высоком политическом уровне при сегодняшнем состоянии дел представить себе практи-

ГЕНЕРАЛЬСКОЕ СРАЖЕНИЕ.

ОТКРЫТЫЙ ФИНАЛ

**КАК ВОСПРИНЯЛИ
В ВОЙСКАХ
ОТСТАВКУ ШОЙГУ,
НАЗНАЧЕНИЕ
БЕЛОУСОВА
И С КАКИМИ
ПРОБЛЕМАМИ
ПРИДЕТСЯ
СТОЛКНУТЬСЯ
НОВОМУ МИНИСТРУ
ОБОРОНЫ**

Андрей Белоусов

Вечером в воскресенье, 12 мая, стало известно, что в связи с переходом (с формальным повышением) на руководство Совбезом Сергей Шойгу уходит с должности министра обороны. Буквально накануне все его противники почти оставили надежды на смену всей команды министра. Самые частые комментарии в соцсетях уныло констатировали: скорее всего, арест по обвинению в коррупции заместителя Шойгу Тимура Иванова окончится банальной передачей денежных потоков от Минобороны в руки вновь назначенного Кремлем «доверенного».

Сутки спустя подал рапорт на увольнение его ближайший соратник Руслан Цаликов, а вслед за ним статс-секретарь Николай Панков, заместители министра Алексей Криворучко, Юрий Садовенко и Татьяна Шевцова, отвечающая за финансы.

И мгновенно выяснилось, что во враги бывшему уже министру и его команде можно записывать всю воюющую армию. Ближе к полуночи бесконечная череда ликующих постов, тостов и взаимных поздравлений военных на фронте и блогеров в тылу (вовсе не только оголтелого Z-сообщества) внесла невероятные краски в картину то ли повышения, то ли деликатно замаскированного увольнения.

На следующий день мы узнали, что Руслан Цаликов уже назначен первым заместителем секретаря Совета безопасности, а в отношении начальника Главного управления кадров (в недавнем прошлом глава 8-го Управления МО, отвечающего за режим секретности) Юрия Кузнецова начато следствие по обвинению в коррупции. Близкие к следствию источники сообщают о новых возможных арестах.

Ликование в самодельной армейской прессе перешло в улюлюканье: на наших глазах, кажется, воплощается мечта турбопатриотов в погонах и пиджаках о победе над удушающей военной бюрократией и установлении взаимопонимания между штабами бригад и Генштабом. Человеку свойственно мечтать о несбыточном, хотя происходящее действительно скорее напоминает чистку, чем рутинную смену министров.

Это своеобразная эпитафия двенадцатилетнему правлению Сергея Шойгу Министерством обороны России. Как надо было управлять ведомством и армией, чтобы подчиненные так радовались твоему увольнению? В штабах бригад, образно выражаясь, тоже откупорили шампанское.

Показательно, что Тимура Иванова отправили в Басманный суд, а не в гарнизонный, как надеялись многие сотрудники Министерства обороны. Те, кто затеял эту атаку, военному суду не доверяли. В итоге он оказался вне досягаемости от ведомственных лоббистов — в тюрьме «Лефортово». А вот генерала Кузнецова уже судили в гарнизонном суде, как положено военному: защищать его было уже некому, министр сменился.

Таким образом, Тимуру Иванову дали понять: политического прикрытия больше нет, пора давать показания. Интересную деталь сообщили источники — задержан Иванова был в гражданской одежде. Но чтобы предьявить его в суде, опального заместителя заново обрядили в генеральский мундир. Ну что тут скажешь? Чистая Византия.

А что же сменщик? Для нашей газеты это старый знакомый. Чтобы понять его отношение к бизнесу, рынку и принципам управления, стоит ознакомиться с большим, но так и не взлетевшим проектом «Автодата», к созданию которого Белоусов имел самое непосредственное отношение.

Суть его в том, что на все автомобили (грузовые, легковые и специальные), невзирая на принадлежность и предназначение, необходимо за счет владельца установить устройство, которое будет отправлять по удаленной связи все циф-

ценные кадры

ровые данные: маршрут, аварии, работу агрегатов машины, путевые листы, данные о грузе, личные данные пассажиров и водителя и еще много чего объемом до четырех терабайт в сутки — в распоряжение государства. Далее казенная «Автодата» эти данные под честное слово обезличит и начнет ими торговать.

Проблема в том, что эти данные принадлежат гражданам, коммерсантам, заводам, построившим автомобили, перевозчикам грузов и прочим сервисам. Но для инициатора это как раз не проблема — государство имеет право... И не спрашивайте, на что.

Рядовых граждан от принудительного изъятия личных данных спас крупный бизнес. КамАЗ, большие перевозчики и целый ряд автокомпаний не захотели бесплатно делиться своей собственностью и пошли в РСПП и отраслевые министерства. «Автодату» отложили в долгий ящик. А скоро на рынке неизбежно воцарятся бренды нашего самого крупного партнера и союзника — Китая. И нет никакой надежды, что китайские автозаводы разрешат забирать данные своих автомобилей за просто так и установят на них за свой счет чужое оборудование, — затея Белоусова, похоже, прогорела окончательно.

Это всего лишь характеристика взглядов на рынок и права собственности нового министра. Но в Министерстве обороны, которое за бюджетные средства закупает вооружения и товары по большей части государственных компаний, он, несомненно, оказался на своем месте. Никто не сомневается в глубокой компетентности Белоусова в сфере экономики и управления.

Практически все комментаторы, обсуждая пришествие очередного гражданского на руководство армией, судят и рядят о его деловых качествах, знании экономики и бизнеса. Всем интересны мысли о перехвате финансовых потоков у команды Шойгу. Многие ожидают арестов членов этой команды, новых уголовных дел.

Белоусова уже называют русским Макнамарой, прочат ему успехи в экономике средств, рационализации управления и политики закупок, внедрении инноваций. Но ни один обозреватель не говорит о главной задаче новой команды министра — выстроить современную эффективную армию, которая очевидно нуждается в изменениях. Ведь за то состояние, в котором армия, на радость всем критикам внутри и снаружи, оказалась к 2022 году, отвечает предыдущий министр.

Все как будто забыли, что в состав МО входит Главное управление кадров, а работу по подбору и продвижению по службе перспективных командиров курирует специальный заместитель министра — статс-секретарь. А вот за главный, интегральный показатель работы — боеспособность армии (а вовсе не регулирование финансовых потоков), которую измеряют десятками параметров, отвечает именно министр. Это его главная задача.

Но тут от Белоусова вряд ли стоит ожидать внятных успехов даже в среднесрочной перспективе: он столкнется с самой тяжелой и неповоротливой бюрократической машиной в стране после церковной.

Пребывание Сергея Шойгу во главе МО началось с проведенной по всем канонам той политической эпохи реформы. В безусловную заслугу команде бывшего министра можно записать разгром системной дедовщины, поразившей вооруженные силы в конце 60-х годов прошлого века. А ведь советские генералы оказались бессильны в борьбе с ней.

А закончился его министерский срок созданием, возможно, самой тяжеловесной и неповоротливой бюрократической структуры, не способной своевременно адаптироваться к быстро меняющимся условиям вооруженного конфликта обстоятельствам. Сегодня можно утверждать, что в мирное время такое ведомство вполне могло бы жить безо всяких изменений и дальше. Но СВО потребо-

Вадим САВИЦКИЙ / пресс-служба Минобороны РФ / ТАСС

Валерий Герасимов

вала того, чего никто не ждал: оказалось, что нужны победы, а не отчеты.

В СССР любой командир полка, доложивший начальству о проблеме, почти гарантированно наказывался как виновник, ее породивший. Четверть века коммунисты от партийной организации полка вплоть до военного отдела ЦК КПСС отказывались видеть в неуставных отношениях глобальное явление, требующее системных реформ. Сотни командиров полков и дивизий докладывали о дедовщине и сразу обвинялись в неумении навести дисциплину в собственной части.

В качестве иллюстрации этой традиции уже во времена Сергея Шойгу можно указать на судьбу генерала Ивана Попова, бывшего командующего 58-й армией (она встретила основной удар ВСУ летом 2023 года). По свидетельству депутата Гурулева (тоже в свое время командующего этой армией), министр обороны Шойгу подписал приказ об отстранении Попова от должности через сутки после доклада

ла СССР, при Шойгу она приобрела свои законченные чеканные формы — были введены формальные фото- и видеоотчеты о выполнении приказов. Они быстро стали инструментом создания (или фальсификации) документов, гарантирующих благосклонность высшего руководства. Как крепостное право приобрело окончательный вид при Екатерине Великой, так и положительная отчетность, отрицающая любые объективные проблемы, окончательно стала основой строительства ВС РФ после 2014 года.

Результаты можно описывать как анекдоты. При выполнении приказа о срочном рассредоточении сил Черноморского флота в связи с угрозой обстрела корабль, подчиненный другому командованию, остался у причальной стенки. Последовал немедленный звонок на мостик: срочно отдать концы и отойти от пирса на пять минут — штабу надо сделать видео пустого причала для отчета о выполнении приказа. Потом швартуйтесь на здоровье.

« ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕ КОММЕНТАТОРЫ, ОБСУЖДАЯ ПРИШЕСТВИЕ ОЧЕРЕДНОГО ГРАЖДАНСКОГО НА РУКОВОДСТВО АРМИЕЙ, СУДЯТ И РЯДЯТ О ЕГО ДЕЛОВЫХ КАЧЕСТВАХ, ЗНАНИИ ЭКОНОМИКИ И БИЗНЕСА. ВСЕМ ИНТЕРЕСНЫ МЫСЛИ О ПЕРЕХВАТЕ ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ У КОМАНДЫ ШОЙГУ. МНОГИЕ ОЖИДАЮТ АРЕСТОВ ЧЛЕНОВ ЭТОЙ КОМАНДЫ, НОВЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

в Генштаб о проблемах с организацией контрбатарейной борьбы в самый критический момент украинского контрнаступления и сопутствующих этому потерях.

И в СССР, и в новой России под угрозой оказывалась карьера командира, осмелившегося указать на системные проблемы армии. Поэтому все происшествия старались утаить прямо в части, а отчеты искажались. Эта могучая бюрократическая традиция не просто пережи-

По свидетельству воюющих офицеров и генералов, в нынешней российской армии отчетность систематически изменяется при прохождении их полка или бригады наверх — в благостную сторону, конечно. Путин, в попытке обойти эту лестницу, в конце концов ввел в обычное общение непосредственно со средним командным составом. И все равно картина событий на ТВД искажалась на конечном этапе.

Вот как описал это в день ухода Шойгу с должности, подводя итог его военному строительству, командир бригады «Восток» Александр Ходаковский: «Сейчас самое главное — не впасть в эйфорию... Если бы даже самая удачная перестановка могла привести к быстрому результату — давно бы все случилось. Что было самое страшное? Выстроена система тотальной дезинформации всех и вся...»

Надо признать, что в команде нового министра кто-то весьма точно представляет настроения подчиненных. Первое, пока еще окольное, послание Белоусова людям в погонах прозвучало в конце речи на слушаниях в Совете Федерации и попало в самую точку: «Ошибаться можно, врать нельзя». Его как будто ждали, в окопах развернулось нечто вроде флешмоба: военные выкладывали снимки с этими словами в соцсети.

Выглядит это как меткий аппаратный выстрел в спину уходящему Шойгу, создателю системы фотоотчетов. Вероятно, работу новой метлы можно будет увидеть в изменениях работы Департамента информации и массовых коммуникаций Минобороны. Возглавляющий его генерал Конашенков не просто попирает разумом логику и арифметику — он сам зримо воплощение руководящего стиля Сергея Кужугетовича. И, без сомнения, Игорь Евгеньевич важный член команды Шойгу, его статус при новом министре многое скажет о понимании Белоусовым этой важной функции.

Никто в окопах не смог забыть матерные оскорбления, которые Пригожин позволял себе в адрес Герасимова и Шойгу. Оплеванные чиновники не понимали, возможно, что молчанием в этой ситуации гробят не свое реноме, а устои армии — единичные в боевых обстоятельствах. Вот такие посты после ухода министра появились в бригадных тг-каналах:

«Армии нужно, прежде всего, вернуть доверие к своим высшим военным руководителям. До сих пор происходило так, что каждый военачальник, который пользовался популярностью в армии, вдруг оказывался в опале. Мы не знали и не знаем ни одного офицера нижнего звена или среднего, кто с уважением относился бы к верхушке пирамиды — не говоря уже о рядовом составе. Разве может побеждать армия, которой не хватает уважения к своему командованию?»

Еще днем позже Путин внес ясность — начальник Генштаба Герасимов останется на посту и никаких изменений не планируется. Но историю с Пригожиным теперь из «народного досье» не вычеркнешь. Как серная кислота разъедает она его репутацию, и отношение к планированию боевых действий прежней командой Генштаба у военных будет всегда вызывать сомнения — даже в дни успеха. Прежде всего потому, что фигура начальника Генштаба теснее многих прочих ассоциируется у них с прежним министром.

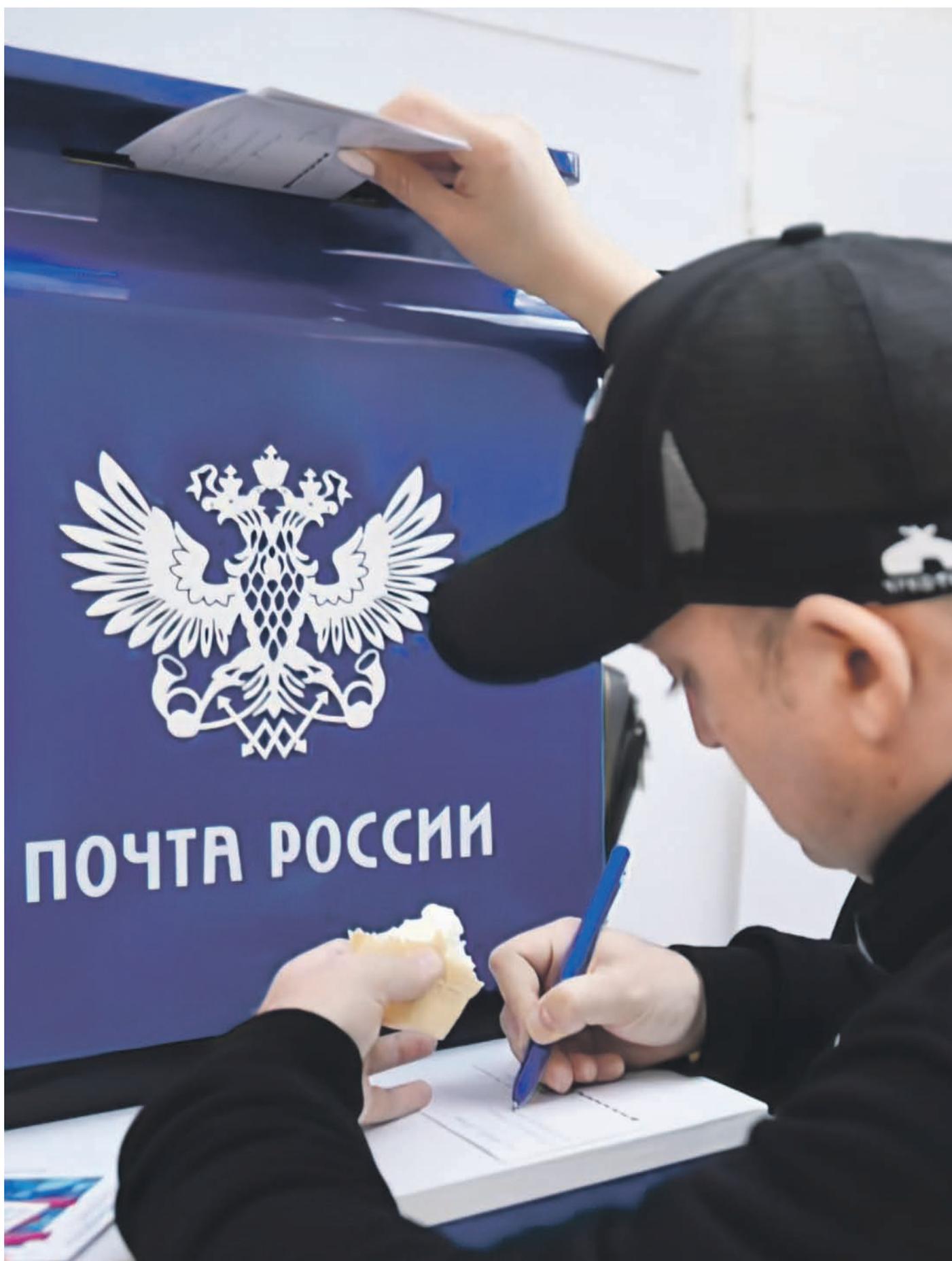
Первая коллегия Минобороны, ради которой в Москву прибыли в том числе большие чины, состоялась 15 мая и длилась меньше часа. Интересно, что многие генералы не из Москвы, услышав об уходе Шойгу, задавали одинаковый вопрос: «Кто такой Белоусов?» Надо отдать должное кадровой работе — секретность, как во время оперативной разработки.

Новый министр сообщил, что громких отставок с больших постов пока не будет, и отправился готовиться к визиту в Китай в составе огромной делегации, сопровождающей президента Путина. Многочисленным заместителям и начальникам управлений МО остается только использовать время визита, чтобы написать отчеты о состоянии дел в их ведомствах. Нет сомнений, что по возвращении Белоусов будет разбираться с каждым отдельно. Это прямо открытый финал, как в конце первого сезона какого-то напряженного телесериала.

Валерий ШИРЯЕВ

ДОНОС — НЕ ВОПРОС

**СОЦИОЛОГИ
ОБНАРУЖИЛИ:
БОЛЬШИНСТВО
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ ВСЕ
ЕЩЕ ОСУЖДАЕТ
ДОНОСИТЕЛЬСТВО,
НО МОЛОДЫЕ —
УЖЕ ЗНАЧИТЕЛЬНО
МЕНЬШЕ**

Приходится слышать, что в последнее время стало больше доносов. Это хорошо или плохо? Как относиться к доносам и доносчикам?

Для кого-то ответ на этот вопрос прост и однозначен: доносы — отвратительная подлость, все доносчики — подлецы и мерзавцы.

Найдутся люди, которые скажут, что все зависит от конкретных обстоятельств. Иногда донос — это нравственно неприемлемое явление, но иногда это сообщение о нарушении закона, о совершенном или готовящемся преступлении, и тогда это морально оправданное и даже заслуживающее поощрения действие.

Есть, наконец, точка зрения, согласно которой любой донос — благое дело, люди должны следить друг за другом, чтобы в обществе был порядок.

Когда-то в советские (сталинские) времена людей призывали к бдительности, развешивали специальные почтовые ящики для «сообщений от граждан», помогающих выявить скрытых «врагов народа». Для инстанций, в которые направлялись эти сообщения от граждан («доносы?»), в какой-то момент стал вопрос: надо верить всем донесениям или только тем, которые подписаны? Это называлось вопросом об анонимках.

Общественное мнение было настроено против анонимщиков. Получалось так: если автор подписывается — значит, он готов отвечать за правдивость сообщаемых сведений или подозрений. И тогда это морально оправданное действие. А без подписи это может быть клевета, ложное обвинение или вообще намеренное введение наших органов в заблуждение. Должностные инструкции не раз менялись — принимать к сведению анонимки или нет. Ведь может же быть так, что человек вынужден скрывать свое имя, но его сообщение позволило разоблачить скрытых же «врагов народа»...

Эпоха разоблачения культа личности и его последствий, массовые реабилитации безвинно репрессированных, в том числе по доносам, породила первую волну общественной дискуссии о доносах. Эпоха гласности, когда была создана новая общественная атмосфера, в которой анонимки и вообще доносы безусловно осуждались, — вторую.

Они обе вполне опирались на традиционную отечественную норму. На Руси существовало правило: доносчику — первый кнут, и, как говорят исторические источники, оно выполнялось. По доносу принимались меры, но и доносчика жестко наказывали, даже если донос не был ложным.

Вообще вопрос об отношении к доносу — это двойной вопрос о взаимоотношениях внутри сообщества обывателей (или граждан, если повезет) и о взаимоотношениях между этим сообществом и властью.

народная социология

Норма «не доноси!» предполагает, что любые конфликты и проблемы взаимоотношений между членами коллектива могут и должны быть решены внутри этого коллектива, без привлечения внимания или каких-то сил извне.

Социология предлагает различать два вида социального контроля. Один — когда контроль за каждым осуществляют «все» (и это самоопределение коллектива). Другой — когда контроль осуществляют специализированные институты, опирающиеся на некие формальные (писанные) установления. Традиционное общество в большей степени полагается на первый вид, модерное — на второй.

Донос предполагает вынесение вонне вопроса о неких нарушениях внутри сообщества, апелляцию к институтам, стоящим над коллективом и наделенным правом применения насилия к его членам. Идея правового общества, торжества закона, правосудия для всех отменяет негативную моральную оценку доноса как предательства «своих». Если есть указание на нарушение неких норм закона, соответствующие органы проведут беспристрастное расследование, и далее беспристрастный суд вынесет справедливое решение, воздаст каждому по вине его. Общественно опасное явление будет ликвидировано ко благу общества. А тот, кто обратил внимание инстанций на это нарушение или эту опасность, будет достоин по крайней мере общественного одобрения.

Читатель понимает, что мы реально существуем в системе, где продолжают действовать традиционные моральные нормы замкнутых коллективов, более того, часть из них распространяется вонне на все большое сообщество. Норма «своих не бросаем», как и вообще категория «своих», — из внутреннего понятийного обихода сплоченных групп. Но ее и ей подобные нормы нынешняя отечественная пропаганда пытается представить как норму всеобщую, когда «свои», «наши» — это вообще все, кто внутри наших границ.

При этом понятно, что ситуация с законом, органами, уполномоченными его применять, и их правоприменительной практикой далеки от идеальной ситуации правового общества, которая была бегло упомянута выше. Той ситуации, когда обращение в органы в случае ставшего кому-то известным нарушении закона — гражданский поступок.

Сегодня мы живем в таком спущенном сверху укладе, когда традиционные нормы, выработанные в устойчивых коллективах, оказались растянуты пропагандой на сообщество принципиально иной, большей размерности. А формальные институты, институты закона и права оказываются подчинены алгоритмам и нравам неформальных коллективов, где «своим» — все, а закон (точнее, его репрессивные средства) — «чужим», где кто «свои» и кто «чужие», решается, исходя из сообразности генеральной политической линии. Так донос снова становится доносом.

...И вот как это выглядит в зеркале соцопроса. «Левада-центр»* совместно с Лабораторией будущего «Новой газеты» провел опрос российского населения насчет отношения к доносам. Он показал, что в обществе господствует отрицательное, негативное отношение к доносам.

38% россиян сообщили, что относятся к доносам «резко отрицательно» (с этих позиций, отметим, написан и данный текст). Еще 35% предпочли ответ «отношусь к доносам отрицательно». Итого большинством в три четверти голосов российский социум поддержал норму негативного отношения к доносительству. 17% выбрали ответ «отношусь к доносам равнодушно». 4% заявили, что относятся к ним «одобрительно», а 1% — «весьма одобрительно». То есть позитивное отношение к доносам — явно позиция маргинальная. А вот равнодушное отношение,

URA.RU / TASS

В нашем обществе в настоящее время происходит интенсивная эрозия нормы на отрицательное отношение к доносительству

ЕСЛИ ВЗЯТЬ ТОЛЬКО ТУ ЧАСТЬ МОЛОДЕЖИ, КОТОРАЯ В ДАННЫЙ МОМЕНТ УЧИТСЯ, ТАМ ТОЛЕРАНТНОСТЬ К ДОНОСАМ ЕЩЕ ВЫШЕ. ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ НЕ НАБИРАЕТ И ПОЛОВИНЫ ГОЛОСОВ, А РАВНОДУШНОЕ ВЫРАЖАЕТ БОЛЕЕ 40%

т.е. игнорирование нормы, анония, заслуживает особого внимания.

Детальный анализ показывает, что между социально-профессиональными группами существуют небольшие отличия во взглядах на это явление. Так, в массовых категориях — среди рабочих, в среде специалистов, а также среди предпринимателей — норма отрицательного отношения выражена весьма твердо: три четверти респондентов говорят об этом, причём внутри этого большинства, в свою очередь, больше половины заявляет о «резко отрицательном» отношении. Пенсионеры — вот кто, собственно, держатели этой нормы: среди них 80% относятся к доносам негативно и, что особо важно, лишь 10% — равнодушно. Это почти вдвое меньше, чем в среднем.

Среди руководящих работников также большинство выражает отрицательное отношение к доносам, но это большинство скромнее, чем у других категорий: не три четверти, а две трети. И сообщающих о «равнодушном» отношении к доносам побольше, чем в других общественных группах, — 25%. Не говорит ли это о том, что в глазах бюрократии, в том числе высшей, донос — не такое уж большое зло, как о нем думают простые граждане? Косвенным подтверждением служит то, что среди лояльных к верховной власти и одобряющих ее курс наблюдается меньше отрицательного отношения к доносам, а главное, почти вдвое больше равнодушного отношения, чем в среде тех, кто не одобряет деятельность руководства и курс страны.

Примерно о том же свидетельствуют похожие различия в позициях бедных и зажиточных. Те, кто нынче живет побо-

гаче, они и к доносам терпимее. Таковы, в частности, обитатели столицы — главная бюрократия живет именно там. А люди попроще, живущие в средних и малых городах, как и деревенские жители, сохраняют более высокий уровень нетерпимости к доносам.

Но наиболее резкие различия в позициях по поводу доносов связаны, как показало исследование, с таким параметром, как возраст. Точнее, с принадлежностью к поколениям. 40 лет — это главная граница. Среди тех, кто старше сорока, восемь человек из десяти относятся к доносам отрицательно, а среди тех, кто моложе сорока, — только пять. И заявляющих о «равнодушном», т.е. терпимом отношении к доносам там вдвое-второе больше.

Особое внимание привлекает позиция самых молодых участников опроса. Это люди 18–24 лет, то есть те, вся жизнь которых прошла в нынешнюю, путинскую эпоху. И в этой среде большинство (55%) согласны с тем, что доносы — отрицательное явление. Но сильные чувства, резко отрицательное отношение там выражают на четверть реже, чем все, кто старше их (28%). А о терпимости к доносам, об отношении «равнодушном» заявляют значительно больше — 37%, в полтора раза чаще, чем среди старшей молодежи, и втрое-вчетверо чаще, чем среди тех, кому более 40 лет.

Если же взять только ту часть молодежи, которая в данный момент учится, там толерантность к доносам еще выше. Отрицательное отношение не набирает и половины голосов, а равнодушное выражает более 40%.

Изложенные данные позволяют констатировать: в нашем обществе в настоящее

время происходит интенсивная эрозия нормы на отрицательное отношение к доносительству. Носители нормы — старшее поколение — будут уходить с общественной сцены. А на нее будут приходить те, для кого донос — не такой уж большой грех.

Потребуется дополнительные исследования, чтобы выяснить причину этого изменения в отношении к доносам. Мы пока можем лишь предложить несколько (взаимоисключающих) вариантов объяснения таких перемен.

ВЕРСИЯ 1

Как мы мимоходом отмечали, в странах европейской культуры, правовых демократий является нормой внутри соседской или городской общины следить за тем, как ее членами соблюдаются законы и правила. Заметивший нарушение обязан сообщить в полицию или другие органы, которые будут принимать меры. Такое поведение считается правильным, поощряется и властями, и обществом. Можно выразить предположение, что этот тренд проникает и в нашу культуру. Известно, что молодые наиболее активно заимствуют элементы западного образа жизни. И вот среди какой-то части молодых нормой становится если не одобрять, то не порицать, например, информирование властей о неподобающем поведении кого-то из соседей.

ВЕРСИЯ 2

Поколение, выросшее в мирную часть путинской эпохи, не сталкивалось с массовым доносительством. Для них донос — нечто, известное лишь по пугающим рассказам бабушек. По их ощущениям, в наше время никаких доносов нет, а если и есть, то они не представляются чем-то опасным и ужасным.

ВЕРСИЯ 3

Гражданское созревание поколения, наиболее толерантного к доносам, прошло в атмосфере поздней путинской эпохи, после Крыма, после начала СВО. Сначала весело приняли игру в «вежливых зеленых человечков», в «их там нет»... Подоспели теории пост-пост-модерна и постправды, объясняющие, что правды нет и не бывает. А если так, то вся мораль поехала. Так что и донос не так уж аморален...

Алексей ЛЕВИНСОН

Продолжение темы —
СТРАНИЦЫ 12-13 ➔

* Признан в России «иностранным агентом».

«ЛЕНЬ СТУЧАТЬ, НО ВРЕМЯ ТАКОЕ...» ПРОТИВ «НЕ НАДО ВЫСОВЫВАТЬСЯ, И ОК»

МОЛОДЕЖЬ,
КОТОРАЯ
НАЧАЛА
НОРМАЛИЗОВАТЬ
ДОНОСЫ,
ОТВЕЧАЕТ
НА ВОПРОСЫ
О БУДУЩЕМ
РОССИИ:
ИССЛЕДОВАНИЕ
«НОВОЙ ГАЗЕТЫ»

Как это часто бывает, реальность с размаху разрушила гипотезу, выстроенную на личных наблюдениях. Готовясь к очередной волне наших исследований, в центр которой поместили тему доносов, мы предполагали, что по результатам увидим подтверждение предположению, что существуют некие параметры и характеристики, которые смогут показать, откуда возникла волна доносов то на одежду не той расцветки, то на слова не в том порядке, то просто на что-то, что выбивается из общей картины бытия.

А такая волна есть, и очевидно, что она растет на глазах. Если почитать новости, то складывается впечатление, что доносят все на всех. Вот «профессиональный общественник» проверяет интервью известных людей и странички в социальных сетях тех, кто попроще, и веером рассылает жалобы на не понравившиеся ему посты, вот соседи по общежитию сообщают о подозрительных высказываниях, вот попутчик по метро бежит к полицейским, через плечо прочитав что-то «крамольное» в чьем-то мобильнике.

В прошлом году средства массовой информации облетело интервью дамы, которая днями мониторит информационное пространство и сотнями пишет

доносы на тех, кто выступает против генеральной линии власти или отрицательно высказывается о СВО. Одна из жертв доносчицы, ученый-антрополог Александра Архипова*, даже вступила с ней в переписку, из которой выяснилось, что дама действует в собственных интересах, стараясь сделать так, чтобы никто и никак не мог помешать победе России в СВО, потому как обратное ударит по ее личному благополучию. Всего за почти два года на ее счету — если, конечно, она существует, а не является аватаром чьей-то профессиональной или коллективной деятельности — набралось почти полторы тысячи доносов на активистов, журналистов, экспертов, депутатов и обычных

лаборатория будущего

людей, которые, по ее мнению, сказали что-то не то и не там.

Можно предположить, что она в таком своем творчестве пусть и экзотична в части готовности рассказать о себе и своих мотивах, но не одинока. Настолько не одинока, что к весне этого года в Государственной думе возник законопроект, направленный против «серийных доносчиков», о котором «Новая» уже писала в феврале нынешнего года. Напомним, что инициированные депутатами из фракции «Новых людей» предложения предполагают признать злоупотреблением действия, которые выражаются «в направлении обращений в госорганы в целях привлечения внимания СМИ к информации о фактах возможных нарушений законодательства РФ, если при этом в результате проверки не было обнаружено никаких нарушений».

С одной стороны, в стране, вся давняя и не очень история которой расцвечена доносительством, появление такого закона вполне логично. С другой — вряд ли данный конкретный законопроект ожидает светлое будущее. Судя по высказываниям депутатов, они отнюдь не в восторге от предложенной инициативы. Так, влиятельный нынче депутат, председатель комитета по культуре Государственной думы Елена Ямпольская отмечает, что «если бы не постоянные сигналы общественности, не сплоченность гражданского общества, наша культура сегодня куда медленнее очищалась бы от различных вредоносных и летворных элементов». Что скорее намекает на возможность принятия закона о поощрении доносов, а не их ограничения.

Но вернемся к нашему исследованию, которое наша Лаборатория будущего провела совместно с «Левада-центром»* в конце апреля этого года. Основные результаты опроса в целом порадовали:

- резко отрицательно к доносам относится 38% россиян,
- просто отрицательно — 35%,
- равнодушно — 17%,
- одобрительно — 4%
- и весьма одобрительно — 1%.

Вроде бы, увидев лишь 5% тех, кто за доносы, самое время кричать «ура» и успокаиваться, что в целом наше общество вполне разумно и нормально.

Но, во-первых, в пересчете на взрослое население тех, кому нравится доносительство, все же выходит почти 6 миллионов человек (что соответствует, например, всему населению Дании), и крылатая фраза Довлатова про четыре миллиона доносов сразу перестает казаться такой уж шокирующей. Во-вторых, не требуется миллионов людей, чтобы проблема доносов была серьезной угрозой для общественного благополучия: ведь даже один донос может превратиться в сломанную судьбу или сломанные судьбы целой семьи, многих людей. Тут дело не в количестве, а в регулярности, прицельности и приемлемости, а самое главное — в готовности правовой, государственной машины быстро и «эффективно» реагировать на доносы.

В-третьих, как всегда, все самое главное и важное скрывается в деталях: в нашем обществе нашлась одна группа, чье отношение к доносам сильно отличается от среднего, как ни выделяй любые другие группы. И это — учащаяся молодежь. Среди ее представителей

- резко отрицательно к доносам относится 24%,
- отрицательно — 22%,
- равнодушно — 41%,
- положительно — 10%.

То есть равнодушного отношения и отрицательного отношения оказалось в два раза больше, чем в целом по нашей «больнице».

И вот ровно в этот момент рухнула наша гипотеза, что мы найдем какие-то

просто объяснимые параметры в отношении к доносам: поддержка или не поддержка власти, источники получения информации, проживание в больших городах или наоборот. Нет, там тоже нашлись некоторые любопытные колебания, которые отметили наши коллеги-социологи: чуть больше нейтрального отношения к доносам среди руководителей, чуть больше отрицательного — среди пенсионеров, чуть больше — среди домохозяек и неработающих, но все это больше похоже на оттенки в общей понятной картине. Но чтобы разница в два раза, и именно школьники и студенты? То самое наше будущее?

Чтобы понять, как это можно объяснить, мы решили не ограничиваться перебором и обсуждением собственных гипотез, а пойти и поговорить с самими студентами. Мы провели три встречи с учащимися трех разных московских высших учебных заведений, среди студентов были представлены уроженцы практически всей России в возрасте от 18 до 22 лет. Мы предложили им оценить несколько ситуаций, связанных с реальными доносами (антивоенные высказывания знакомого, критические к власти высказывания преподавателя, радужные цвета в одежде соседки и т.д.), и объяснить свое отношение.

ПОЧТИ ВСЕ УЧАСТНИКИ БЕСЕДЫ СОГЛАШАЮТСЯ, ЧТО ОНИ ЗНАЮТ В СВОЕМ ОКРУЖЕНИИ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ СПОСОБНЫ НА ДОНОС. И С УДИВЛЕНИЕМ ДОБАВЛЯЮТ, ЧТО РАНЬШЕ НИКОГДА НЕ ЗАДУМЫВАЛИСЬ ОБ ЭТОМ, НЕ ВЫДЕЛЯЛИ ЭТО, ПОТОМУ ЧТО СЧИТАЛИ ОБРАЗ ПОВЕДЕНИЯ ТАКИХ ЛЮДЕЙ НЕКОТОРЫМ ВАРИАНТОМ НОРМЫ

Основное отношение хорошо выразила одна из участниц нашей встречи: «В целом мне все это все равно. По-настоящему все равно. Сама я ни на кого стучать не буду, просто потому что лень, да и кому стучать — этим? (Тут она показала пальцем вверх.) Но если вдруг где на кого надавили, тоже пойму. Время сейчас такое».

Практически по всем нашим беседам было рассыпано упоминание этого самого «времени», которое может объяснить или объясняет для молодых людей то, что доносы существуют. Практически все опрошенные склонны считать, что подстраивание под требования времени — вполне приемлемая норма поведения, даже если она не соответствует их внутренним убеждениям. Можно думать одно, а делать, если выбора не будет, нечто совершенно противоположное, потому что риски велики.

«Вы же понимаете, может быть ситуация, что могут прижать так, что дальше — отчисление, — говорит один из наших собеседников. — И я вполне могу представить себе, что сложится ситуация, что либо я там что-то напишу-подпишу, либо я — на выход, а там армия, окопы, ***, вот это всё». И ничего на это не ответишь со своей позиции спрашивающего взрослого, ибо да, и мы все можем себе представить себе и такую ситуацию, и людей, которые могут ее создать для своих нужд, да и причины и условия, которые сделали все это возможным, тоже отлично себе представляем. Все, кто может оказаться под угрозой непосредственного попадания в зону военных действий против

своей воли, создают вполне питательную среду для выбора «либо я, либо он/она/они», когда донос на кого-то ради собственного спасения начинает казаться относительно приемлемой опцией.

Если же рядом кто-то относится к этому с пониманием или как минимум без осуждения, то такой выбор может постепенно, со временем превращаться в норму. «Я лично против доносов. Я много читала про это, понимаю, что это неправильно и ненормально, знаю, сколько ужасного всего было в прошлом из-за доносов. Для меня ненормально по своей воле бежать и на кого-то стучать. Но я могу себе представить, что нас всех поставят перед выбором: либо мы рассказываем о тех, кто, например, читает в телеграме разное оппозиционное и обсуждает это, либо будут какие-то репрессии против нас, а мне лично очень важно, как я окончу университет, мне потом дальше в магистратуру, и я не знаю, смогу ли я отказаться что-то про кого-то сказать или написать».

Конечно, если ситуация, требующие такого выбора, происходили, происходят или будут происходить, ответственность за них лежит на тех, кто их создает, на взрослых, а еще в большей мере — на тех, кто создал условия, в которых они в прин-

не где-то там, далеко, а рядом с ними, их отношение изменилось.

Было, конечно, среди участников наших встреч много и тех, у кого четкая и ясная позиция: доносы отвратительны. «Я считаю, что это жуть и гадость — доносить на кого-то, пусть хоть ради чего угодно. И смотрите, сейчас принимали столько всяких законов, что прилететь может совершенно с любой стороны: то не говори, это не смотри, там не читай. Неудивительно, что есть люди, которым по кайфу использовать это для того, чтобы выслужиться, или еще там что-то, бери да пиши».

И ведь действительно, бери да пиши: сами студенты накидали нам еще почти дюжину вариантов того, за государство может начать наказывать людей, что-то, а фантазия у молодежи развита отменно. Но писать мы про эти варианты не будем — нечего подкашивать дурное. «Вы понимаете, это все выглядит как дурацкая игра: там, наверху, сидят люди, которым, кажется, нечего делать, и они придумывают и придумывают всякие законы, от которых всем только сложнее. А в нашем мире, тут, внизу, есть люди, которые или им, этим верхним, верят, что так надо, искренне верят и все делают, как им говорят, или просто подстраиваются».

Да, среди студентов, конечно, были и те, кто тоже искренне считает, что власть принимает правильные законы и вообще у нас все движется в нужном направлении. «Так лучше, иначе будет хаос. И да, Россия должна защищаться сегодня, в мире все сильно непросто. А защищаясь, надо делать так, чтобы останавливать врагов и снаружи, и внутри. Поэтому, наверное, и доносы — чтобы врагов было меньше. Хотя я лично и против того, чтобы стучать на кого-то».

Это было отдельно интересно: те, кто разделяет мнение, что доносы в целом и в принципе могут быть возможны и полезны, каждый раз оговаривали, что это именно в целом и в принципе, но сами они — никогда. И очень часто добавляли: «Ну вот посмотрите, на том самом Западе же это все делают».

Еще один любопытный момент: чаще всего на западную общественную норму сообщать властям о тех или иных проблемах как на оправдание отечественных доносов чаще всего ссылались те, то склонен считать, что у нас все хорошо, а на Западе — наоборот. Мы не стали углубляться с нашими собеседниками в тему западной концепции whistleblowers (заявителей о нарушениях) и в детали принципов и систем их правовой защиты, существующих во многих странах, на это ушло бы слишком много времени, но действительно можно отметить, что у некоторых наших собеседников был вопрос: а где грань между доносом и естественным гражданским стремлением добиваться исполнения законов?

Сошлись все в общем и целом на том, что в первую очередь это зависит от сути и качества законов: если законы понятны и скорее во благо, то можно и жалобу куда-то написать, а если они непонятно про что и зачем и общественное благо не вполне очевидно, то участвовать во взаимодействии с государством по их поводу вовсе незначит.

К концу наших бесед не мы подсказали, а сами наши собеседники вышли на вопрос: а что же дальше, будет ли доносов больше, или как оно есть сейчас, то так оно и законсервируется: писать будут те, кто уже пишет, ничего с ними не поделаешь, а остальные будут жить, как жили, лишь надеясь, что они сами не станут объектом доносов? «Просто не надо высываться. Поменьше надо болтать лишнего, и все будет ок. А в будущем оно все как-нибудь наладится».

Неизвестно, что хуже для этого будущего: доносы или молчаливая, приспособливающаяся, уворачивающаяся от созданного взрослыми настоящего молодежь.

* Признан в России «иностранным агентом».

Противостояние между властями Грузии и оппозиционной общественностью, выступающей против «Закона о прозрачности внешнего влияния», набирает силу. Кульминация еще впереди. Точно неизвестно, когда именно: 11 мая, в День Европы, когда по всей стране пройдет акция «общенационального неповиновения», либо 16–17 мая, когда злополучный «русский закон», как его называют оппозиционеры, парламент обсудит и проголосует в третьем чтении, или в день преодоления неминуемого вето президента примерно в конце мая — начале июня... Но то, что кульминация предстоит и наверняка станет «взрывной», никто не сомневается. Также очевидно, что нынешнее движение (уже можно сказать «общественное движение», а не просто массовый протест) носит во многом уникальный характер, поскольку слишком много событий и явлений происходят впервые — даже на фоне бурной новейшей истории кавказской страны.

Грузия и «Мозамбик»

На днях противники «русского закона» впервые в новейшей истории страны перекрыли тбилисскую площадь Героев. Такого ни разу не было за 32 года независимости. Перекрыть эту площадь для грузинской столицы — почти то же самое, что перекрыть в Москве все Садовое кольцо, то есть спровоцировать в городе полный транспортный паралич.

Участников пикета было так много, что полиция, в том числе части спецназначения МВД, даже не вышли на площадь. Но главное даже не число манифестантов, а их состав: в основном молодые люди лет двадцати, завернутые во флаги ЕС и Грузии.

Грузинский государственный флаг очень похож на флаг европейских крестоносцев. Впрочем, не просто «похож», а на самом деле он и есть: кинорежиссер Эльдар Шенгелая примерно 25 лет назад, работая в Ватикане, обнаружил флажок с пятью крестами над Тбилиси на одной из средневековых карт. Флажок обозначал, что там живут союзники общеевропейского движения за освобождение Гроба Господня.

В 2003 году, сразу после «революции роз» и по настоянию кинорежиссера, лидер той революции, Михаил Саакашвили, инициировал объявление европейского символа государственным флагом Грузии.

Все последние годы соратники Саакашвили, да и сам третий президент, отбывающий сейчас шестилетний срок заключения по обвинению в превышении служебных полномочий, сетовали на то, что движение против «русского

Михаил ЕГИКОВ / ТАСС

КИНУЛИ

КЛИНЧ

ПРОТЕСТЫ В ГРУЗИИ ИЗ-ЗА ЗАКОНА «ОБ ИНОАГЕНТАХ» — КОНФЛИКТ ЭПОХ, В КОТОРОМ КОМПРОМИСС НЕВОЗМОЖЕН, А КУЛЬМИНАЦИЯ ВПЕРЕДИ

олигарха Бидзины Иванишвили» никак не может набрать силу именно потому, что ее не поддерживает молодежь: она «пассивна», «занимается лишь своими делами», не хочет участвовать в политике, выражает омерзение любыми политиками... И вдруг движение против «Закона о прозрачности иностранного влияния» неожиданно для властей, а может, и для самой оппозиции обрело невиданно мощную поддержку студенчества, всей молодежи — от тинейджеров до Gen Z (поколения, родившегося в конце 1990-х — начале нулевых). Условно и обобщенно говоря — «двадцатилетних».

Именно они сегодня олицетворяют в Грузии «движение исторических сил». Тем самым нынешняя ситуация в корне отличается от прежних «клинчей» между властями и оппозицией разных эпох. Злополучный «русский закон» затронул такие душевные струны, да и интересы целого поколения, которые прежние политические бури обходили стороной.

Для нынешних двадцатилетних грузин Россия — страна столь же далекая и непонятная, как Мозамбик. Они меч-

тают о Европе, и хотя Грузия пока всего лишь кандидат в члены ЕС, уже считают себя европейцами. Пользуясь счастьем безвизового режима с Европейским союзом, покупают авиабилет за 40–50 евро и летают лоукостером из Кутаиси в Милан и Париж на субботу-воскресенье вместе с возлюбленным или возлюбленной.

И вдруг... оппозиция им говорит, что злая «пророссийская» правящая партия «русского олигарха» Бидзины Иванишвили пытается отнять у них любимую Европу, отменить безвиз и впихнуть обратно в тот самый «Мозамбик», о котором они ничего не знают, где ни разу в жизни не были, языком не владеют, фильмы не смотрят, попсу не слушают, ТВ не принимают — хотя бы потому, что российских телеканалов у них нет и никогда не было, если даже там есть что смотреть.

...18 ноября далекого 1983 года в Грузии произошла страшная трагедия: такие же двадцатилетние парни, ночами напролет слушавшие западную рок-му-

зыку, не отказывая при этом себе ни в чем, обостряющем чувства, попытались угнать на Запад самолет, вылетевший из Тбилиси. Им как-то удалось пронести на борт оружие.

По приказу тогдашнего первого секретаря ЦК КПСС и многолетнего грозного председателя КГБ Юрия Андропова из Москвы в грузинскую столицу за 50 минут военным бортом прилетела легендарная «Альфа». В ходе спецоперации по освобождению несчастных и ни в чем не повинных заложников погибли десятки человек.

Один из участников этого преступления (которому, разумеется, нет и абсолютно не может быть ни малейшего оправдания!) сказал на допросе за несколько недель до расстрела, что совершил чудовищное преступление, прогремевшее тогда на весь мир, чтобы... «побывать в Лондоне на концерте Led Zepplin в память великого драммера Джона Бонема» и «послушать наконец-то в живом исполнении их гениальный Kashmir», о чем он мечтал всю свою короткую жизнь. О предстоящем концерте он слышал по Радио «Свобода»*.

И что самое примечательное: у молодых преступников, вышедших из элитных семей и погубивших десятки невинных советских обывателей, «в жизни было все!» Все — кроме свободы и возможности в любой момент полететь туда, куда глаза глядят, без визы КГБ, которую они никогда бы не получили из-за негативной характеристики райкома ВЛКСМ.

Об этой трагической истории, произошедшей в наглухо закрытую, серую и безрадостную коммунистическую эпоху, рассказал в фильме «Заложники» российский кинорежиссер грузинского происхождения Резо Гигинеишвили. Фильм не без изъянов, но в нем очень точно и емко показано, как «маленькие и несущественные молодежные мечты» обретают историческую силу: «Трагедия 18 ноября», разумеется, не в масштабе всего СССР, но в самой Грузии, сыграла важнейшую роль в мощном антикоммунистическом движении конца 1980-х.

* Властями РФ признана нежелательной организацией.

...У нынешнего поколения ровесников, расстрелянных тогда по закону и справедливости (именно по закону и справедливости!) двадцатилетних, есть то, чего не было у них, — ощущение свободы столь же естественного и привычного как воздух. И даже если грузинская оппозиция их злостно обманывает, утрирует, преувеличивает, как она и делала все предыдущие десятилетия в борьбе за власть, все-таки главное — это инстинктивное ощущение опасности уже привычному и милому для них укладу жизни, превращающее молодых парней и девушек в непримиримых пассионариев.

Сегодня на тбилисских улицах их избивает полиция, травит перцовым и слезоточивым газом, арестовывает и бросает в КПЗ, но они упорно, даже фанатично идут на кордоны спецназа, будучи уверенными, что воюют за свое будущее и свободу под слоганом «Да — Европе, нет — России». Иначе никакая оппозиция, никакие лживые и хитрые политики с их политтехнологиями не могли бы (как не смогли в прежние годы) вывести их на площадь Героев впервые в истории страны.

«Мишафобия»

Пора замолвить словечко за «грузинского олигарха» Бидзину Иванишвили, прозванного у нас «русским», и попытаться объяснить его мотивацию. Оппозиция малюет из него толкиенского Саурона, но это не только неверно по сути, но и несправедливо.

На первый взгляд непонятно, с какой стати ему идти на такой риск, как противостояние с самой пассионарной (непобедимой в принципе) частью общества, инициировать злосчастный закон, создающий столько проблем, радикально портящий отношения с Западом, где реально хранятся его миллиарды (на этот момент почему-то мало кто обращает внимание, а ведь зря), и в целом подводящий Грузию на порог очередной революции, а может, и кровопролития.

Иванишвили нажил свое состояние в Москве «лихих девяностых», но он отличался от других бизнес-фигурантов той эпохи. Светлой памяти Валерия Новодворская говорила о нем, что Иванишвили, будучи совладельцем банка «Российский кредит» и многих других успешных бизнес-предприятий, «был единственным, кто мог, но сам отказался от участия в т.н. залоговых аукционах, считая их мошенническими».

А ведь действительно мог, поскольку входил в ту самую «семибанкирщину», которая профинансировала Ельцину судьбоносные президентские выборы 1996 года.

Покойный Каха Бендукидзе, которого Бидзина чуть не посадил и считал своим личным врагом за дружбу с Михаилом Саакашвили, высказывался в узком кругу (не публично), что Иванишвили — «один из наиболее талантливых бизнесменов», которых он когда-либо знал в Москве. Такая оценка Бендукидзе дорогого стоит.

С 2000 года, после переезда в Грузию, из своих 5,5 миллиарда долларов миллиардер истратил на чистую благотворительность 2 миллиарда. Начиная политическую карьеру и непримиримую борьбу с Михаилом Саакашвили в 2011 году, он продал все свои активы в РФ. Никакого бизнеса в Грузии у него нет до сих пор. Все разговоры об обратном — популистская демагогия и болтовня оппозиции в расчете на ментальную «левизну» большинства населения.

После победы на парламентских выборах 2012 года основанной им партии «Грузинская мечта» (ГМ) Иванишвили несколько раз уходил из политики, но возвращался в до дрожи ненавидимое им «публичное пространство» каждый раз, когда возникала опасность нового прорыва во власть его злейшего врага — Михаила Саакашвили.

ТРАГИЗМ НЫНЕШНЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО МОМЕНТА В ТОМ, ЧТО РАЗРЕШИТЬ ОПИСАННОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КОМПРОМИССОМ ПРАКТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО. ЭТО НЕ ПРОСТО ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ, А КОНФЛИКТ МЕНТАЛЬНЫЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ

Бывший президент как-то сказал, что он и «деревенщина Иванишвили» «находятся на разных этапах эволюции биологических видов». Более зубодробительной оценки одного политика другим вспомнить непросто. Они действительно абсолютно разные.

Было бы не только упрощением, но примитивизмом сводить мотивацию нынешнего де-факто правителя Грузии (сейчас Иванишвили занимает лишь пост «почетного председателя» ГМ) только к жажде сохранить личную власть. В реальности все сложнее: главное свойство, «сердцевина» его мотивации — это, условно говоря, «Мишафобия». То есть даже не столько потеря своей власти, сколько страх возвращения во власть Михаила Саакашвили.

новейшей истории, когда в нашей стране не было войны».

А ведь действительно: Грузия воевала и при первом президенте Звиаде Гамсахурдия в Южной Осетии, втором президенте Эдуарде Шеварднадзе — в Абхазии, третьем — Михаиле Саакашвили — опять вокруг Южной Осетии, и лишь с 2012 года в многострадальной стране наступил мир. Это и была «Грузинская мечта» после стольких лет ужасных потрясений и кровопролития.

Как это ни парадоксально, если Иванишвили сейчас удастся избежать революции и «дожить до выборов», то, по абсолютно всем опросам, на любых демократических выборах его партия наверняка победит «Единое национальное движение» (ЕНД) Михаила Саакашвили, поскольку

Бидзина Иванишвили на акции в поддержку закона «об иноагентах»

AP / TASS

Дело в том, что, по глубочайшему убеждению Бидзины Иванишвили, его главный соперник и враг — опасный сумасшедший! Потому что только сумасшедший мог (по его мнению) «довести четырехмиллионную страну до полноценного военного конфликта с соседней ядерной державой». И стоит тому вновь дорваться до власти с помощью тех самых НПО, ограничить которые он потому и пытается пресловутым «законом», как «опасный сумасшедший» и его команда таких же «полоумных идиотов» обязательно, со стопроцентной вероятностью, свергнут страну в новую войну с Россией!

«Грузинская мечта» о мире

Иванишвили неоднократно проговаривал, в чем его главная историческая заслуга: «Мы — первая власть за 35 лет

На такой реальности настоял тот же Запад.

И, с учетом упомянутой «Мишафобии», разве удивительно, что Бидзина выступает со все новыми, просто неслыханными ранее в Грузии антизападными заявлениями, обвиняет «западную партию глобальной войны» в стремлении «открыть против России второй фронт в Грузии» путем «назначения угодной им власти» (читай — Михаила Саакашвили) с помощью «так называемых неправительственных организаций».

Вторя ему, премьер-министр Ираклий Кобахидзе (опять-таки впервые в грузинской истории) сенсационно отказывается от рабочего визита в США, поскольку американские партнеры обусловили визит приостановкой рассмотрения «Закона о прозрачности иностранного влияния», и дипломатическая «пикировка» между Тбилиси и Вашингтоном обретает черты несколько комичной холодной войны между москочкой и слоном. Отвечая на упрек советника госсекретаря США Дерек Шолле о разгоне митинга у здания парламента, молоденький премьер, считающийся главным открытием и вундеркиндом команды миллиардера, гордо проговорил вполне в стиле басни Крылова: «Мы ведь не упрекаем США за недавний погром, устроенный в кампусе Columbia University?!»

Жестокий закон истории

Трагизм нынешнего исторического момента в том, что разрешить описанное противоречие компромиссом практически невозможно. Это не просто политический конфликт, а конфликт ментальный, в том числе поколенческий.

Иванишвили, исходя из его советского менталитета, никогда не понять: политика — пространство неопределенности и смертельного риска. Никаких гарантий здесь нет и быть не может. В конце концов и у Михаила Саакашвили не было и быть не могло никаких гарантий, когда он возвращался в Грузию из Украины, спрятавшись в контейнере с молочной продукцией. А разве кто-либо хоть что-либо гарантировал Алексею Навальному, когда он возвращался в Россию, где героически погиб в тюрьме?

С другой стороны, цивилизаторская миссия Европы не в том, чтобы вернуть во власть Саакашвили, а в том, чтобы установить в Грузии (стране — официальном кандидате в члены ЕС!) институт сменяемости власти, то есть «несущую конструкцию» любой демократии. И Европа всегда будет бороться за выполнение своей цивилизаторской миссии: да, вмешиваться во внутренние дела недемократических стран с помощью «инструментализированных» с этой целью НПО, финансировать альтернативы, всячески поощрять свободу слова, усиливать гражданскую активность, повышать вероятность смены (а затем и «сменяемости») власти как составной части упомянутой «несущей конструкции».

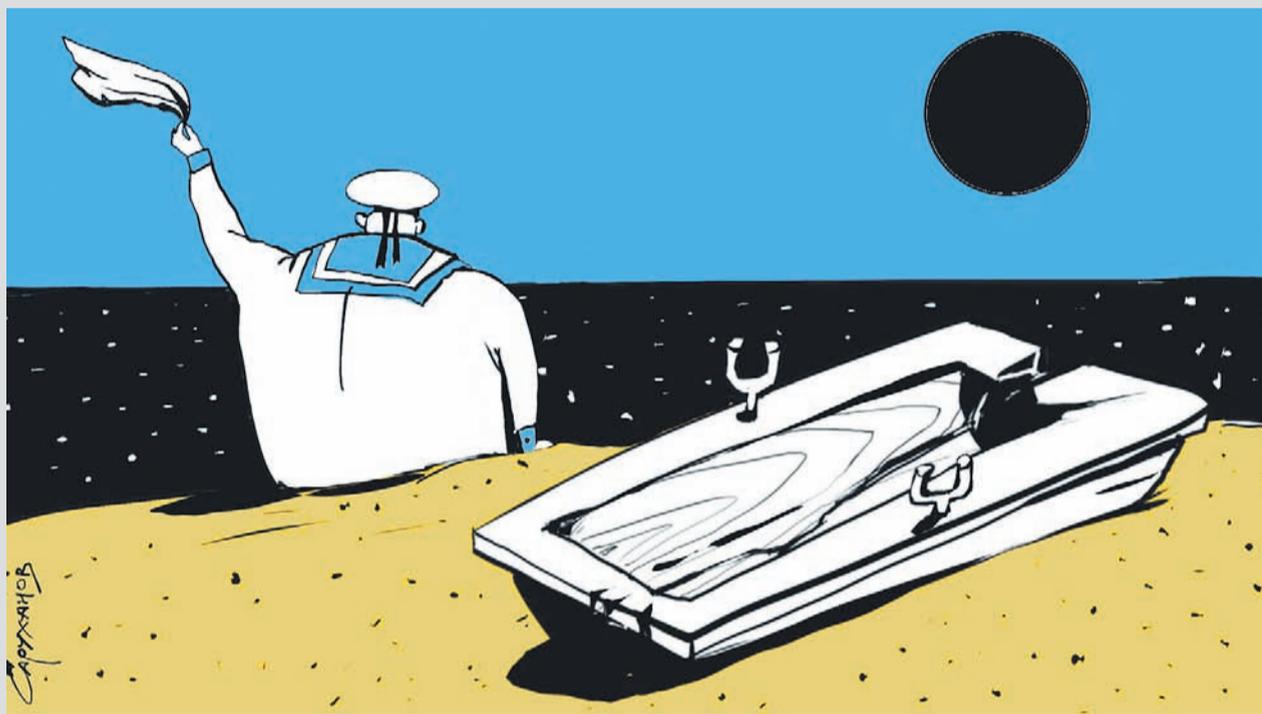
Противостоять этому процессу методом покушения на прозападный вектор развития страны и провоцирования на восстание (пока мирное) наиболее пассионарной части общества — не менее авантюристично, чем те риски, которые обоснованно либо иллюзорно нынешний «теньевой правитель Грузии» связывает с бывшим президентом.

Иванишвили, исходя из своих болезненных фобий, пытается остановить течение истории, а это еще никому не удавалось. У исторической эволюции есть собственная «цена», и ее придется заплатить в любом случае, в том числе в виде смертельного гипотетического риска нового военного конфликта с той самой великой державой.

Георгий ПАГАВА,
Тбилиси

ДИКТАТУРА ВОЛИ И ПРИНУЖДЕНИЕ К СВОБОДЕ

«ВЕРХИ», «НИЗЫ», «УЯЗВЛЕННЫЕ ЛЮДИ» — КТО ИЗ НИХ ВАЖНЕЕ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Петр САРУХАНОВ

Есть расхожее мнение, что исторические перемены начинаются там, где большая часть общества («низы») оказывается в социально-экономической деструкции, а те, кто управляет обществом («верхи»), — не могут или не желают эту деструкцию объективно устранить. Тогда и срывается знаменитый ленинский тезис: «низы не хотят, верхи не могут». Согласно данному тезису, активную энергию для перемен выдают «низы» — вернее, их недовольство и нежелание оставаться в рамках известного сценария. Кажется, все логично. На подобной логике и сейчас выстраиваются многие прогнозы будущего и ожидания от настоящего.

Например, воспринимается как нечто естественное, что при столкновении с очевидной тиранией власти угнетенные народные массы должны подниматься на освободительное восстание. А если восстания не происходит, это вызывает недоумение, разочарование. Тогда говорят: «Что же это за народ? — А потом добавляют: — Видимо, еще не время...» Но остаются в прежней логике и продолжают находиться в ожидающем внимании.

Однако даже при поверхностном взгляде на историческую реальность возникает весьма немало поводов усомниться в приведенной логике.

***

Во-первых, между недовольством «низов» и их готовностью к историческим переменам — целая пропасть. Недовольство само по себе еще не порождает протестную волю. Чаще всего оно переходит в некий фоновый режим, размывается и делается привычным депрессивным настроением

народных масс — высказываясь, например, в безысходных и протяжных русских народных песнях.

К тому же от управляющих верхов постоянно транслируются того или иного рода «конспирологические концепции», призванные объяснить и легитимировать плачевное положение «низов». Это может быть «метафизическая конспирология», когда страдание напрямую связывается с тем, как устроили этот мир «высшие силы»: плата за «первородный грех» или за какое-то еще несовершенство человеческой природы. Это может быть и «политическая конспирология», когда источником «народных бедствий» указываются инородцы, иноверцы или же какая-то внутренняя предательская «пятая колонна».

Очевидно, что вера в «конспирологический» вариант не требует от человека из «народных масс» никаких усилий. Поэтому она практически всеобща. Единственно, чего она требует — отбрасывать и подавлять случайно возникающие сомнения. Но с учетом не прерывающегося и гипнотически эффективного воздействия от «верхов» — сомнения возникают крайне редко. История знает множество народов, где, несмотря на явно депрессивный образ жизни большинства, воля к переменам не возникала долгими столетиями.

И во-вторых. Если даже «конспирологическая машина» «верхов» дает сбой и «низовое» недовольство доходит до самой последней черты отчаяния, исторические перемены не произойдут, если «народные массы» не увидят перед собой новые, альтернативные «верхи», которые будут готовы возглавить страдающее большинство и дать ему новую картину мироустройства. При этом и старым, и новым «верхам» всегда следует помнить: ничто так

не отвлекает «низов» от их униженного положения и недовольства, как обещание небывалого прежде величия. А если у «низов» возникнет и укрепится мысль, что такое обещание уже исполняется, а внушение о том, что они «встали с колен», действительно завладеет их душами, — в этом случае все исторические перемены окажутся в распоряжении того, кто является самым успешным мастером обещаний и внушений. Но вот вопрос: будут ли такие перемены действительно историческими, открывающими нечто, ранее закрытое? Или же поменяются лишь некоторые риторические приемы легальных спикеров и униформа государевых слуг, а в целом весь общественный организм продолжит свое движение по известному кругу?

Как говорил Астольф де Кюстин, французский писатель и путешественник, посетивший Российскую империю в 1839 году:

«...Коленопреклоненный раб грезит о мировом господстве, надеясь смыть с себя позорное клеймо отказа от всякой общественной и личной волюности».

***

Если мы хотим говорить о настоящих исторических переменах, а не только об исторических играх с переодеванием, — то, возможно, не стоит слишком сосредотачиваться на таких извечных дихотомиях, как «низы» и «верхи». Или таких, как «народ» и «власть». Подобные дихотомии столь многократно зарекомендовали себя в качестве взаимно компенсирующих и входят в столь плотном диалектическом слиянии, что уже давно сделались неким единым «существом». А главная цель такого «существа», невзирая на всю декла-

ративную многополярность, — воспроизводить самого себя в узнаваемом виде. Синергия «народных масс» и их властей, поставленная на исторический конвейер.

Но есть вещи куда более интересные. Вещи, которые не попадают на конвейер и, оставаясь свободными, пытаются размыть круги социально-культурной энтропии. Эти вещи, а вернее, определенные свойства души и ума, — и лежат в основе того, что мы хотим понимать под «настоящими переменами».

***

Наверное, первый российский человек, который панорамно увидел внутреннее устройство отечественного бытия и испытал от увиденного сильнейшее этическое потрясение, — это Александр Радищев.

«Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

«Уязвленность», о которой он говорит, — нечто сродни болезненной и сильной эмпатии, ощущению глубокой неправды «народной жизни». Униженный, непривычный к размышлению и безгласно страдающий человек находится в эпицентре такого ощущения. «Уязвленность» является не только от взгляда на поголовное социально-политическое и экономическое бесправие. Скорее от того, как разворачивается внутренняя природа людей, к бесправию приобшившихся.

«Сродно рабам желать всех зрети в оковах. Одинаковая участь облегчает их жребий, а превосходство чье-либо тягит их разум и дух».

Сродно хилым, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию».

(Радищев А.Н. «Путешествие из Петербурга в Москву»)

Такого рода «уязвленность» рождает этический протест, обращенный не только к властвующим «верхам», но и к покорным «низам». Причем согласие с «рабством», внутренняя покорность ему есть, возможно, проблема куда более тяжелая и темная, чем само «рабство». Потому российская интеллигенция, которая, по сути, и началась с Александра Радищева, — никогда не ставила себе целью обретение власти над «народом», но всегда — исправление «народа» как отлучение его от избытка покорности властям. Впрочем, довольно скоро интеллигенция столкнулась с тем парадоксом, что эффективное отлучение людей от покорности возможно лишь через прямую и авторитетную над ними власть. Революция «сверху», а не «снизу». Кажется, это интуитивно поняли еще декабристы, а воплотили в жизнь император Александр II и генеральный секретарь Михаил Горбачев.

«Уязвленность» — это не про сочувствие «низам» в их несчастьях, но про сочувствие самой «идее человека», которая деградирует и стирается как в «низам», так и в «верхам». А «идея человека», как она явилась в российском мире, — это, несомненно, христианство. Могла бы явиться и иначе — через платонизм или стоицизм, но — это если при иной исторической судьбе.

Так понимаемая «уязвленность» и по сей день самая живая внутренняя сила для российской исторической эволюции. Возможно, единственная живая сила. Не дающая примириться с тем, что «идею человека» почти не встретить среди «народных масс». Те, кто с этой силой сейчас живет, «уязвленные люди», — их все же весьма немало. Они сейчас плохо ладят и с «низам», и с «верхам». Им запрещено собираться вместе в большом количестве. Но они еще могут собираться на кладбищах и возле камней-монументов. Там они узнают друг друга и понимают, что российское кладбище — это не конец ожиданий.

Роман ШАМОЛИН, антрополог

Кадр съемки из домашнего архива

МОЙРЫ РУССКИХ РАВНИН

**СОЛДАТСКИХ МАТЕРЕЙ СМЕНИЛИ ТЕТКИ.
НИКАКИХ БЕЗУМНЫХ ИНСТИНКТИВНЫХ ПОРЫВОВ,
И УЖЕ НЕ БЕЗДНА В ГЛАЗАХ — КОНСТРУКТИВНОСТЬ**

1.

Осколок вошел Паше в спину и, пройдя насквозь, пригвоздил к земле еще 7 декабря прошлого года. О гибели Паши сообщил родным в тот же день его сослуживец. Но труп подняли лишь после взятия Авдеевки, и только сейчас, в апреле, в Рудяное привозят закрытый гроб, обитый красным крепом и, кажется, слишком большой для небольшого Паши. Тем более для того, что от него осталось. Все село собралось, стоят, смотрят: мать, Екатерина Ондар, все наглаживает и наглаживает гроб, не может остановиться.

Мы познакомимся с Павлом Жевнеровичем в день его 18-летия, 12 февраля 2021 года, за год до СВО и приговора его троюродному брату Никите Уварову — помните историю канских подростков-анархистов, которых бросили в тюрьму 14-летними? Никиту осудили за обучение терроризму; признан политузником; в тот день он продолжал сидеть в тюрьме (как и сейчас), а Паша пел и играл на гитаре Цоя, но больше молчал. Потом он попал на обложку журнала «Ле Монд» с подписью «Поколение Навального». Он там подтягивается на канском бескрайнем пустыре на самодельных футбольных воротах и в моменте непонятно, подтянется ли. Но не разожмет пальцы — это ясно. В общем, ни туда пока, ни сюда, и выбора нет.

Это фото обозначит его недолгую оставшуюся судьбу. «В воздухе ребенок у меня завис», — скажет Катерина.

Осенью 2022-го Пашу призвали в армию. После присяги он заключил контракт, его отправили на СВО, где он был убит.

Но не только Паши больше не было, не было и похоронки, четыре месяца — вообще никаких подтверждений, все вопросы — без ответов.

И вот из воздуха материализуется гроб в сопровождении военных и детей — от формы Юнармии им достались, по всей

видимости, только красные береты. Под ними тощие, угловатые подростки в костюмах «Абигас», белых носках и туфлях. Несут венки и флаги над весенней деревенской грязью, перепрыгивая лужи.

Проходят завершающие ритуальные обряды. На гробе армейская фуражка и российский флаг, на флаге лежит портрет Паши в рамке под стеклом, в стекле как в темной воде отражаются лица склоняющихся над гробом. Главным образом девичьи, женские. Мужская часть родни (два двоюродных брата, дядя) и односельчан подходящего возраста — на СВО. Или на вахтах. И *** (СВО) в разговорах если и звучит, то как вахта. Как неизбежность, отсутствие выбора, тяжелая работа, от которой не сбежать.

Звучит гимн, бабушка не в силах подняться, военком отдает честь, глядя прямо перед собой в серый воздух. Траурный митинг, посвященный погребению ефрейтора Жевнеровича Павла Владимировича, объявляется открытым. Зачитывается биографическая справка.

Из сельской толпы поправляет резкий голос: «Не Владимирыч, а Викторыч». Все шикают на подавшего голос, военных не сбить, им лучше знать. (Павел был Владимировичем; отец его все время был на вахтах, погиб вскоре после развода с Катей: вылетал на мотоцикле на шоссе, машину пропустил и по газам — а та была с прицепом; следом умерла мать Владимира, бабушка Паши, в чьем доме он рос.) Замглавы Канского района Сергей Макаров, не снимая шапки: «Солдат погиб

на поле сражения, преследуя единственную цель — освобождение Российской Федерации от недругов, которые посягли на нашу свободу и неприкосновенность» (дословно). Потом слово держит глава сельсовета, тоже кратко. Потом полковник, военком Канска и Канского района: «Павел сделал свой выбор между либо я, либо родина. И сделал свой шаг. Шаг в свое бессмертие. <...> И как миллионы наших предков, отдавших жизнь за то, чтобы существовала Русь, Россия, земля русская, он положил жизнь на алтарь победы».

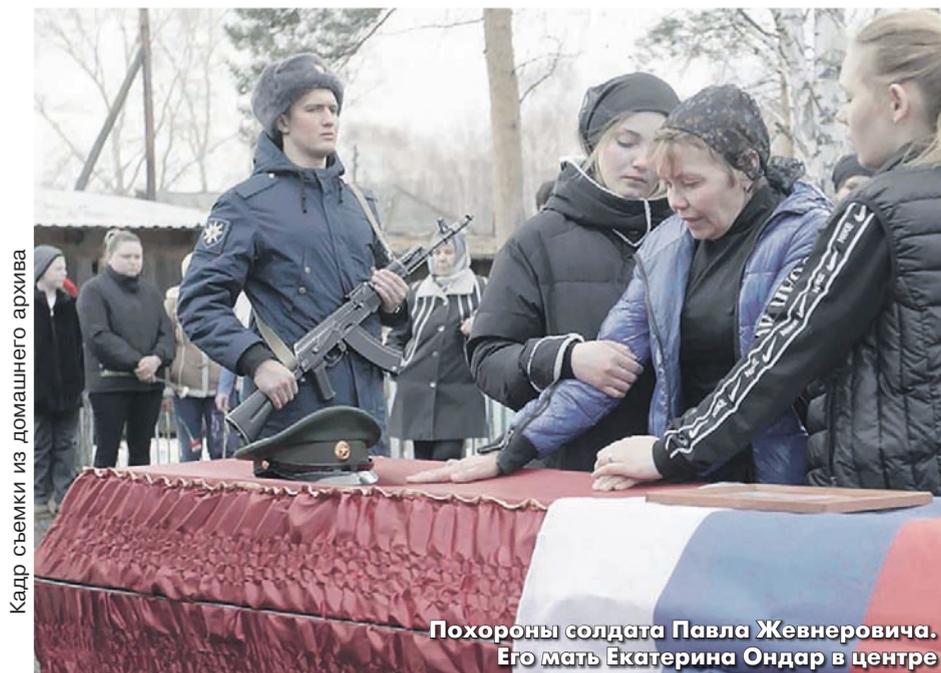
Кате становится совсем плохо. Ее усадили, но она близка к потере чувств или уже. Ее поддерживают, отпаивают — вливают.

И вот все сказано, завершает снова гимн, и при первых звуках Катю словно подбрасывает, она встает и идет к гробу. К гробу с невидимым тем, что осталось от сына. Поднимается с помощью других и бабушка.

Катя все продолжает водить ладонями по красному крепу, наглаживать его, точно это последний оставшийся рефлекс, точно собирает что-то под ладонями, отдает последнюю ласку уже далекому от нее сыну. Все стоят и долго смотрят на это, включая военкома. Просто смотрят и молчат. Женщины всхлипывают. Девочки плачут. Самые родные и близкие подходят и тоже возлагают руки на гроб. У Паши остались три сестры и младший брат Ярик. Ему 13 лет. У самой Екатерины — 9 братьев и сестер. Это только родных. То есть у Паши только по матери 9 дядьев и теток.

Юнармейцы сворачивают флаг с гроба, военком передает его матери «на вечное хранение». Гроб перевозят недолго постоять у дома, на улицу Победы. Мать продолжает гроб наглаживать, шептать. Теперь ее поддерживает сам военный комиссар, тихо что-то ей говорит, долетает порывом ветра: «Он уже в раю».

Продолжение материала
Алексея ТАРАСОВА —

Кадр съемки из домашнего архива

Похороны солдата Павла Жевнеровича.
Его мать Екатерина Ондар в центре

Кадр съемки из домашнего архива

↑ СТРАНИЦЫ 16-17

Процессия шагает на кладбище, впереди на телеге с лошастью едет мужик, кидает под ноги еловые ветки и красные гвоздики, бегут также две маленькие собаки, черная и рыжая. Мимо пустых, частично руинированных, домов, разбитых окон. На погосте все ищут по карманам мелочь, передают друг другу — здесь прежде горсти земли в могилу кидают монеты. Производится воинский салют залпами из автоматов: солдатики, стреляя, закрывают глаза, бабушка вздрагивает и чуть не падает. Венков, корзин, ваз, живых и мертвых цветов много, ленту на венке ветром поворачивает так, что видно только одно слово: «Брату».

Ярик смотрит остановившимся взглядом куда-то внутрь себя.

Брат Ш. И это никакое не прогнозирование, это констатация факта. Ярик пойдет туда же, если к тому моменту не закончится, — они все так, мальчики в его роду, уходили. Они говорили: так брат там, а я что?

2.

7 января, когда я приезжал в Рудяное (уже месяц поискам Павла), младшая сестра Екатерины, для Паши — тетя Таня, сказала о выборе своих племянников подписать контракт и пойти на СВО:

— Я не осуждаю. Пошли — молодцы. Значит, мужчины. Решение мужское я поддержу в любом случае. Идут они, не идут, что же, я буду за них. Я должна уважать их выбор. Мы поддерживать должны. Я не осуждаю никого, кто что ни делает, прячется, не прячется. Поддержка все равно нужна в любом случае. Они этого ждут, на это надеются, что их кто-то любит, верит в них и ждет. Это самая большая поддержка для них. Поэтому отворачиваться не стоит, если они даже сделали такой выбор.

— Ну вот Ярику 13 лет. На что надеяться? Что все закончится ко времени его призыва?

Катя молчит.

— А моему сыну 12 лет, — говорит Таня. — И я хотела бы его видеть военным, а он — нет, хочу строителем или компьютерщиком.

Теперь молчу и я.

Наверняка вы слышите и более непостижимые высказывания от матерей, тетей, бабушек; мне, например, не получается забыть, как в начале частичной мобилизации женщина, провожающая в воинский эшелон и сына, и внука, бла-

МОЙРЫ РУССКИХ РАВНИН

«Новая»

Татьяна, тетя Павла

годарила «Единую Россию»: «Помогла собирать мужчин в дальний путь». Так что речи тети Тани — почти ангельские, если учитывать фон, если иметь в виду свирепость, транслируемую тетками из телика. Их стало много, они везде, их видим ежедневно — железных леди, теток с серебристым алюминием в голосе. «Прежде думай о родине». Это психотип и типаж социальный, повсеместное, во всех слоях и стразах. Это системообразующее. И это «от Москвы до самых до окраин». Окраиной, по их пониманию, должны стать Одесса и Львов, а то и Брюссель.

Все мальчики во всех семьях в Рудянном, в других селах вокруг Канска, в самом Канске, с кем я знакомился в последние

годы, как началось дело подростков-анархистов, воспитывались без отцов. Кто рос так изначально, у других родители развелись недавно, и лишь у одного появился отчим (но отношения сложные). У части отцы умерли, у кого живы, пусть в разводе, живы так, словно их и нет — на вахтах. Теперь вот еще и на СВО. Мальчиков тут воспитывают женщины.

И так — уже очень давно. Десятилетия. Редко у кого в графе «отец» не прочерк. Мужчин нет физически. Раньше уходили служить по контракту на таджикско-афганскую границу, до этого был сам Афган. Сторали от технического спирта — в 90-е и начале нулевых им тут заливались все окрестности. Две чеченских войны.

Но можно и еще дальше, еще глубже на десятки лет заглянуть. Из письма писателя писателю, В.П. Астафьева — А.М. Борщаговскому, это май 1968 года (а в письме отсылка к рассказу Солженицына, написанному в 1959-м), деревня Быковка (Пермский край):

«Моя деревня Быковка состоит из десяти домов, и здесь все есть, как во всяком русском селе: одна дура, одна припадочная, одна *** (слишком доступная женщина), один современный куркуль. Всего по одному, а вот Матрен наберется десяток, потому что в эти десять быковских старых-престарых изб не вернулось с войны 16 мужиков. А кто же возьмет замуж таких изработанных, некрасивых, неразвитых баб? Вот они и ворочают землю. Одни таскают вязанки сена из лесу тайком, а потом наварят браги, да как напьются, да как запоют хриплыми голосами про Марусю, которая отравилась «от проклятой, от любви», так ажно сердце кровью и обливается, и хочется обнять их, этих баб, и к сердцу прижать да нарветься вместе с ними по-бабьи, громко, с припевом, и обласкать их, а заодно и себя тоже...»

Молодому читателю, возможно, надо пояснить, что у солженицынской Матрены «муж не вернулся с войны, похоронного тоже не было, детей у нее было шестеро и один за другим умирали все очень рано, так что двое сразу не жило».

И что, Матрена Васильевна обратилась ныне в пропагандистскую фурию в телике, в комиссаршу в кожаной тужурке, в горгону, в эрiniю?

Нет, конечно. От неочевидной праведницы Матрены никто не остался, девочка Кира была у нее приемной, и у нее судьба тоже не сложилась. В том-то и дело,

ПОРТРЕТ ЯВЛЕНИЯ

Похороны Павла Жевнеровича

Кадр съемки из домашнего архива

Братья Паша, Никита, самый младший Максим, ему еще нет 18

А. КИТАЙЦЕВ

что Матрен хоть и много (как отметил Астафьев), но такая была одна. И искать ее черты в нынешних смыслах нет. Хотя, наверно, столь же чистые души, безусловно, есть, как без них. Просто этот тип не на виду.

Но чтобы не быть людоедом, обязательна ли святость?

Сегодня власти закрепляют «положение лещей», безотцовщину, расход народа (данные 2017 года уполномоченного при президенте по правам ребенка: в почти каждой третьей семье детей воспитывают матери-одиночки) — например, свердловский омбудсмен Татьяна Мерзлякова высказалась: повышение призывного возраста до 30 лет нужно, чтобы на службу приходили мужчины, успевшие завести ребенка, а не то погибают те, кто детей не оставил. О судьбе ребенка, оставленного отцом вот тут, в этой реальности, омбудсмен (!) Мерзлякова не сказала ничего.

Паша, призванный в его 19, убитый в 20, и девушку-то постоянную не успел найти.

А брат его Никита, вполне вероятно, не загремел бы в тюрьму, если б не тетки из школы. Если б не та характеристика, что дала ему классная.

3.

В 2009-м, вскоре после катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС (75 погибших), на меня сильно обиделись за «теток». Тогда единственный раз за все годы в профессии воспользовался услугами приглашающей стороны — иного шанса попасть к разрушенной турбине не было. «РусГидро» (компания-собственник гидроэлектростанции) все самостоятельные поползновения пресекала, и вот она же организовывала пресс-тур.

Микроавтобус из Красноярска, встречи со всеми главными спецами, экскурсии — всюду, по всей станции снизу доверху.

Ну и вот, ничто написанное мной в итоге гнева «РусГидро» не вызвало. Лишь одно: дамы из открытого «РусГидро» центра соцподдержки страшно возмутились тем, что их назвали тетками. Они тогда как умели радели о земляках: рассказывали прессе о «синдроме детдомовца», наступившем подведомственный народ. Приходят, дескать, вот тем вы квартиру приобрели, а мы чем хуже, у нас тоже погиб папа (мама, муж, жена). Оксана Осинкина, руководитель психологического центра, открытого после аварии: «Я, как психолог, хочу сказать, что гораздо здоровее для человека говорить, что я вышел из этой ситуации, я здоров, я справился. Если вы говорите: я пострадал, тем самым вы эту ситуацию оставляете при себе, не прорабатываете ее, не изживаете. Со всеми вытекающими последствиями. Я справился — это установка психически здорового человека».

О дивный новый мир. Работать, не приходя в сознание. Когда мы только достигнем идеала.

Психологи во главе с Осинкиной боролись со слухами о катастрофическом обледенении, трещинах, паводке, который плотина будет не в состоянии пропустить. Боролись со страхом. «Дело не в том, что происходит на ГЭС, а в том, что творится внутри нас. Дело не в событиях, а в личностных особенностях. Людям с повышенной тревожностью нужна постоянная информация для подпитки тревоги. Так рождаются и циркулируют слухи. Не будь этих событий, найдется что-нибудь другое. В значительной степени это следствие се-

мейного воспитания. Если мама тревожна, то и ребенок вырастет таким».

Вопрос о том, что люди не боятся, они просто — после стольких лет лжи — не верят успокаивающим интонациям, не рассматривался. А люди действительно не верили. И не могли уехать из-под плотины: некуда, не на что, нигде не ждут.

В итоге, напомним, договорились до того, что представители государства, убившего 75 граждан, обвинили их самих в том, что они были недостаточно независимы и обеспечены, чтобы уйти с работы, вынуждающей играть со смертью.

Если составлять рейтинг бесчеловечности крупнейших российских корпораций, всей той мерзости, что упаковывается в понятие корпоративной культуры, уничтожения человеческой чести и достоинства, безусловно, «РусГидро» далеко не в лидерах. Там все тоньше, изящнее. Но тетки — те же. Подручные партии и правительства. Или даже впередсмотрящие. Что увлекают за собой не только общественность, биомассу, хозяев своей необъятной родины и плательщиков пеней — но и саму партию и само правительство.

Это диалектика. Кто впереди — Кремль или донные обитатели, глубинные слои?

4.

Евтушенко в 1982-м в «Маме и нейтронной бомбе» так описал этот тип — это была учительница: «с младенчески ясными спортивными глазами, / с белыми бровями / и белой щетиной на розовых гладких щеках, / похожая на передетого женской хрюка». Здесь прозрачная отсылка к «Свинье матушке», но за цитирование полемики Розанова и Мережковского (или Блока о том же) от объекта дум и метафор может теперь прилететь непредсказуемое. Это же не Ильина цитировать.

Та учительница на станции Зима — не только чужая тетка. Она и мамка чья-то. И бомба одновременно.

Тогда же, в 82-м, Сергей Стратановский написал:

*Пиршество матерей
Богатыри на кургане,
в броне до бровей
В рукавицах могучих,
душивших поганых детей
Богатыри-Миклутины
пьют, а не плачут
А придут супостаты —
в атаку поскочат
На конях в рукопашный
без страха, сомнений и мук
И заплачет зазряшный
сопливый малыш Почему.*

Примерно тогда же, в 1983-м, к нам в 10 «А» пришел на политинформацию Б., преподаватель истории партии в машиностроительном институте, и очень ему не понравилось, как мальчики класса реагировали на новости об обострении военно-политической обстановки (ну да, дурацкие реплики звучали вроде «Бог дал — Бог взял») и призыв всем подписать аккуратно написанное секретарем комсомольской организации школы письмо Рейгану (на русском). С каким-то непонятным смехом дети говорили, что наш лучший вклад в борьбу за мир — пятерка в дневнике. А один зазряшный сопливый малыш Почему и вовсе негромко предложил улететь на дорогу, ведущую к высшему военному авиационному политическому училищу (готовило политруков в ВВС). Ну — мы же против войны! Б. назвал 10 «А» политически неграмотным и пожелал после уроков отдельно выслушать мужскую половину класса, будущих защитников родины, что скажут они в свое оправдание.

После уроков пошло-поехало, Б.: о героизме ребят, на год-два вас старше, выполняющих интернациональный долг в Афганистане, обеспечивая и ваш спокойный сон, учебу; о летворном влиянии западных радиоголосов; он не верит, что вы так можете думать, и т.д.

Ну что вы молчите? Один из нас, по слогам назвав Б. свою фамилию, сказал, что старшее поколение перевоспитывать

трудно, поэтому Рейгану нужно оставить в покое, ничего ему от имени нашей школы больше писать не стоит, нужно сосредоточиться на героях наших дней и завтрашних. Развернуть агитацию. Настропалить девчат не выходить за военных замуж. Вот основной контингент женихов в нашем городе — курсанты уже упомянутого военного политического училища. Если мы дружно скажем: подруга, остановись, не давай...

Отлично помню, что никакой уверенности в нас, что поступаем, как надо, — не было, кто прав — никто не знал. Шепнул бы кто, но некому. И мнения среди мальчиков разделились. И столь же отлично помню, что раздражало больше всего в том преподавателе истории КПСС. Его представили как ветерана войны (и он не возражал), у него на пиджаке — орденские колодки, но ни по возрасту, ни по облику под ветерана Б. не походил. Их, настоящих, тогда еще было много, мы все их знали в обыденной жизни, видели, говорили с ними, жили бок о бок. Дедов я не застал, но вот трое старших братьев моего отца, хоть и израненные, вернулись. Мой любимый дядя Толя о войне не говорил, даже когда выпивал. Когда он выпивал, он непременно делал мне из каждой водочной пробки жирафов. Водку тогда укупоривали «бескозырками» — из плотной алюминиевой фольги с язычком, вот этот язычок, потянув за которой сосуд открывали, становился мордой жирафа, алюминиевую изящную шею образовывало круговое изящное движение пальцев вокруг бутылки, хлебный мякиш становился жирафичьим брюхом, четыре не сильно горелых спички, в брюхо воткнутые — ногами. Жирафы выгибали шею по-лебединому, становились знаками вопроса, что вырывались из книг, газет, тетрадей на оперативный простор, а вот с ответами всегда были проблемы. И мои дядья, и другие солдаты-окопники помочь нам с их поисками не спешили.

У Б. были все ответы и твердое намерение разобраться с нашей неблагонадежностью. Впрочем, быть может, мне тогда так казалось, все это юношеский максимализм, да и Б. успел на войну и формально ветераном был по праву. (СВО — совсем не та война, ничего общего, но, скажем, артистам, выезжающим туда с концертами на определенный срок, тоже дают удостоверения участников спецоперации.)

Короче, Б. ушел и вернулся на следующий день, как говорят, уже с инструктором райкома, а нас начали прорабатывать. Припомнили все: курение в школьном туалете, собаку, которую мы водили с собой на уроки, политически неверную стенгазету («народ, полагающийся на мнимую мудрость шестидесятилетних старцев, безнадежно выродился» — было в т.ч. написано в ней из Олдингтона, выпущенного советским издательством в 1976 году миллионным тиражом, а состав Политбюро того времени напоминать не буду, и гонка на лафетах уже началась). Возражения вроде того, что речь и у Олдингтона, беспощадно критиковавшего мир капитализма и чистогана, и у нас — о Древнем Риме (а вы что имеете в виду, неужели?), не каналы.

Вот тогда впервые и предстал перед нами, сопливыми Почемуками, этот типаж требовательной, с железом в голосе и взоре родины-матери. Завуч по учебно-воспитательной работе (или к тому моменту уже директор школы?) Елена Константиновна Кулакова. Она не была зверюгой, она была именно что прекрасным, на своем месте, учителем математики, известным в городе человеком, всегда окружена любящими ее учениками. В общем, не этот с круглыми глазами Б., и, вероятно, именно поэтому так на нас подействовало... Она говорила о нас уже в третьем лице, она нас вычеркнула. Эти модные мальчики, они не наши, двуличные. Вот они и проявили свое гнилое нутро. Павлины, мухи-однодневки. Бунтари, бунт ради бунта, говорила она. Мыльные пузыри, самонение одно, избалованные. Плохо кончат.

Окончание материала
Алексея ТАРАСОВА —

СТРАНИЦЫ 20-21 →

МОЙРЫ РУССКИХ РАВНИН

Из семейного архива

Екатерина
Егоровна
Тарасова

Ну да, она была права. Теперь-то ясно.

И все верно она говорила. Но кому и в каких обстоятельствах?

Уже понятно было, что всем нам скоро в армию, что поступление в университеты-институты больше отсрочки не дает, в наш город, как и в другие провинциальные города, шли и шли гробы из Афганистана. И что? Да раздавить гадину, и все тут.

Потом, спустя годы, Горбачев вернет всех студентов из казарм, прекратит практику призыва студентов-очников, выведет войска из Афганистана. И Горбачев, и его генералы и не его, и даже путчисты в 91-м пожалеют это поколение, не передадут танками. Но это все будет потом, а пока маятник был на другой стороне.

И сейчас помню ее задушевную интонацию, ее располагающую улыбку, как она с прической накрученной, в этом своем платье в горошек (по особым дням на нем появлялся орден Ленина) шествовала, припадая на одну ногу, но непоколебимо, триумфально — сама советская власть, и говорила, говорила. Она стояла над моей отрубленной головой как Юдифь — в те далекие времена к пятистолетию Джорджоне вышел блок (мы же тогда собирали марки!), на нем фрагмент без отрезанной головы Олоферна. А на конверте первого дня была картина полностью, с попранием левой ногой Юдифи той башки. Если вы не знали, откуда у современных девушек при фотографировании рефлекторно выставляется немного вперед нога, правая или левая, да так, будто она одновременно притопывает ею и давит какого-то гада, — то вот. Давит просто по праву женщины-матери-державы-родины-мироздания. На них, женщинах, все стоит, ими все держится. Мужчина — часть экспериментальная (вперед, со всей отвагой и героизмом, а что там — бог весть), они же — закрепляющая, консервативная.

5.

Недавно нашу школу (теперь гимназию) называли ее, Кулаковой, отличника народного просвещения, заслуженного учителя, именем. По делу, справедливо. Я без иронии.

Разумеется, не одна Елена Константиновна тогда примерялась сыграть в футбол нашими оторванными головами — к ней подключались. Это всегда дело сестер, это всегда безжалостность, уверенность, исключительная мотивированность, «ясные спортивные глаза учительницы физкультуры». Три сестры, мойры ли, граи, горгоны, а то и вовсе эринии, почтенные, они же фурии, вся эта мифология, весь этот бестиарий не просто же так описан и классифицирован.

Класснуха добавляла. Но она и нашла предел.

Может, он нашелся оттого, что в нашем классе училась и внучка первого секретаря обкома — Филиппа Кирилловича Князева,

«Курган и курганцы»

Курган. Школа №32.
Елена Константиновна Кулакова

школьного учителя и фронтовика с осколком у сердца, в сантиметре от перикарда (ему запретили подходить к устройствам с магнитами). Он был политруком, но стрелковой роты, то есть — в окопах. Как все лично знакомые мне фронтовики, он был мягким к детям, они все почему-то детей жалели.

И вообще в СССР, пусть фарисейски, исповедовали гуманизм.

Ведь это именно он: бабушку мою, бабу Полю, таскали в 1943-м в НКВД. Почему ваш сын Виктор ушел на фронт малолетним? Он работал на литейно-механическом с 14 лет, с 1941 года, а в 16 — убежал на фронт.

Но с фронта Витю не вернули. В летней части служил до конца войны, как кончилась, в день его 18-летия, подарили аккордеон. С документом, что он купленный. Выгнали из войск уже после войны — сильно болел.

Перед тем, как уходить в армию со второго курса университета, я прилетел из Свердловска в Москву и покрестился там, где до этого крестили весь мой род по отцу — в Волоколамске, в одном из самых строгих и древних из действовавших на тот момент храмов России — Рождества Богородицы на Возмище. Ему века, Иван Грозный с Малютой Скуратовым уже видели его каменным, он старше их, и православие 1985 года в редакции служившего в том храме попа еще не объединило, как сейчас, необъединимое, Христа и государство, Христа и родину, Господа, Путина и Отечество. Хотя, не исключая, это мне сейчас так кажется, и такое частно-государственное партнерство уже и тогда пиарили.

Храм этот в двухстах метрах от нашего родового дома. И крестными стали тетя

Катя и дядя Толя. Тот самый, что делал мне жирафов.

Немцы взяли Волоколамск 27 октября 1941-го. На Волоколамском шоссе происходили главные тогда на планете события. Ну и лично для меня главные: 1 ноября 1941 года в овраге тетя Катя встречала свой седьмой день рождения с моим отцом на руках. Ему был год. Их брату, дяде Толе, уже было 17. 26 декабря 41-го, сразу после взятия Волоколамска обратно, его призвут в войска, и он с тремя ранениями пройдет до Берлина (за Толю мать в НКВД не таскали).

Естественно, никакой пропагандистской трескотни от них. Никакой и никогда. Уж тем более ментального насилия, как это назвали бы сейчас. Вообще никакой требовательности. Если уж что и проглядывало, так это вполне критичное отношение что к советской власти, что ко всем за нею последовавшим. Тетка рассказывала мне о событиях задолго до моего рождения: соседний двор купила московская семья под загородную дачу, какой-то партийный начальник, пили водку, гуляли напоказ, скандалили, вырвавшись на воздух, и жена начальника с наслаждением его белый костюм и жирные щеки мазала свеклой, малиновым вареньем, брагой заливала. Голосила: «Коммуняка проклятый!» Тетка рассказывала это мне так, что было видно — она хотела бы оказаться на месте той бабы.

Она, Катерина Егоровна, была красавицей, много кто сватался, но жизнь прожила незамужней и бездетной, все братья-сестры разъехались, а ей — оставаться с родителями. Лишь на старости лет сошлась с бодрым интеллигентным дедком. Но у нее, как и у многих, так похожих на Матрену Васильевну обстоятельствами жизни и отношением к ней, присутствовало ощущение неразделимости с государством, и в

основе личности — все та же неистребимая крестьянская община, артель. Это из подсознания шло, потому что нигде общинности и артельности в реальной жизни уже не было. Но она живехонька там, в глубинах, и успешно наследуется — все ее устои, круговая порука, понимание, что народ выше человека, что личность тогда чего-нибудь стоит, когда служит России. И надо стоять за своих, быть со своими.

Это еще от боли. От боли при оглядывании назад — на свою жизнь, на жизни матерей-отцов, дедов, на весь этот бесконечный трагический абсурд. Это все требует оправдания, поэтому вот: родина превыше всего, меня и тебя, и всех нас.

Отсюда один шаг до безумия всех этих сегодняшних теток, требующих идти до конца, требующих еще больше ада и крови. И ради этого не жалко ничего и никого. Это вообще-то оборотная сторона святости солженицынской Матрены, ее безответной приверженности общине, коллективизму. Ни с колхоза, ни с соседей, на кого она горбатилась, она не брала ничего. Да и «родное» государство пенсию ей не платило. И погибла ни за что, за чужой шкурный интерес.

Но она сама полегла, а не других полечь агитировала.

Про «крестьян», «общинников» (давно уже ненастоящих) и говорить нечего. Они «добром» — это слово Солженицын берет в разрядку — называют имущество, и лишь его (а не жизни) терять — перед всеми — постыдно и глупо.

И деньги, которые сейчас получают за погибших сыновей, эти невиданные тут деньги придают происходящему нормальность и осмысленность.

И во всем этом, кажется, нет ни намеренной лжи, ни заведомого зла, просто

портрет явления

сама по себе холодная, ровная жизнь. Совсем недалеко ушли от биологического существования, участия в земном круговороте на правах щепок, щепок под колесами, от доморального повседневного выживания, когда все равно, какая власть и что она делает с сыновьями.

А когда в России (не в Москве) было иначе?

В армии, уже перед дембелем (в 1987-м) — в дивизионе нас было трое, призванных из Свердловска, — подговорили в качестве строевой песни горланить эпиграф к «Разлуке», альбому «Наутилуса»: «Разлука, ты разлука, / Чужая сторона. / Никто нас не разлучит, / Лишь мать сыра земля». Нам казалось, что эта вещь с нашей родины, эти слова, всем были близки и понятны без объяснений, в т.ч. и грузинам, и узбекам, и азербайджанцам, и молдаванам. Мать-земля, крепкое соединение рождения и

ощущать некоторую ответственность за ее чувства — например, переживать, что сделал ей больно.

Наше общество, по Щербакову, проделало обратный путь: если в позднем СССР и в начале становления новой России в целом преобладала депрессивная позиция, более зрелая и ответственная, более умная, объемная, переживающая, то потом откатилось к параноидно-шизоидной. Все плоско, примитивно, конкретно и тупо, бессмысленные радости сменяются бессмысленными страхами.

Да, иначе у нас все-таки было. Была попытка.

6.

В сентябре 1990-го, работая в «Известиях», писал репортажи с I Все-союзного съезда солдатских матерей. Но

пушечного мяса» — мегафон переходит из рук в руки. «Дети, спросите своих отцов, за что они получили свои звезды?»; «Как вы спите, как едите?». И хором: «У-бий-цы! У-бий-цы!» Вызванная милиция держится стороны.

Вот матери уже на Красной площади. Обращаются к Верховному Совету СССР, и их слышат, о них и их требованиях говорят сразу, на утренней сессии. Затем женщины в черных платках идут к Минобороны. Требуют, чтобы министр Язов вышел к ним. Здесь — стена. Проходя вдоль зданий Генштаба и Главпура, матери кричат встречным генералам и полковникам. Безрезультатно.

Вот митинг у метро «ВДНХ»: «Материнство — высшее предназначение женщины, но даже оно эксплуатируется государством. Государство должно знать, что для матери нет ничего дороже своих детей, и если государство отбирает и убивает их, матери объявляют неповиновение такому государству». «Этот съезд выше всех съездов в стране». «Поклонимся матерям Афганистана, раз правительство СССР не может. Покажем ему пример. Съезд просит прощения перед всеми матерями за 10 лет афганской войны».

66 матерей, что потеряли сыновей. Десятки, чьи дети вернулись облученными, покалеченными, сошедшими с ума. Десятки, чьи дети числятся дезертирами. Шестеро таких из семи, тайком добравшиеся до Москвы, выступают на съезде. Силовики — их тогда так еще не называли — пытаются отловить беглецов на выходе. Матери их отбивают, уводят через черный ход. Когда одного все же схватывают и увозят, подключают депутата Уражцева, и тот его освобождает.

Призывают переходить на наемную профессиональную армию. И — отдать руководство Минобороны под суд за гибель детей. Призывают отказываться от осеннего призыва — если за ближайший месяц все требования матерей не будут приняты правительством. «Хватит!» Договариваются создать в каждой республике «фронт борьбы за детей», аналог скорой помощи: латышки будут помогать сынам грузинок и армянок, что служат в их краях, русские матери — украинским и казахским детям, узбечки — русским солдатам. А так-то, конечно, «будем писать друг другу, ездить друг к другу, спасать, укрывать детей. Вроде круговой поруки». Женщины обещают друг другу и всей стране, что будут собираться теперь каждый год в эти сентябрьские дни в Москве.

...Той же осенью, 1 ноября, солдатских матерей приглашает в Кремль президент СССР Горбачев. Они приходят в тех же черных платках, с теми же фотопортретами сыновей в траурных рамках, что стояли и в храме, и на Кибальчича, и у метро «ВДНХ». Теперь генералам Главпура, военной прокуратуры — их Горбачев тоже вызвал — приходится слушать и отвечать. Он поручает создать специальную президентскую комиссию по расследованию

фактов гибели военнослужащих в мирное время. И обещает отдельный указ со срочными мерами. Он выходит через 15 дней. Потом Горбачев встретится с солдатскими матерями вновь.

Но это будет уже сентябрь 91-го, начнется совсем другое время. Девяностые.

А потом еще одно время, тоже другое. Три эпохи, три страны, три народа — или это все та же страна, тот же народ, те же матери?

Матерей сменили тетки. Сдержанные дамы, никаких безумных инстинктивных порывов, и уже не бездна в глазах — конструктивность. 27 февраля в Москве состоялся вновь первый, только уже международный, «Конгресс представителей движения комитетов солдатских матерей». Предельно тихо, без задержаний и арестов, количество участников — 41, список госдеятелей (от депутатов до представителей Минобороны), приглашенных, но проигнорировавших съезд, впечатляет.

Судя по резолюции, с военными налажена работа. Социально-бытовое управление Минобороны матерей, конечно, не назвать, воздержусь от оценок, просто замечу: основное содержание съезда — это инициативная помощь армии, рассказы, как женщины собирают и передают ей гуманитарную помощь, открывают в Сысерти Свердловской области цех пошива одеял-невидимок (от тепловизоров, от «птичек»; образцы переданы в Грозный, и в «Ахмате» дали добро), «как женщины в регионах, помогавшие детям, инвалидам, пенсионерам и женщинам, стали помогать армии. Зачем последние два года они помогают тем, кто уехал воевать, и как смерти близких не только не отторгают людей от войны, но еще больше подталкивают к помощи фронту» (это — цитата из пресс-релиза съезда).

7.

В 90-е маленькие аэропорты в Сибири еще работали, и я уже на летном поле ждал, когда вертолетчики дооформят в дощатой будке аэровокзала бумаги, проблемы с топливом; апрель, что ли, или начало мая, снега еще полно, но он уже таял, блестело в небе, журчало вокруг. Кого-то из пассажиров вдохновило, тоже пошел отлить. К лесополосе. Его остановил нарастающий жуткий гул. Не понял: или воронье, или грачи. Всей колонией снялись с гнезд и полетели на несчастного. Как он драпал! Вовремя поняв, что его закроют или обдрищут с головы до ног. Пошел он, как вы поняли, без каски и защитных очков, без дуршлага на голове, где могли застрять их клювы.

Птицы, видимо, уже завели потомство. И увидели для него угрозу в этом чуваке.

Вспомнился Окуджава:

Настоящих людей очень мало:

На планету — совсем ерунда,

На Россию — одна моя мама.

Только что она может одна?

Алексей ТАРАСОВ

Солдатские матери на улицах Москвы

Соцсети

смерти, родины-матери и отчих могил, твоего персонального пути — откуда и куда.

Теперь эта реальность (мать сыра земля), насквозь пропитанная хтоническими мотивами, вошла к россиянам домой и расселась. Даже для слишком юных или старых вместо просвещения — телепропаганда и глянцево-культ смерти, мифология вместо истории. И вот эти тетки. Что уже к психологам, если не к психиатрам.

Это некрофилия, про нее, в социальном смысле, Фромм все объяснил, это мортито (в психоанализе психическая энергия, источником которой является гипотетический инстинкт смерти), про него у Фрейда и Кляйн хорошо сказано. Так говорит мой товарищ, психолог Николай Щербаков.

По нему выходит, что эти тетки-горгоны не могли не появиться. Психоаналитик Бион, говорит Щербаков, еще 70 лет назад объяснил, как при психозе происходит атака на связи, на способности человека (общества) к связыванию, к интеграции. Верх берет деструкция и фрагментированность. А все живое, целостное, интегрирующее, креативное оказывается подавленным, вытесненным, репрессированным.

Ну или вот Мелани Кляйн, говорит Щербаков. Она, в общем-то не видя нас (но ничто не ново под луной), назвала это параноидно-шизоидной позицией — состояние первых месяцев жизни, когда младенец еще не различает внешнее и внутреннее и живет во фрагментированном мире, довольно бездушном и опасном, поскольку младенец проецирует свои чувства на внешние объекты и то идеализирует их, то люто ненавидит, боится и пытается уничтожить. Потом ребенка ждет депрессивная позиция: он начнет воспринимать мать как отдельное существо и даже

«Известия» еще были советскими, давать не решились, и публиковали это в своем менее строгом приложении — «Неделе».

Несколько дней с утра до ночи — рядом с женщинами в черных платках с портретами сыновей. Их они несли перед собой. Лишь несколько стоп-кадров (судите сами, где мы сейчас, если взять то время за точку отсчета).

Вот матери стоят в одну шеренгу вдоль иконостаса. На фоне позолоченных икон великомучеников — черно-белые фото солдат с краткими подписями: «Володя Большаков. Зверски избит и еще живым утоплен в болоте»; «Виталий Павленко. Родился в 1969 году, в 1988-м изнасилован старшиной, затем повешен»; «Андрей Тишков. Убит и выброшен из поезда, следующего в Тернополь, старослужащими — вымогали деньги»; «Шибрик Саша. Замучен»; «Володя Леднев. Студент Одесского политеха. Избит, повешен на ремне»; «Дедов Владимир. Московский округ ПВО. Причина смерти не установлена. Военные ссылаются на слабое здоровье сына». Матери, каждая с грузом (200) на сердце, приехали из Челябинска, Кишинева, Томска, Чимкента, Ленинграда, Риги, Южно-Сахалинска и т.д. По их сыновьям, убиенным воинам, служит панихида, для них в тот день поют хоры московских церквей — Троицкой и святого Трифона.

Вот две сотни солдатских матерей — кончается второй день съезда — траурной процессией, но динамично идут по Ярославской улице, сворачивают на Кибальчича, останавливаются у дома номер два, прозванного «генеральским». Здесь действительно живут генералы. «Ваши лампы окрашены кровью наших детей»; «Мы вам нужны как производители

Похороны Павла Жевнеровича

Кадр съемки из домашнего архива

«МОИ ДЕТИ — ОГРОМНЫЕ МОЛОДЦЫ. А В ДЕЛЕ НЕТ ДАЖЕ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ. ПРОСТО НОЛЬ»

**ПИСЬМЕННОЕ ИНТЕРВЬЮ
ЖЕНИ БЕРКОВИЧ ИЗ СИЗО.
СКОРО НАЧНЕТСЯ ПРОЦЕСС**

5 мая исполнилось год со дня ареста режиссера Жени Беркович и драматурга Светланы Петрийчук. Их обвиняют в «оправдании терроризма», которое якобы содержится в постановке спектакля «Финист Ясный Сокол». Дело передано в военный суд, и в ближайšie дни начнется беспрецедентный судебный процесс. Впервые в России за спектакль будут судить драматурга и режиссера. «Новая» отправила вопросы в СИЗО Жене Беркович и Светлане Петрийчук. Светлана пока отвечать на вопросы не стала. А Женя ответила — «в режиме «блиц».

«Почти каждый день есть какая-то маленькая радость»

— Не лежит все еще душа к «интервью», но раз обещала, попробую ответить.

В режиме «блиц», простите. Но честно.

— Можете описать свой день в СИЗО? Всегда ли это «день сурка»?

— День в СИЗО описывать бессмысленно, потому что простое перечисление «событий» совсем ничего не расскажет о сути нашей здешней жизни. Спим много, едим вкусно (спасибо родным и ФСИН-магазину, такая возможность есть, но очень не у всех и не везде). Читаю по-английски сколько влезет (типа развиваюсь), пишу письма, стараюсь быть на связи с театром. То адвокатессы придут, то на звонки идем, то письма принесут. Почти каждый день есть какая-то маленькая радость. Все еще очень зависит от совместимости с соседями, тут мне так повезло (да уж есть с чем сравнивать — за год соседки попадались разные).

— За год, что вы находитесь под стражей и уже несколько раз ездили в суды на продление меры пресечения, вы наверняка по-новому открыли для себя российский суд. Одно дело — ходить на суды как сочувствующий наблюдатель (а вы ведь ходили на разные суды — и по «театральному делу», и по другим делам), а другое — стать в этом суде действующим лицом. Что вы теперь можете сказать о нашем суде? Это все один и тот же суд или он меняется в зависимости от персоналий?

— Ничего принципиально нового про российский суд я пока, честно говоря, не узнала. И вообще про разные варианты ада на земле, к счастью, и до ареста у меня не было особых иллюзий. Потому и какого-то глобального разочарования ни в роде человеческого, ни в разных госсистемах не было. Кто бывал в ПНИ, детдомах и психушках, тот в СИЗО уже мало чему удивляется. И в судах, в общем, тоже.

«Трудно читать здесь про ГУЛАГ»

— Сколько книг вы за это время прочитали? Это были в основном книги, которые вам присылали, или из тюремной библиотеки? Какие книги хорошо читать в тюрьме, а какие — не очень? Ваши любимые книги, прочитанные в тюрьме? Десятка любимых книг?

— Книжки не считала; думаю, сотни полторы прочла, в том числе библиотечные — классика тут вся есть. Лично мне очень трудно здесь читать совсем тяжелое: про ГУЛАГ, Холокост, геноцид, войны (а на воле читала много). Люди с воли часто мне именно их и присылают — от Франкла до Эппле. Думаю, это чисто мой изъян, и мне не помогает, а другим з/к поможет. Но мне тут «зашли»: Сапольски (Роберт Сапольски — современный американский писатель,

профессор биологии, неврологии и нейрохирургии, исследователь. — Ред.) и Хэрриотт (Джеймс Хэрриот — английский писатель, ветеринар и летчик, автор книг о животных и о людях. — Ред.), Фолкнер (в 10-й раз) и Толстой (в 50-й раз), и еще... нет, не хочу перечислять, надо весь список просмотреть! Как выйду, тогда сделаю шорт- и лонг-листы, сверившись с «Берконовостями» (телеграм-канал друзей Жени Беркович. — Ред.).

— Женя, мне хочется поговорить с вами о стихах, потому что вы даже к судье в последний раз обратились в стихах. Расскажите, когда вы начали писать стихи. В детстве?

— Про стихи неохота писать, простите. (Они как-то сами пишутся более-менее всю жизнь. Без рефлексии)

— Следователь дает вам свидания с мужем и дочерью. Расскажите, пожалуйста, как это происходит. Некоторые заключенные даже отказываются от свиданий, чтобы потом не впадать в тоску. Или, наоборот, это важно?

— От свиданий и звонков, я, конечно, не отказываюсь, потому что они на 10% необходимы мне и на 90% — детям и бабушке. В том смысле, что мне-то, конечно, после них ужасно тяжело всегда (не в том, что я не хочу их видеть и слышать!!!). А вот они просто не смогли бы хоть изредка меня не слышать/видеть.

«В деле ничего нет, даже фальсификаций нет...»

— Как девочки изменились за время вашего ареста?

— Мне не хочется писать про девочек, они и так стали объектом «пристального разглядывания» на максимум, и даже при том что они никогда не были против некоторой публичности: всякий

там ФБ* и инстаграм*, мои интервью, — сейчас без меня они устали от внимания чужих. Но могу сказать с гордостью, что они огромные молодцы. Держатся как львицы. И котики! (И с ними лучшие в мире взрослые. Без них мы бы все сломались и погибли. Бабушка — вообще великий человек, без вопросов.)

— Я знаю, что вам пишут очень много писем: друзья, знакомые и незнакомые. Были ли за это время неожиданности? То есть среди тех, кто написал, оказались люди, от которых вы не ждали письма, или наоборот?

— Письма приносят неожиданности ежедневно! Радостные! Не буду перечислять, но там диапазон от добрых слов от кумиров детства до невероятно трогательных посланий от совсем незнакомых, далеких от театра людей, школьников, пенсионеров — всех.

— Следствие закончено. Вам вручили обвинительное заключение. Скоро начнется суд по существу. Оказались ли в материалах дела какие-то сюрпризы для вас, узнали ли вы что-то неожиданное?

— В деле сюрпризов нет вообще. Ноль. Там в принципе, блин, ничего нет! Даже фальсификаций нет. Просто ноль! Один вялый доносчик, несколько бессмысленных экспертиз — одна другой краше. И все. Остальное — это показания свидетелей в нашу защиту, положительные характеристики, всякий формальный бумажный мусор. И ничего из этого не имеет отношения к обвинению. Но см. выше: иллюзий нет.

Но вера и надежда есть!

Не дождусь!

Зоя СВЕТОВА

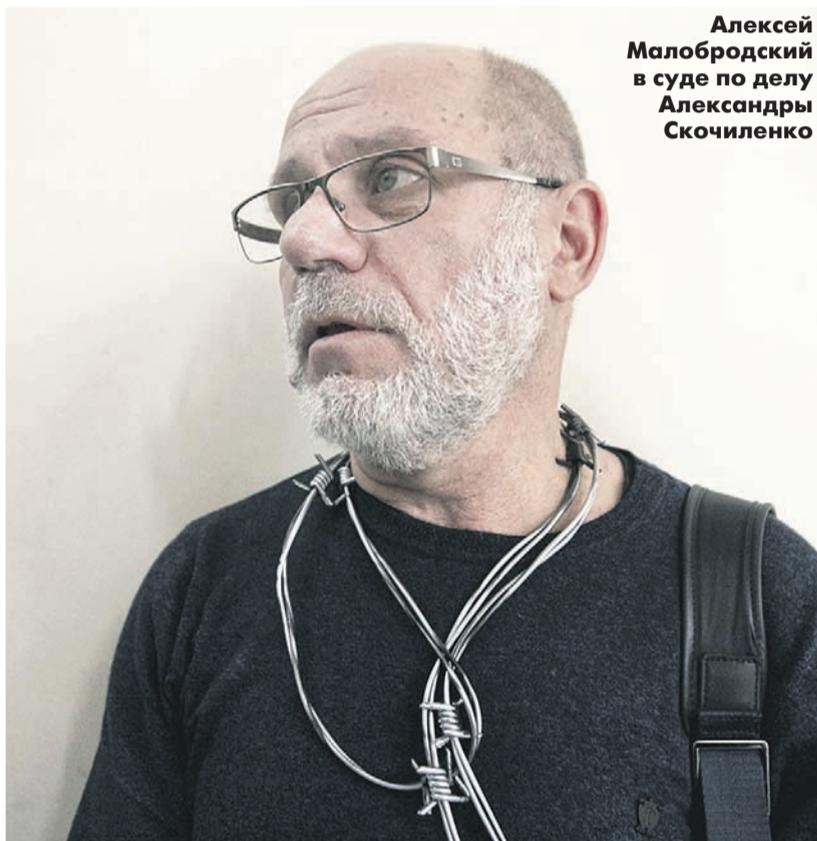
* Соцсети принадлежат компании МЕТА, чья деятельность признана в РФ экстремистской и запрещена.

Соцсети

«ПОЗОРНО, ПРИСКОРБНО И УНИЗИТЕЛЬНО ДЛЯ СТРАНЫ»

**ЭКС-ГЕНДИРЕКТОР
«ГОГОЛЬ-
ЦЕНТРА» АЛЕКСЕЙ
МАЛОБРОДСКИЙ,
ОДИН ИЗ
ФИГУРАНТОВ
«ДЕЛА СЕДЬМОЙ
СТУДИИ», —
О ЖЕНЕ БЕРКОВИЧ
И СВЕТЛАНЕ
ПЕТРИЙЧУК
И НОВОМ
«ТЕАТРАЛЬНОМ
ДЕЛЕ»**

**Алексей
Малобродский
в суде по делу
Александры
Скочиленко**

Алексей ДУШУТИН

— **П**рошел год, как Женя Беркович и Светлана Петрийчук сидят в СИЗО, дело об «оправдании терроризма» в спектакле «Финист Ясный Сокол» передано в Западный окружной военный суд. Год назад, когда их только арестовали, было несколько версий, почему появилось это беспрецедентное дело. Кто-то предполагал, что их отправили в СИЗО за стихи Беркович, кто-то утверждал, что это «атака» на премию «Золотая маска», которую, в частности, получил спектакль «Финист». Какое у вас сейчас мнение? За что?

— К сожалению, я слишком хорошо знаю — и по своему опыту, и по опыту наблюдений последних нескольких лет, — что непосредственный повод часто вообще не нужен. Порой не нужно не только объективных оснований для преследования человека, но даже и формального повода. Отсутствие события преступления уже не является причиной, которая могла бы удерживать репрессивные органы от того, чтобы завести уголовное дело. Логика там примерно такая: «надо начать, потом разберемся, на всякого можно что-то найти, а не найдем, так придумаем».

Здесь, однако, сразу объявили такой вот диковинный до недавних пор повод — пьеса. И в этом смысле дело Беркович и Петрийчук представляет собой какой-то новый виток абсурда, в котором мы все находимся, потому что до сих пор открыто не преследовали за художественные произведения. Даже если в них содержалась какая-то — с точки зрения властей — крамола или угроза, то придумывался какой-нибудь менее позорный состав мнимого преступления, чем цензура. Как это было в случае первого «театрального дела» — высосали из пальца какие-то недоказуемые признаки мошенничества.

Здесь же — это первый случай, когда власть продемонстрировала, что она не стесняется открыто преследовать за несогласие. Другой вопрос, что она традиционным образом действует как слон в посудной лавке. Не сумев внятно сформулировать, в чем же это несогласие заключается, ухватились за пьесу и спектакль «Финист Ясный Сокол». Ну а дальше весь набор свойственных следствию нелепостей.

Спектакль к этому времени успешно существовал уже несколько лет. Спектакль очевидно антитеррористический по своей направленности, несет в себе посыл ровно противоположный

тому, в чем авторов обвиняют. Но это никого не смущает.

Мне не хочется разбираться в подробностях (да я и не смогу), за что же именно на самом деле их привлекают, — это дело адвокатов. А если смело предположить за судом какой-то минимум добросовестности, то — и дело судей. Их дело — разбираться в этих подробностях, в этих нюансах и исследовать всякие нелепые экспертизы и прочую представленную следствием ахинею. Для меня как специалиста в области театра и, шире, культуры совершенно очевидно, что это надуманное дело, что обвинения не имеют никакого отношения к тексту пьесы и к театральному тексту спектакля.

«Мы запуганы, мы лишены голоса...»

— Если сравнить «театральное дело» — «дело Седьмой студии» — и «дело Финиста Ясного Сокола», которое иногда называют «вторым театральным делом», в чем между ними разница?

— Я вынужден констатировать, что за несколько лет, прошедших между приговором по «делу Седьмой студии» и на-

чалом дела «Финиста», у нас резко вырос уровень агрессии власти по отношению к гражданам. Это выражается и в большом количестве надуманных уголовных дел, и в какой-то беззастенчивой разнузданности органов, по привычке называемых правоохранительными, и в жестокости приговоров. Кроме того, ужесточилась цензура в СМИ, и те, кто контролирует эти процессы, заинтересованы в том, чтобы информация о них как можно меньше муссировалась в публичном поле. Поэтому нет такой поддержки широкой общественности, которая была оказана фигурантам первого «театрального дела».

Я всегда буду помнить это и не перестану испытывать благодарность ко всем, кто тогда горячо откликнулся на несправедливость и абсурдность обвинений, поддерживал нас, протестовал, одним словом — встал на защиту. О «театральном деле» тогда много писали, причем не только независимая пресса, не только блогеры, не только оппозиционно настроенные телеграм-каналы, но и центральная пресса, это дело было таким общественно значимым кейсом.

Я помню свое изумление, когда после одиннадцати месяцев тюрьмы я вышел под подписку о невыезде и оказался в центре Москвы на площади Никитских Ворот; там перед зданием ТАССа случайно задрал голову и на огромной бегущей строке увидел свою фамилию. Я не помню, что именно сообщалось, но важен сам факт, что на здании ТАССа для всеобщего обозрения об этом деле что-то сообщали общественности. Тогда люди стояли в пикетах, многие коллеги объявляли о своей озабоченности или поддержке, или несогласии со сцен театров и так далее.

Я уверен, что первое «театральное дело» запомнится не только его непосредственным участникам, но и очень многим прямо или косвенно вовлеченным людям или просто наблюдателям, запомнится именно вот этим массовым, очень активным участием общества.

Театр и театральное сообщество — только отражение глобальной ситуации в стране. Под влиянием происходящих перемен основательно изменилось и все наше общество.

Сейчас мы знаем, что бывает за стояние в пикете, сколько угодно одиночном, мы знаем, что под надуманными предложениями, в соответствии с новыми статьями о так называемых фейках, об оправдании или, наоборот, дискриминации чего бы то ни было, за несогласие с чем бы то ни было, высказанное публично, люди получают реальные сроки. Люди не могут это игнорировать и не обязаны быть бесстрашными. То есть мы запуганы, мы лишены голоса, мы лишены какой-то элементарной трибуны для выражения своего мнения. Мы понимаем, что лучше помалкивать. Понимаем на интуитивном, подкожном уровне. Я намеренно говорю «мы», потому что я не могу ни себя, ни вас, никого из нас отделять от сограждан. И это позорно, это прискорбно, это очень обидно, унижительно, но это надо признать — как факт.

«ПОЗОРНО, ПРИСКОРБНО И УНИЗИТЕЛЬНО ДЛЯ СТРАНЫ»

← СТРАНИЦА 22

«Жене свойственна эмпатия ко всем...»

— Расскажите, пожалуйста, о Жене Беркович. Вы давно с ней знакомы?

— С 2011 года. Женя — выпускница курса Кирилла Серебренникова. Этот курс, так называемая «Седьмая студия», был ядром и активным участником нашего проекта «Платформа», из-за которого, собственно, и разгорелось первое «театральное дело». Ну, вернее, я не знаю, из-за чего оно разгорелось, но нам инкриминировали финансовые нарушения, якобы совершенные как раз на этом проекте «Платформа».

Женей Беркович я был очарован сразу. Ее молодой и очень сильной энергией, очевидным талантом, яркой, однозначно сформулированной гражданской позицией. У нее как-то все это вместе шло в комплекте. Они с молодой отвагой настаивали на своем понимании добра.

— Они — это кто?

— Женя Беркович и ее однокурсники. Маленькая, хрупкая Женя всегда была одним из лидеров этой группы. И не только в творческом отношении. Вызывала уважение ее гражданская активность, общественный темперамент. Это очень органично в Жене. При этом она не была оголтелой «демшизой», как одно время было принято обидно выражаться о некоторых наших общих знакомых. Ей в огромной степени свойственна эмпатия — к людям, к животным, к слабым и обижаемым людям, к людям с какими-то физическими недостатками, к тем, кто по разным причинам оказывался в уязвимом или ущемленном положении. Она всегда остро переживает за тех, кто подвергается несправедливости или преследованию, и всегда готова помогать тем, кому угрожает опасность.

Первой ее постановкой на «Платформе» был спектакль-оратория на музыку прекрасного композитора Сергея Невского «Аутлэнд». В основе этого сложного сценического произведения лежали тексты детей с расстройством аутического спектра. И несколько таких особенных ребят принимали участие в спектакле наряду со звездами: Светланой Сорокиной в роли социального психолога, вокалистов из нидерландского VocaalLAB и прекрасного российского ансамбля Questa Musica — дирижировали Титус Энгель и Филипп Чижевский; еще звучал классический

канон Окегема, еще было тридцать волонтеров — огромная и прекрасная команда.

И это тоже очень много говорит о Жене, потому что как-то очень естественно, что она взялась именно за этот сложный материал, что композитор доверил его молодой, тогда еще никак себя не проявившей режиссерке. Женя блистательно с задачей справилась и на организационном, и на творческом уровне. Еще раз повторюсь, она очень талантливая человек. И дарования ее разнообразны. В то же время она из тех, кто не доверяет своему первому успеху и всю жизнь эксплуатирует его. Она сомневается в себе и готова все время учиться. Потом, когда весь их курс практически полностью пришел в «Гоголь-

центр», Женя Беркович за время моего директорства в театре выпустила два спектакля. Один из них — «Русская красавица» по Виктору Ерофееву.

Этот спектакль замечателен, кроме прочего, тем, что главную роль в нем играла молодая артистка, однокурсница Жени Катя Стеблина, а главную мужскую роль — прекрасный и в то время уже весьма пожилой артист Вячеслав Гилинов. Разница в возрасте больше 50 лет, и Женя проявила в работе очень хорошую пластичность и такт, нашла особенный язык для каждого и общий для всех — и в конце концов заразила всех одной идеей и единым художественным решением.

Будет ошибкой заключить из моих слов, будто она всегда покладиста и удоб-

на в общении и работе. Нет, напротив, принципиальна и самостоятельна, бескомпромиссна в том, во что верит. Я могу много говорить о ней: люблю этого человека и люблю этого режиссера — Женю Беркович.

«Финист Ясный Сокол» — спектакль- предостережение»

— А вы видели спектакль «Финист Ясный Сокол»? Что вы можете про него сказать?

— Прежде чем говорить о «Финисте», я хочу вспомнить еще об одном спектакле, с которого начинался театр «Дочери Сосо». Это — «Считалка». Я в свое время писал о нем у себя в фейсбуке*, потому что он меня очень сильно задел. И не только тем, что оказался художественно совершенным, не только тем, что там на примере грузино-абхазского конфликта определенно и внятно

* Принадлежит компании «Мета», чья деятельность запрещена на территории России и объявлена экстремистской.

Игорь ИВАНКО / Коммерсантъ

Женя Беркович
и Светлана Петрийчук в суде

звучала антивоенная и антитеррористическая позиция человека и режиссера Жени Беркович. Но и тем, что, возможно, главным в «Считалке» было щемящее сердце сочувствие к персонажам, за которыми легко и ясно узнавались живые люди.

Мне приходилось бывать в Абхазии и в приснопамятные времена до конфликта и после. Я знаком со многими абхазами и со многими грузинами, я видел этот ужасный послевоенный пейзаж. Не знаю, была ли там Женя, видела ли она эту фактуру. Но величайшее сочувствие к людям и любовь к ним, помноженная на большую творческую компетентность, породили произведение выдающейся подлинности. Это «Считалка».

ПОЗИЦИЯ И ДРАМАТУРГА СВЕТАНЫ ПЕТРИЙЧУК, И РЕЖИССЕРА ЖЕНИ БЕРКОВИЧ, И ВСЕЙ КОМАНДЫ СОЗДАТЕЛЕЙ СПЕКТАКЛЯ «ФИНИСТ ЯСНЫЙ СОКОЛ» СОВЕРШЕННО ОДНОЗНАЧНА И ПРЯМО ПРОТИВОПОЛОЖНА ТОМУ, В ЧЕМ ИХ ОБВИНЯЮТ

С тех пор я за Женей наблюдал с еще большим вниманием и заинтересованностью в ее успехах. А когда шел смотреть «Финиста», то уже понимал, что иду на спектакль состоявшегося режиссера — со своим почерком и нашедшего свою команду. Прекрасные актрисы театра «Дочери Сосо» все как на подбор очень интересные люди. И они замечательная труппа. Я не знаю, как, какими изощренными мозгами и какими дикими мозгами нужно обладать, чтобы на материале этого спектакля пытаться обвинить людей в оправдании или поддержке терроризма. Это чужь, абсолютная, полная чужь. Позиция и драматурга Светланы Петрийчук, и режиссера Жени Беркович, и всей команды создателей спектакля совершенно однозначна и прямо противоположна тому, в чем их обвиняют.

Со Светой Петрийчук я тогда не был знаком лично. Но поскольку я с профессиональным интересом наблюдал за молодой драматургией и, в частности, за фестивалем «Любимовка», я, конечно, знал ее имя и ее пьесы. Я знал, что Света по первой профессии — журналист-документалист. Это сказывается и на ее художественной работе. Света очень скрупулезно изучает материал, который берет в качестве фактуры для своей пьесы. То, что она по-настоящему добросовестно исследует этот материал, то, что он полностью основан на фактах, а не на домыслах, это я подозревал, когда шел на этот спектакль, и абсолютно убедился в этом, когда спектакль увидел.

К этому времени уже было широко известно «дело Варвары Карауловой», и спектакль настолько попадал в болевую точку, был настолько ярким и сильным предостережением этим несчастным и заблудшим женщинам и девушкам, что воспринимался именно как предостережение. Повторюсь, ничего кроме яркой антитеррористической направленности, заподозрить в этом спектакле было невозможно. Это не только мое субъективное впечатление: театральным сообществом и зрителями спектакль был очень тепло принят и отмечен «Золотой маской». И ни у кого не возникало сомнений ни в человеческих, ни в гражданских, ни в художественных его достоинствах.

Со Светой Петрийчук я знаком не так хорошо, как с Женей, но мы вражались более или менее в одном круге и относились друг к другу со взаимной симпатией. Я заинтересованный читатель ее талантливых пьес. Уже после ее ареста, наблюдая ее в судебных заседаниях и в переписке, я открываю для себя этого обаятельного и умного человека.

«Высокий профессионал своего дела»

— Чем пьесы Светланы Петрийчук отличаются от других пьес современных драматургов?

— Одно время я читал пьесы, которые молодые авторы присылали на конкурс фестиваля современной драматургии «Любимовка». Заявок было много, и чтобы их отобрать, нужно было несколько человек, которые не ленились бы профессионально читать эти огромные километры текстов. Ребята пригласили меня, несмотря на мой дремучий по сравнению с ними возраст. И я охотно согласился. Мне интересно, как видят мир люди поколения моих детей и младше. Они другие и во многом лучше нас, честнее, свободнее. Кроме того, участие в предварительном отборе фестиваля помогло лучше видеть общий театральный пейзаж, в чем я — как человек театра — был заинтересован.

Большинство текстов, с моей субъективной точки зрения, — плохая, несовершенно драматургия. Это нормально, потому что всегда театр, литература и любые

ТО, ЧТО ВЫТВОРЯЮТ С МАМОЙ ЖЕНИ И С ЕЕ ПРИЕМНЫМИ ДОЧЕРЬМИ, ЧТО ВЫТВОРЯЮТ С ЕЕ ПРЕСТАРЕЛЫМИ БАБУШКАМИ, ОДНА ИЗ КОТОРЫХ УМЕРЛА, КОГДА ЖЕНЯ УЖЕ БЫЛА В ТЮРЬМЕ, — ЭТО ОТКРОВЕННЫЙ И ПОКАЗНОЙ САДИЗМ

другие художественные практики привлекают много людей с необоснованными амбициями. По моим наблюдениям, пропорция между пьесами откровенно плохими, приемлемыми и откровенно хорошими была относительно стабильной из года в год. Но изредка случаются удачные — подлинно талантливые, глубокие по мысли и оригинальные по форме произведения.

Все тексты Светы, которые мне довелось читать, — талантливы! Какие-то нравятся меньше, какие-то больше, с ка-

кими-то оценками я согласен, с другими готов спорить. Но никогда ее пьесы не оставляют равнодушным, в них всегда живые характеры, оригинальные сюжеты и хороший образный язык, всегда боль, интерес к людям и миру и заинтересованность в судьбах мира. Звучит немножко пафосно, но это действительно так. Эта заинтересованность вовсе не обязательно являет себя посредством громких текстов или построением исторических сюжетов — часто острее чувствуешь и глубже понимаешь мир через судьбы частных людей, через бытовые коллизии.

Не цель нашего разговора, как я понимаю, и не моя задача сейчас давать этим пьесам профессиональную оценку. Но я вправе утверждать (как минимум потому, что у меня очень большой опыт театральной работы), что Светлана Петрийчук — высокий профессионал своего дела. Охват тем в ее творчестве чрезвычайно широк. Она, насколько я помню, родилась в Бишкеке, жила и работала в Казахстане, потом переехала в Москву. Несмотря на свою относительно молодость (хотя справедливо говорить о ней именно как о зрелом драматурге, мастере), она хорошо знает жизнь, что дает ей право писать об этой жизни, дает право писать для театра.

Союз Светы и Жени оказался чрезвычайно продуктивным: союз двух состоявшихся, вполне взрослых, самостоятельных художников. Я питаю к обоим самые теплые чувства и глубоко возмущен циничным беззаконием судебной и следственной власти по отношению к ним.

— Прошел год с ареста Жени и Светы. Переписываетесь ли вы с ними?

— Да. Хотя упрекаю себя в том, что пишу недостаточно регулярно. Переписка с Женей короткая и веселая, у нее блестящее чувство юмора, а юмор там — лучшее средство, генерирующее волю и силу духа. Женин характер и наши отношения допускают такой стиль, который может показаться легкомысленным. А со Светой, повторюсь, мы были знакомы меньше. Но в письмах из СИЗО Света первая озвучила такую нотку доверительности, предполагающую простой и откровенный разговор на важные темы. Наши письма длиннее, многословнее и как будто бы серьезнее, глубже.

К переписке со Светой и Женей я отношусь трепетно, за их вопросами читаю доверие. Они апеллируют к моему тюремному опыту, разумеется. Но при этом в их письмах читается явная человеческая драматургия. Я этим бесконечно дорожу и надеюсь, что со своей стороны

бы, не дает повода ожидать от него ничего хорошего. Мы видим откровенное пренебрежение законом и фактами, безразличие к доказательствам и аргументам защиты. Квалифицированная профессиональная экспертиза игнорируется, подменяется какими-то дикими шарлатанскими измышлениями квазиэкспертов, не признаваемых даже Минюстом. Но всей этой, как бы так мягче выразиться, «банде» следователей, прокуроров и судей нормы закона, мнение Минюста и доводы здравого смысла глубоко безразличны.

— «Банда» в кавычках.
— Разумеется, в кавычках.

— Да. Но тем не менее я говорю с человеком, который шесть лет назад отсидел 11 месяцев и вышел. То есть можно жить в тюрьме и при удачном стечении обстоятельств выжить и выйти.

— Безусловно, да. Просто Света и Женя уже находятся в СИЗО больше времени, чем я там находился. Это тяжело, тяжело для здоровья, тяжело для психики. Сознание несправедливости по отношению к себе глубоко травмирует. Но меня иезуитски обвиняли по надуманной статье, тупо и бездоказательно инкриминировали мошенничество, и это чрезвычайно оскорбительно. Девочек мучают публично, наверное, можно сказать, за их убеждения, притягивая за уши нелепые обвинения по нелепым статьям. И, разумеется, страдают родные и близкие люди.

Семейная ситуация Светы мне совсем не была известна до ее ареста, но я знаком с ее мужем. Я ничего не знал о существовании ее престарелых родителей, сестры и так далее. Женина ситуация мне знакома гораздо лучше. И то, что вытворяют с ее мамой и с ее приемными дочерьми, что вытворяют с ее престарелыми бабушками, одна из которых умерла, когда Женя уже была в тюрьме, — это откровенный и показательный садизм.

На одном из заседаний Хамовнического суда — перед тем, как нас пустили в зал заседаний, — я оказался рядом с Дмитрием Муратовым*; к нам подошел корреспондент и задал нам один и тот же вопрос: «Чего вы ожидаете от этого суда? И почему вы здесь?» Я ответил что-то не очень внятное: мол, надеюсь, рассчитываю, призываю... ну что-то такое промямлил. Муратов же без секунды промедления отчеканил: «Я ожидаю только одного, что их сейчас же освободят из-под стражи и отпустят домой. Потому что с точки зрения совести, закона и здравого смысла другого решения быть не может!» Я тогда внутренне ахнул: «Какой молодец!» Вопреки очевидной стагнации и унынию в обществе, вопреки подрезанным уже до основания крыльям любой надежде он так уверенно и как-то лихо это сформулировал.

И я тогда понял, что он прав, что такая идеалистическая, вызывающе наивная самоуверенность — возможно, единственный оставшийся нам сегодня способ продолжать сопротивляться абсурду и беззаконию.

— И последний, такой личный вопрос. Вы отсидели в СИЗО почти год, 11 месяцев. И с тех пор прошло шесть лет. Вы вспоминаете тюрьму?

— Конечно, это незабываемо. По ображениям психической гигиены чаще вспоминаю забавные вещи, которых было много, какие-то смешные нелепости. Со временем жестокие, оскорбительные, несправедливые ситуации уже вспоминаются без ярости. Хотя, наверное, от этого уже никогда нельзя будет полностью избавиться.

Зоя СВЕТОВА

** Внесен Минюстом РФ в реестр «иноагентов».

тоже транслирую им хоть немного тепла и поддержки.

«Девочек публично мучают, притягивая за уши нелепые обвинения»

— Какой развязки вы ожидаете? Что вы ждете от суда?

— Этот процесс, как и любой другой в российском суде сегодня, казалось

СОБРАТЬ ВСЕ КНИГИ И — В ГЛАВЛИТ

О СНЯТИИ С ПРОДАЖ КНИГ АСТ, ЗАКРАШЕННЫХ КНИГАХ, ОБЫСКАХ В «ГАРАЖЕ» И ОЧЕРЕДНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ КНИЖНЫХ РЕПРЕССИЙ

Биография «Пазолини. Умереть за идеи» Роберто Карнеро со страницами с закрашенным текстом

Обыск в музее современного искусства «Гараж» в парке им. Горького. 26 апреля 2024 года

З адаваться вопросами о том, как и почему изымают из продажи все новые и новые книги, становится делом привычным. Ни одна запретительная акция не обходится без многочисленных противоречий — вот и очередное требование к издательству АСТ без этих многочисленных противоречий не обошлось. Разрешить их мы не сможем — но давайте хотя бы яснее обозначим.

1. Призраки Главлита. Экспертный центр РКС и снятие книг с продаж

Хроника текущих книжных изъятий за последний месяц такова:

- 22 апреля издательство «Эксмо-АСТ» заявило о том, что останавливает продажи книг (в том числе электронных) Владимира Сорокина «Наследие», Майкла Каннынга «Дом на краю света» и Джеймса Болдуина «Комната Джованни».
- Утром 23 апреля к этой тройке добавились Ханья Янагихара с ее «Маленькой жизнью» и «Песнь Ахилла» Мадлен Миллер.
- На следующий день, 24 апреля, издательство «Эксмо» попросило партнеров остановить продажу и утилизировать книгу Брендона Тейлора «Настоящая жизнь».

Все книги были сняты с продаж «в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 6.21. КоАП РФ)» — статья о пропаганде ЛГБТ (движение признано экстремистским и запрещено в России).

Сами по себе эти действия особенного удивления не вызвали: все авторы широко представлены в разошедшемся недавно списке «вредных» книг, пропавших с маркетплейсов. А нежелательность «Наследия» была еще более очевидна: война за его запрет ведется многие месяцы силами активистки Усковой (подробный рассказ об этой эпопее «Новая» публиковала в январе). Удивление вызвало другое.

После опубликованных на сайте АСТ официальных заявлений о прекращении продаж многие обратили внимание на приписку: «Данные книги были направлены на экспертизу Экспертного центра при Российском книжном союзе». Вскоре вышел материал «Ведомостей» (который перепостили, кажется, без преувеличения все) о том, что, по словам некоего сотрудника РКС, центр действительно создан, он действительно способен решать, есть в произведении тематика ЛГБТ или нет, и обладает чрезвычайно разношерстным составом: в него вошли представители Роскомнадзора, Российского исторического общества, Российского военно-исторического общества, представители РПЦ, Духовного управления мусульман России, Федерации еврейских общин России, Ассоциации юристов России, Российской академии образования и Литературного института имени Горького.

СПРАВКА

Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств СССР. Ведомство осуществляло предварительную цензуру всей печатной продукции, в том числе и периодических изданий. Отдельной частью Главлита была военная цензура, которая давала разрешение на публикацию всего, что касается военных действий, включая исторические книги. Цензоры были приписаны ко всем советским СМИ, в редакции и издательствах были выделены для них отдельные помещения, где они читали тексты до того, как они отправлялись в печать. Главлит не имел ведомственной подчиненности, а подчинялся непо-

Дмитрий ДУХАНИН / Коммерсантъ

средственно Совету Министров СССР. Создан в 1922 году. Ликвидирован в 1991 году.

И вот здесь начинают возникать серьезные вопросы. Главный: если такой орган действительно появился, то когда? Дело в том, что во время январской кампании против сорокинского «Наследия» экспертный центр при РКС уже фигурировал: АСТ, судя по официальному письму Усковой, отправляло книгу на экспертизу именно в этот совет и именно на заключение этого совета ссылалось, но тогда это почему-то все оставили без внимания. При этом ни о точном времени создания совета, ни о составе конкретных участников с именами, фамилиями и лицами ничего не известно.

Добиться ответа на вопрос о том, кто все эти люди, не удается даже тем, кто этим специально занимался. Никаких официальных заявлений, никаких перерезаний красных ленточек, никаких радостных постов — ничего этого не было и нет до сих пор, хотя, казалось бы, есть чем «похвастаться»: разговоры о том, что надо бы собрать специалистов по ЛГБТ-тематике и позволить им судить книги, в РКС ведутся с 2023 года.

Далее. Если внимательно прочитать оба официальных заявления АСТ — первое про Сорокина, Каннингема и Болдуина и второе про Янагихару и Миллер, — то станет очевидно: экспертизу прошли только первые три книги. Первое заявление АСТ гласит:

«Данные книги были направлены на экспертизу Экспертного центра при Российском книжном союзе. Согласно заключению, эти произведения содержат информацию, запрещенную к распространению в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 6.21 КоАП РФ), и должны быть изъяты из продажи».

Ясно, что издательство было вынуждено отправить первые три книги на экспертизу, и они ее прошли (с результатом не в пользу книг). А вот второе заявление говорит о другом:

«В издательство АСТ поступило предостережение от Пресненской межрайонной прокуратуры ЦАО г. Москвы «о недопустимости нарушения требований законодательства о противодействии экстремистской деятельности, об информации, информационных технологиях и о защите информации» относительно романов «Маленькая жизнь» Ханьи Янагихары (выпускается с 2016 года) и «Песнь Ахилла» Мадлен Миллер (выпускается с 2019 года). В документе сказано: «Из краткого содержания указанных выше романов, содержащихся в интернет-сетях общего пользования, следует, что в последних речь идет о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений». На основании этого издательство АСТ приостанавливает продажу указанных книг до получения полного экспертного заключения».

Ясно, почему АСТ отправило книги на экспертизу (потому что прокуратура умеет читать краткие содержания), но неясно, почему Пресненская межрайонная прокуратура уже предостерегает издательство о последствиях, если экспертиза еще не закончена.

2. «Турникет ищите, гражданин?»

Обыски у издательства «Напильник» и в музее «Гараж»

Другая сюжетная линия книжных репрессий началась еще до марафона по снятию с полок книг издательства АСТ. В середине апреля силовики пришли с обыском к Василию Кузьмину — основателю независимого издательства «Напильник» (оно специализируется на острополитической литературе разных лет). Оперативники забрали, например,

«Манифест Унабомбера» (автор — американский философ, математик Теодор Качинский), «Зеленую книгу ИРА» (учебное пособие для новобранцев революционной Ирландской республиканской армии), «Аптечку номер 4» Булата Ханова (фантастика про далеко не самую прекрасную Россию будущего) — всего около тридцати наименований.

«Первое время я не понимал, зачем пришли. Когда они начали рассматривать пачки книг — раскладывать на кровати, фотографировать — стало понятно, что их действительно интересуют книги. Спрашивали про магазины, типографии. Все вокруг одной темы», — цитируют Кузьмина «Осторожно, новости».

Среди изъятых книг оказались не только издания «Напильника», но и, в частности, книги *directio libera*. 15 апреля стало известно, что книги этого издательства убрал из своего книжного магазина и музей современного искусства «Гараж» (вместе с контркультурными альманахами *moloko plus*). Почему это было сделано, в точности неизвестно — официально «Гараж» рассказал о «недовольстве покупателей» и об угрозах.

ОСТАЕТСЯ СПЕШНО ЧИТАТЬ ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ НЕЗАПРЕЩЕННЫМ СЕГОДНЯ, ОПАСАЯСЬ, ЧТО ЭТО МОГУТ ЗАПРЕТИТЬ ЗАВТРА. В КОНЦЕ КОНЦОВ, ТОЖЕ СПОСОБ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ЧТЕНИЯ

А уже 26 апреля в офисе и архиве «Гаража» прошел обыск. Что искали теперь — снова некоторое время было неизвестно: на фоне печальных событий в книжном мире у многих появилась версия, что и на этот раз дело во «вредных» книгах. А поскольку и в случае «Напильника», и в случае «Гаража» фигурировали издания *directio libera*, некоторые связывали обыски конкретно с этим издательством. Тем не менее пресс-служба музея опровергла эту версию, сказав, что проблемы связаны с делом Петра Верзилова* (очевидно, и с прошедшими перед выборами массовыми обысками у независимых художников).

Сам основатель *directio libera* Павел Никулин тоже опроверг версию о своих книгах: во-первых, книги не изъяли, а вернули издательству, во-вторых, в других точках они продаются пока беспрепятственно. При этом, по его словам, ни один из обысков — ни у «Напильника», ни в «Гараже» — не сопровождается объявлением в таких случаях заведением уголовного дела.

В итоге, с точки зрения стороннего наблюдателя, все эти довольно хаотичные налеты на независимое искусство объединяет только одно: их хаотичность. Нельзя понять, что именно ищут силовики и к кому придут в следующий раз.

Как следствие, относительно каждой такой «активности» появляется по три-четыре версии того, что все это на самом деле значит: то ли власть начала читать книги, то ли интересоваться современным искусством, а то ли время от времени показывает меценатам-владельцам галерей, кто здесь хозяин. Противоречий от этого становится только больше.

3. Давай покрасим нашу книгу в черный цвет: биография Пазолини и ее предшественники

История многострадальных шедевров АСТ не закончилась изъятием Тейлора: 25 апреля стало известно о том, что еще

одна книга АСТ — биография «Пазолини. Умереть за идеи» Роберто Карнеро — вышла с закрашенными черным страницами. Так были скрыты те части текста, где говорилось об ориентации и личной жизни Пазолини, а также высказывания о религии, описания мужской внешности, пересказ «Декамерона» и даже строчки из стихов самого Пазолини «Мольба к матери». В тот же день «Горький» выпустил остроумную рецензию Бориса Куприянова на книгу — большая часть текста в ней, как и в «Пазолини», закрашена.

Издательство АСТ не стало игнорировать шум, поднявшийся вокруг полустертой биографии, — оно вновь выпустило официальное обращение, в котором говорилось:

«Решение редакции, выпустившей книгу, — вынужденное, чтобы издание могло увидеть свет. Закрасить фрагменты текста — более честный выбор, чем просто вырезать абзацы, будто их в книге и не было. Подобная практика — выпускать книги с заретушированными фрагментами, которые не соответствуют требованиям законодательства, — уже широко применяется в российских издательствах».

Такая практика российским читателям действительно уже знакома. В 2015 году АСТ выпустило книгу Елены Костюченко «Нам здесь жить», в которой на нескольких страницах вместо оригинального текста была напечатана плашка: «Запланированный текст о Pussy Riot не может быть опубликован по политическим причинам».

В 2021 году издательство Individuum покрасило часть книги Нико Воробьева «Мир под кайфом. Вся правда о международном наркобизнесе» — те предложения, в которых описывался рецепт приготовления героина.

Известны примеры и закрашенных книг с квир-тематикой: в октябре 2022 года «Эксмо» выпустило цензурированный вариант книги «Вдребезги» Макса Фалька, а в апреле 2023-го хитом ярмарки Non/fiction стал не менее цензурированный (уже напрямую из-за закона о пропаганде) вариант «Потрясения» Лидии Юкнавич. Так что история знает примеры.

В истории с покраской книг, пожалуй, возникает гораздо меньше вопросов, чем в истории с обысками и снятиями с полок. По сути, вопрос всего один: какие книги и в каком количестве будут теперь выходить в таком виде? Нужно ли закрашивать любое описание физиологичности? А эротические сцены между, допустим, людьми, не состоящими в браке? А строчки стихов, как в случае Пазолини? Но все это вопросы, конечно, риторические: как всегда, все будет зависеть от инициативности любителей читать аннотации из прокуратуры и МВД, а также от бдительности доносчиков.

4. О чем это все на самом деле

Даже тем, кто никогда в жизни не открывал ни одну из снятых с продажи книг, ясно: ни одна из них пропагандой ЛГБТ не является. Например, «Песнь Ахилла» Мадлен Миллер, которую некоторые в шутку называют фанфиком гомеровской «Илиады», — это книга, конечно, не про геев. Действительно, в ней рассказы-

вается о Патрокле и Ахилле — что, между прочим, версия абсолютно классическая, и в первоисточнике (в «Илиаде») на эти отношения есть прямые намеки. Но что позволено Гомеру, то не позволено Мадлен Миллер.

«Песнь Ахилла» — про конфликт между любовью и предназначением, про то, как можно (или невозможно) любить того, кому предначертано быть героем. Но главное, она про то, как война — совершенно нелепая и никому не нужная — отбирает любимого человека. Про то, как нелепые цели правителей выдаются за высокие идеалы и заставляют становиться героями тех, кто хотел простой, мирной и счастливой жизни. И еще она про то, что единственно осмысленной жертвой может быть только жертва ради любимого человека.

Довольно отдаленное отношение к пропаганде ЛГБТ имеет и «Комната Джованни» Джеймса Болдуина. И хотя в ней сексуальным отношениям отведено больше места, она скорее рассказывает о чувстве запертости, закрытости: и сам Джованни, и его отношения — это сплошная клаустрофобия. Комната, в которой живут, постепенно превращается в тюремную камеру, а любовь — в заключение под стражу, в отгороженность и оторванность от всего мира, в удушающую несвободу. Сложно назвать описание настолько негармоничных отношений пропагандой.

То же самое касается и хита 2016 года — «Маленькой жизни» Янагихары, и куда менее популярной в России «Настоящей жизни» Тейлора, и остальных книг, в названии которых нет слова «жизнь», но они рассказывают именно о ней: рассказывают не об идиллиях, они рассказывают о жизни со всеми ее вывихами и неправильностями: о том, как болезненно взрослеть, о том, как невозможно вылететь от своего прошлого, о том, как преодолевать предрассудки, о том, что делать, если не вписываешься в ту систему координат, которую навязывает мир.

Иначе говоря, все убранные из продажи книги — это книги, которые по-настоящему помогают жить: разобраться в том, как устроен сегодняшний день и как устроен в этом дне ты сам.

...Градус абсурдности ситуации, как видим, начинает зашкаливать — к чему, в общем, все уже давно привыкли. Еще больше абсурдности добавляет то, что запретами Каннингема и даже Сорокина возмущена не только «либеральная общественность»: внезапно за запрещаемые книги вступились некоторые из членов литературно-патриотического «Союза 24», сказав, что сексуальная ориентация Каннингема еще не делает его плохим писателем, а повальное запретительство дискредитирует саму идею государственного контроля над книгами — того самого контроля, за который члены «Союза» недавно выступили в своем открытом письме.

В общем, очередные книжные репрессии, как обычно, оставляют много вопросов. Единственный, на который ответ стабильно находится, — это вопрос «что дальше?». Ответ неизменен: дальше, очевидно, будет хуже. Кое-кто из книжников — например, Сергей Лебеденко — уже сравнил процедуру книжных экспертиз с советским Главлитом, и высока вероятность, что все к созданию такой организации и идет.

И вялотекущие разговоры о том, что издательства собираются лицензировать, и открытые письма с призывами поставить книжную индустрию под полный контроль государства — все это вполне четко указывает на то, каким курсом вынуждают двигаться книжный рынок. И свернуть с этого курса уже вряд ли возможно. Остается только спешно читать все, что осталось незапрещенным сегодня, опасаясь, что это могут запретить завтра. В конце концов, тоже способ популяризации чтения — и, надо признать, довольно эффективный.

Виктория АРТЕМЬЕВА

В незапамятные времена, 10–15 лет назад, у России были смыслы, совсем не похожие на те, что сегодня. Дмитрий Медведев и Барак Обама ели бургеры в Вашингтоне и объявляли о «перезагрузке» отношений России и США. Владимир Путин говорил, что сближению России и Европы нет альтернатив, и предлагал построить «единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока». Страна была открыта миру. Это было время, когда своим видом стремились не ужаснуть, а восхитить. И люди, и целые города искали свои таланты и свою особость. В 2008 году в Перми начался, возможно, самый амбициозный культурный проект современности — «Пермская культурная революция». Она сделала город центром притяжения не только для россиян, но и для иностранцев. Туристы массово съезжались на фестиваль «Белые ночи», собиравший ежегодно более миллиона человек: неудивительно, ведь здесь выступали певцы от Петра Налича или мексиканской оперной примы Клаудии Сиерры до панк-рокеров из британской The Fall; в фестивальные дни проходили десятки выставок, а на улицах в самых неожиданных местах появлялись арт-объекты.

Цель Перми того периода была сформулирована однозначно: стать к 2016 году культурной столицей Европы. Это была не абстрактная задача: каждый год Совет Евросоюза выбирает культурную столицу, в том числе — среди городов европейских государств, не входящих в ЕС. И там организуют масштабные фестивали. Пермь тоже к этому стремилась.

В качестве организатора культурной революции в город пригласили галериста Марата Гельмана, которого сегодня власти считают «иностранным агентом». Ему дали полный карт-бланш, и он повез в Пермь артистов с мировым именем, даже смог привлечь к руководству пермской оперой дирижера Теодора Курентзиса, известного по постановкам произведений Верди, Шостаковича, Прокофьева и Моцарта.

«Два года назад выходить на Заксобрание с инициативой «Пермь — культурная столица» было как-то неприлично. Никто ее всерьез не воспринимал. Но посмотрите, сколько уже сегодня сделано», — говорил вице-премьер Пермского края Борис Мильграм в 2012 году, когда культурная революция шла уже четыре года.

Однако все изменилось в одночасье. В 2014 году случился Крым, и страна резко развернулась к консерватизму. Вместо разговоров о столице Европы в Перми в 2016 году стали вести такие: «Во время Великой Отечественной укрепилась одна из основных функций Пермского края — оборонительная. Урал — это опорный край державы, — говорил новый региональный министр культуры Игорь Гладнев. — Команда, работавшая в период культурной революции, работала на разрушение. Если бы она продолжалась, был бы нанесен непоправимый вред. Ярко выраженные объекты и субъекты были бы весьма известны, но при этом был бы нанесен вред источнику энергии, менталитету. <...> Известность сама по себе не является высшей точкой целесообразности. Государственная политика в сфере культуры работает в интересах общества. На сегодняшний день она сформулирована президентом России Владимиром Владимировичем Путиным. Есть стратегия развития классической музыки, подписанная Дмитрием Анатольевичем Медведевым. В рамках реализации этой миссии ключевыми являются вопросы культурной идентичности, национальной безопасности, воспитания и образования».

Красные человечки, которые появлялись на улицах Перми, выставки современного искусства, опера мирового уровня — все это оказалось в «новой» России ненужным. Видимо, создающим угрозу. Но что пермякам предложили вместо этого?

Корреспондент «Новой» отправился в Пермь и сам не смог поверить, насколько сильно все перевернулось в городе.

«Пермские ворота» (народное название «табуретка»)

КРАСНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

СМЕНИЛИСЬ «ЗЕЛЕНЬНЫМИ»

**РЕПОРТАЖ-АНТИУТОПИЯ ИЗ ПЕРМИ, КОТОРУЮ
ИЗ СТОЛИЦЫ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА
ПРЕВРАЩАЮТ В ГОРОД МИЛИТАРИ-АРТА**

Роман Попов

«Стали происходить странные, но очень интересные вещи»

— Ты, наверное, будешь последним журналистом, который сфотографирует «табуретку», — бывший главред пермского «Эха», а ныне курьер Роман Попов везет меня от железнодорожного вокзала.

«Табуретка» — народное название «Пермских ворот», 12-метровой квадратной буквы «П», сложенной из бревен. Одного из объектов, который появился в городе во время культурной революции и вполне справился со своей ролью — «стать символом Перми при въезде». В скором времени ворота должны снести — не в рамках борьбы с «революцией», а ради строительства транспортной развязки. Попов уверен, что власти очень рады такой возможности: вроде как никакой политики — просто городу развиваться нужно, кто ж будет с этим спорить? Ну и заодно «вражеский элемент» убрать. Перенести арт-объект, по словам чиновников, невозможно физически.

Буква «П» — один из последних следов «культурной революции». Когда его не станет, останутся только Музей современного искусства и инсталляция «Счастье не за горами», которая стала настолько узнаваемым символом Перми, что власти решили закрыть глаза на то, что ее создавали «враги народа».

О своем отношении к культурной революции Попов начинает рассказывать издали.

— В 1999 году я был с друзьями в Самаре. Это был очень красивый город. Мы сошли с теплохода и спросили у кого-то из местных, как найти рок-магазин. Хотели послушать что-нибудь новое. Нам ответили в духе: «Прямо, потом направо, потом еще пара поворотов и там, в подвале, найдете». Мы поблагодарили, уже начали уходить, как вдруг человек, который подсказывал дорогу, нас окликает: «Пацаны, а вы откуда?» Мы: «С Перми». Он: «А... Пермь... ну да-да. Ну че, такой обычный промышленный город». Вот эти слова у меня в голове засели на всю жизнь. Потому что мы и были «обычным промышленным городом». И многое в самосознании пермяков связано с этим ощущением. Какой-нибудь Екатеринбург — это да, столица! А мы — задворки. Нас даже с Пензой можно путать. И вдруг именно на наших задворках начинает происходить какая-то странная движуха.

О начале «революции» пермяки, вспоминает Роман, узнали, когда на заброшенном и обветшавшем здании речного вокзала появился баннер «с двумя беззубыми гопниками». Это была репродукция картины из «Евангельского проекта» художников Дмитрия Врубеля и Виктории Тимофеевой. Но город, конечно, об этом пока не знал.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

— А речной вокзал видно с очень многих точек в Перми, — рассказывает Попов. — Илюди смотрели и не понимали, что происходит. Что за гопники? Почему? Почему они на речном вокзале? И это было очень хорошее начало: город встретился, стал задавать вопросы. А потом выяснилось, что Марат Гельман* захотел открыть Музей современного искусства именно там. Решение было удачным. Ради этого как минимум отремонтировали историческое здание и всю округу, включая железнодорожный вокзал Пермь-1. В городе появилась настоящая точка притяжения, где было приятно и просто гулять и, если хочешь, соприкоснуться с искусством.

Пространство вокруг речного вокзала действительно стало общим: для интеллигенции — музей, для тех, кому искусство не особо интересно, — прогулочная зона и... тоже искусство: «Счастье не за горами» установили прямо за вокзалом.

— Еще прямо перед музеем поставили «бэу» (BMW), расстрелянную из автоматов. Просто тачку, испещренную пулями. Ну это же что-то, — приподнято говорит Роман. — В общем, в городе стали происходить какие-то очень странные, но очень интересные вещи. То красный человек на здании филармонии появится, то гигантский жук-скарabei у железнодорожного вокзала. И это происходило постоянно и неожиданно, а потом куда-то исчезало, менялось местами. А потом начались «Белые ночи», и я помню, как шел по эспланаде, где было полно народу, и вдруг чуть не упал. На сцене играл Шахаб Толуи (*иранский гитарист-виртуоз, живущий в Чехии, исполнитель фламенко. — И. Ж.*). То есть человек, который вчера наверняка выступал где-нибудь в Израиле, а завтра будет играть в Барселоне, сегодня здесь, у нас — в Перми. Ничего себе! Я просто скажу, что было до этого: эспланада была площадкой для проведения праздников вроде «Дня пива», на которых выступали второсортные коллективы. И тут...

Роман уходит еще дальше в историю и говорит, что Пермь долгое время была административным центром для всего Урала благодаря расположению на Каме, но с развитием других транспортных артерий стала постепенно терять эту значимость и к середине прошлого века сделалась «одним из многих» городов, уступив первенство Свердловску (Екатеринбургу). Город стал чувствоваться рядовым, обычным, Роман обозначает это словами «город не первого порядка».

— И вдруг при Гельмане у нас начали происходить такие события, которые заставили многих осознать: «Ого, да мы же круче Кирова. Да мы круче Ижевска. Да, черт возьми, мы не хуже Екатеринбурга! Да, в Екатеринбурге большие бабки, но к кому екатеринбуржцы ездят на премьеры? К нам, к нам, заразы! Да к нам Роман Абрамович прилетает, чтобы сходить в театр». Лично меня именно культурная революция сделала патриотом. Человеком, который полюбил Пермь и все пермское. Город как будто бы открылся заново: и улицы, и Кама, и театры. Критики культурной революции говорят: «Слушайте, у нас все это было и без Гельмана! Что у нас, Камы не было? Эспланады не было?» А я осмелюсь сказать, что да, не было. Потому что команда, делавшая культурную революцию, сумела все это показать в новом свете, дать этому новый смысл.

Только я хочу спросить, какие же смыслы у города сейчас, что ему дали взамен «революции», как Granta Романа тормозит у речного вокзала. И все становится понятно без слов. В здании, с которого начиналась культурная революция, теперь работает патриотический музей «Россия — моя история». Эти музеи появились сегодня почти по всей стране. Историки неоднократно критиковали их за идеологизированность и передергивание фактов (например, за приписывание Александру Невскому стремления «крепить оборону на Западе, а друзей искать на Востоке» — ученые напоминают, что на Востоке у Руси никаких друзей тогда не было, ведь

сама Русь тогда находилась фактически в вассальной зависимости от Орды). Забегая вперед, скажу, что ничего интересного в пермском музее сейчас увидеть нельзя — основные экспозиции на реконструкции.

— Ну вот, собственно, наши новые смыслы, — говорит Роман. — Но это еще не все. После 2022 года очень популярным, особенно для школьных экскурсий, стал музей пермской артиллерии. Туда теперь возят учеников и рассказывают им о наших мощных пушках, которые производят на Мотовилихинском заводе. Там же делают реактивные системы залпового огня, гаубицы. Вот о чем теперь считают важным говорить пермякам. А на День города к нам придет Игорь Саруханов, будет исполнять свой «бессмертный хит» «Скрипка-лиса». Были мировые звезды, теперь Саруханов. И снова разговоры о том, что Пермь — промышленный город...

Недосягаемость добра

13 марта ФСБ провела обыски у директора Музея современного искусства PERMM Наиля Аллахвердиевой. Как они происходили и что именно заинтересовало силовиков — раскрыть никто не может, ведь оперативные мероприятия проводились в рамках уголовного дела о государственной измене. Аллахвердиева — свидетель. Оперативники посчитали, что она может что-то знать об акционисте и бывшем издатель «Медиазон»* Петре Верзилове*.

Поговорить с Наилей мне так и не удастся: сначала она говорит, что заболела, а потом — перестает отвечать на сообщения. Впрочем, в свете обысков это легко понять.

Сам Музей современного искусства работает. Из здания речного вокзала его выселили в автосалон Mercedes — компания ушла из России, а ее активы оказались заброшены. На выставке «И да и нет» два контрастных зала: черный и белый. «Темнота обычно органически воспринимается как угроза. Материальность темного вызывает если не страх, то тревожные неприятные эмоции. Черный цвет ассоциируется с отрицанием, злом, смертью. Работы черной части экспозиции — в основном объемные, подчеркнута материальность изображений. <...> Статика, замороженность, пауза большинства работ — метафора постоянства, конкретности и обиденности зла», — говорится на стенде, рядом с которым стоит сделанный из металлолома и камней скелет динозавра.

В черном зале — композиции, напоминающие печи с людьми, тяжелые предметы из резины. Особо задевает резиновая рубашка, напоминающая одновременно и строгую одежду военного и смиренную — заключенного.

«Свет — условие безопасности, роста, ясности и спокойствия. Бесплотность света открывает пространство. Белый содержит в себе все остальные цвета. Белый в европейской традиции, безусловно, положительный цвет. <...> Цвет управляет нашими эмоциями, причем всеми, не только позитивными. Часто цвет скрывает подмену, подделку, искусственность. Еще цвет может быть признаком измененного сознания, опьянения, галлюцинирования. Полноцветное, светлое и возвышенное может обернуться наивностью, идеализмом, соблазном, тщетными надеждами, самообманом, потерей лица в пространствах абстрактного и потому недосягаемого добра», — читаю в белом зале.

Недосягаемое добро. Обыски. Все переплелось в Перми. И кажется, что черный зал торжествует. Потому что зло — легко достижимо.

Но эта мысль может быть ошибочной. Ведь современное искусство требует большого осмысления. А город сегодня, как я пойму позже, стремится к простоте.

Окончание материала
Ивана ЖИЛИНА —
СТРАНИЦЫ 30-31 ⇨

* Признан Минюстом «иностранным агентом».

Музей артиллерии

Музей современного искусства

Музей современного искусства. Белый зал

КРАСНЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ СМЕНИЛИСЬ «ЗЕЛЕНЬИМИ»

← СТРАНИЦЫ 28-29

Перемена смыслов

Надежда Агишева — бывший депутат Пермской городской думы от «Яблока», а сегодня — зампред комитета Общественной палаты Перми по развитию институтов гражданского общества. Еще она — основательница Центра городской культуры (ЦГК), на площадке которого проходят художественные выставки, лекции и фестивали.

В ЦГК мы с ней и встречаемся: сейчас там проходит выставка-продажа работ пермских художников. Весьма, нужно сказать, оригинальных: от примитивистски вышитых нитями натюрмортов до большого полотна под названием «Капитан», изображающего мужчину в квартире на фоне потолка.

— Культурную революцию нельзя рассматривать в отрыве от политической жизни региона, — рассказывает Надежда. — К 2009 году в Перми все было печально: высокий уровень преступности, отток населения, очень сильно изношенные коммуникации. Ни один губернатор без серьезной помощи сверху таких проблем не решит. И в то же время любому губернатору нужны какие-то успехи. И Олег Чиркунов, который тогда возглавлял Пермский край, увидел вот эту возможность — европейская культур-

ная столица. Быстро, заметно и понятно. И на это стали выделяться ресурсы, любые вопросы решались оперативно и легко. Марату Гельману и его команде был дан полный карт-бланш. И нужный эффект был достигнут: люди заинтересовались Пермью, сотни тысяч человек увидели интересные арт-объекты. У Перми появились символы, по которым ее узнают в других городах — то же «Счастье не за горами». И, господи прости, уже 10 лет прошло, как никакой «революции» нет, а вы приезжаете и спрашиваете о ней — значит, это действительно было важное явление.

Несмотря на то что культурная революция была во многом политическим ходом, Агишева рассказывает, что благодаря ей раскрылось и множество пермских художников — в том числе Михаил Павлюкевич и Ольга Субботина, работающие как в направлении реализма, так и в направлении абстракционизма. Их картины на волне пермской революции заметили крупные коллекционеры и зарубежные галеристы.

— И даже просто тот факт, что в моем городе живет сотня музыкантов хора и оркестра musicAeterna (*их перевез в Пермь Курентзис. — И. Ж.*), — тоже очень значимый. Потому что такие люди создают среду вокруг себя, повышают стандарты, их дети учатся в школах, все это оставляет след, меняет место, — говорит Надежда. — Это также очень важно, потому что в Перми, в отличие от Екатеринбурга, нет многих культурных образовательных учреждений: там есть искусствоведческий факультет, есть архитектурный университет. Нам их отсутствие отчасти компенсировала «революция». И когда сейчас говорят о сносе «Пермских ворот» и вообще демонтаже «наследия Гельмана», я хочу сказать: хорошо, мы все понимаем, что современное искусство тем и прелестно, что оно не навсегда. Но давайте делать другие объекты, создавать другие пространства...

Надежда Агишева

Афиша патриотической выставки

— А они создаются? — спрашиваю я, и Надежда вздыхает.

Сначала она замечает, что планы развивать пространства для инсталляций в городе есть, потому что в Перми все еще многие понимают, что для борьбы с оттоком населения и для удержания квалифицированных кадров комфортная и креативная среда важна.

А потом — предлагает сходить на бульвар Советской армии.

— В последнее время была сильная милитаризация, — говорит она. — Мы теперь, конечно, понимаем почему. Еще до 2022 года стало появляться очень много военных памятников. И все — на этом бульваре. И теперь получается так, что место, которое на самом деле все очень любили, — просто заставлено могильными плитами.

Я иду в сквер и с трудом верю своим глазам. Бульвар начинается с памятника военным, погибшим в Чечне. Исполинский куб, на фоне которого стоит человек с автоматом. «В этом месте заложена капсула с землей с места гибели военнослужащих города Перми, погибших при участии в контртеррористической операции на Северном Кавказе», — гласит надпись рядом с автоматчиком. Через 100 метров — советский танк, единственно стоявший в сквере до недавнего времени. За танком — памятник погибшим «афганцам»: четверо мужчин встали в круг, взявшись за плечи, но круг не сомкнут, ведь на войне они потеряли товарища. Рядом с памятником кто-то заботливо поставил рюмку. Вокруг него — плиты с именами погибших в Афганистане пермяков. Дальше — памятник десантникам. Замыкают сквер Петр и Феврония — кто и зачем решил поставить памятник «семье, любви и верности» среди памятников погибшим?

Новые выставки

Возвращаясь из сквера, иду на эспланаду. Теперь здесь больше нет креативных скульптур и инсталляций. Инсталляция

стоит одна — надпись #Мывместе — очевидно, в поддержку спецоперации. Напротив надписи на доме висит большая растяжка: «Мы защищаем свой родной дом». Я не сразу понимаю, что это — афиша выставки.

Прямо напротив бывшего Музея современного искусства (а теперь патриотического центра «Россия — моя история»), в помещении Завода Шпагина, два больших зала выделены под выставку о событиях в Украине. На входе — двое парней в военной форме. Тщательно досматривают мой рюкзак и впускают внутрь. Стены павильонов расписаны информацией о Майдане, «анти-России», «нацистах», «бандеровцах».

«Причины СВО: угроза суверенитету и существованию России, угроза применения Украиной ядерного оружия в отношении России...» — читаю на одной из стен.

На другой — о Мариуполе: «Город долго находился под контролем украинских националистов. В ходе военной операции российской армии город был освобожден от боевиков. На момент освобождения, весной 2022 года, Мариуполь был практически полностью разрушен. По заявлению Константина Иващенко, главы администрации Мариуполя от ДНР, в апреле 2022 года в городе находилось до 250 тысяч жителей — примерно половина от того количества, что было до боевых действий».

Присоединяюсь к идущей экскурсии. Как раз на самом интересном моменте.

— А вот этот блокнот наши воины привезли из зоны спецоперации, — рассказывает десятку подростков женщина лет шестидесяти, показывая на развернутую за стеклом записную книжку с календарем. Подростки откровенно скучают и больше залипают в телефонах, чем слушают. — Этот предмет со всей очевидностью доказывает, что Россия лишь немного опередила украинское нападение. Посмотрите на дату — 26 лютого 2022 года. «Лютый» по-украински — это февраль. Смотрите, что написано: «Початок війни Росії проти України».

* Признан Минюстом «иностранным агентом».

Памятник участникам войны в Чечне

Памятник погибшим «афганцам»

Денис Галицкий

Выставка о событиях в Украине

То есть они готовились. Всего на два дня мы их опередили.

Уровень доказательств, конечно, впечатляет.

— Россия, конечно, до последнего не хотела начинать боевые действия. И даже когда признала независимость «ДНР» и «ЛНР» — рассчитывала, что этого хватит, чтобы остудить пыл националистов. Но в ответ обстрелы только усилились. Особенно сильно стреляли по Авдеевке, — говорит экскурсовод, видимо, даже не держа в голове, что к февралю 2022 года Авдеевка еще находилась под контролем Украины.

***

Урбанист Денис Галицкий — один из критиков культурной революции. Впрочем, не из консервативных и не относящихся к борцам со всем «иноагентским» или «непонятным».

Мы встречаемся с ним в его «штаб-квартире» в обычном сталинском жилом доме. Первое, что бросается в глаза при входе в кабинет (большую комнату) — огромная голова Давида.

— Это во время культурной революции у нас собирались объединять художественное училище с каким-то колледжем. Классическое искусство не было в почете, сокращали как могли, — замечает он. — Вот Давид ко мне оттуда и переехал.

Училище, к слову, все-таки сохранили.

Я спрашиваю Дениса, считает ли Пермь сама себя городом столичным или провинциальным, и он отвечает витиевато:

— Вопрос непростой. У нас городскому театру — 150 лет, а в Челябинске, который больше нас, театр впервые создан в советские годы. То, что мы были губернским городом, оно все-таки накладывает отпечаток. Хотя мы сейчас меньше Челябинска, меньше Екатеринбурга, но есть какие-то такие практики, ценности, которые передаются неформально, в семьях, — и они во многом важнее формальных вещей. Я это понял, когда оказался

в Баку. Баку же — это место нефтедобычи с бешеными деньгами и с кварталами, которые просто повторяют Париж. И я по привычке решил сходить в оперу. Оперный театр шикарный — наверное, на тысячу зрителей. Но когда все началось, в зале было всего 15 человек. Было очень неловкое чувство из-за того, что людей на сцене больше, чем в зале. Я такого никогда не испытывал. Разговорился с женщиной, с которой сидел на балконе, и она сказала, что другие зрители — тоже не сами туда пришли, а по разнарядке на предприятии. Она сказала, что до распада

СССР весь культурный слой в Баку был русский и армянский. А потом они все уехали, и теперь как бы и без театра нельзя (и потому государство его финансирует), но и зрителей особо нет. Поэтому, с моей точки зрения, Пермь — город, который не имеет столичного лоска, но уж точно не имеет и провинциального менталитета.

О «культурной революции» Галицкий говорит как о политическом проекте губернатора Олега Чиркунова и сенатора Алексея Гордеева. По его словам, Гордеев в уже достаточно взрослом возрасте обучался урбанистике в Велико-

британии (в официальной биографии сенатора об этом ничего не говорится. — И. Ж.). И, приехав в Пермь, решил реализовать свои знания на практике.

— Причем это было сделано в ультимативной форме, навряд ли «я знаю, как надо». Я тогда занимался охраной памятников, и мы были на встрече с Гордеевым. Выслушав его, я сказал: «Если вы думаете, что знаете, что нужно делать, а все остальные должны молчать и исполнять, то меня такой проект не интересует». Когда сюда приехал Гельман, он тоже, не стесняясь, говорил, что мы все тут плесень, а он знает, что надо делать. Что хотят жители, команду «культурной революции» вообще не интересовало, — рассказывает Галицкий. — И из-за этой нахрапистости они просто поспорили с пермской культурной элитой. Да, какая-никакая, но она все-таки в городе была и остается. Пусть многие из этих людей пишут стихи в духе советских поэтов, но это культурный слой, который существует, а они — просто его отрицали.

По словам Дениса, главная проблема «культурной революции» была именно в непропорциональности: на современное искусство бюджет региона деньги находил, а классическое — оставалось в стороне.

— Хотя, казалось бы, если есть человек, который лапти плетет или из бересты что-то делает — пусть делает, почему бы его тоже не поддержать? С другой стороны, конечно, я видел, что многие молодые люди смотрели на Гельмана как на кумира. Я понимаю, что у этого искусства есть своя аудитория, и она немаленькая. Но я за то, чтобы развивались разные направления, чтобы не было фаворитов. И, конечно, за то, чтобы у людей все-таки спрашивали, чего они хотят. Чтобы не было такого, что вдруг на набережной Камы появляется большое кирпичное надкушенное яблоко. И его преподносят как данность. А если оно людям не нравится?

Слова урбаниста, как ни крути, очень резонные. Впрочем, спросил ли кто-то пермяков, хотят ли они в городе военных памятников, повод для появления очередного из которых происходит прямо сейчас? Красные человечки на улицах Перми сменились «зелеными» — не угрожающими безопасности страны. Вот только смотреть на них миллионы туристов не приезжают.

Иван ЖИЛИН
Фото автора

Наследие «культурной революции»

И ВОЕННЫЕ ОРКЕСТРЫ ЗАГЛУШАЮТ ГОЛОС МОЙ

КАК ТВ ПЫТАЕТСЯ ПОСТАВИТЬ ОКУДЖАВУ НА СЛУЖБУ ПРОПАГАНДЕ

РБК / ТАСС

Вообще-то Булат Окуджава вызывающе перпендикулярен сегодняшней (да и прошлой тоже) пропагандистской повестке. Или параллелен — ибо, по законам геометрии, вместе двум параллельным не сойтись. Но если нельзя, а очень хочется, то можно. Обузить, обтесать острые углы и втиснуть в прокрустово ложе этой чертовой «повестки». С Высоцким же у них получилось. Причем он сам такой поворот своей посмертной судьбы предвидел в стихотворении «Памятник»:

*Мой отчаяньем сорванный голос
Современные средства науки
Превратили в приятный фальцет.
Саван сдернули — как я обужен.
Напе, смерть!*
*Неужели такой я вам нужен
После смерти.*

Именно такой Высоцкий оказался им и нужен. Сначала его лирические и шуточные песни включили в свой репертуар короли попсы. А спустя годы военные песни Высоцкого приспособили под неотложные идеологические нужды — для подъема патриотических настроений населения и пропаганды СВО.

В день 85-летия Высоцкого ведущий пропагандистского ток-шоу «Время покажет» на Первом канале Артем Шейнин с неизменной буквой Z на груди проникновенно цитировал под кадры боевых действий в Украине строчки из песни Высоцкого «Мы возвращаем Землю» и интерпретировал их по-своему: «Наконец-то нам дали приказ наступать! Это то, что 8 лет ждал Донбасс. И сейчас сотни наших солдат толкают Землю ногами. От себя!»

Теперь вот взялись за Окуджаву. Взялись, собственно, не сейчас: под его великую песню из легендарного «Белорусского вокзала» маршируют бойцы СВО, она же звучит в хоровом испол-

нении практически на всех официальных митингах.

Но к 100-летию поэта-фронтовика за него взялись уже всерьез. Неважно, что он ненавидел войну как таковую, много и откровенно об этом говорил в интервью разных лет, писал пронзительные антивоенные стихи... И об этих победных маршах тоже писал, словно предвидя наше настоящее, до которого не дожил:

*Слишком много всяких танков,
всех пушек и солдат.
И военные оркестры слишком
яростно гремят,
И седые генералы,
хоть и сами пули льют, —
Но за скорые победы с наслажденьем
водку пьют.
Я один. А их так много,
и они горды собой,
И военные оркестры заглушают
голос мой.*

Если б дожил, за такую крамолу объявили б или «иноагентом», или перестали издавать, или запретили бы выступать, убрав его имя с уже напечатанных афиш.

А так — перекроили, вредное отсекали, нужное подогнали под текущий момент. Перелицевали. Новый документальный юбилейный фильм «Давайте понимать друг друга с полуслова» начинается с хроники 1991 года. Задушевный женский голос за кадром специально уточняет: «На этих кадрах любимый всеми поэт, который родился на Арбате, выступает перед шахтерами Донбасса. Его песни все так же звучат на Арбате, да и на Донбассе тоже... Под его песни плакали фронтовики. И сегодняшним защитникам Родины они созвучны, как никогда» (на экране бойцы СВО бегут в атаку, стреляют и героически овладевают населенными пунктами).

После кадров военного парада на Красной площади, на которых бойцы стройными рядами маршируют под окуджавский «Марш десантников» (так,

оказывается, называют они ту самую песню из «Белорусского вокзала»), следуют фрагменты митинга-концерта, посвященного вступлению в состав России четырех новых регионов, 30 сентября 2022 года. На сцене, украшенной баннерами «Донецк, Луганск, Запорожье, Херсон. Россия. Навсегда вместе», солисты театров и участники СВО из этих регионов снова запевают «Здесь птицы не поют...». Автор фильма комментирует: «Вся переполненная Красная площадь не могла сдерживать слез, когда со сцены звучала песня Окуджавы... Он человек, который все знал о войне. И сегодня эта песня, как никогда, необходима людям, которые, увы, не понаслышке знают, о чем в ней поется». На экране в это время — ужасающие картины бомбежек, руины домов, танки с Z-таками на борту...

Встык монтируется сцена из «Белорусского вокзала» с Ниной Ургант, поющей вместе с фронтовыми товарищами песню про «десятый наш десантный батальон».

Дальше следует беглый рассказ о детстве и юности Окуджавы с упоминанием о расстреле отца, лагерях матери и клейме сына врага народа самого героя фильма. А уж когда жизнь наладилась и пошли у него песни-стихи, тут полился розовый сироп про народ, который сразу полюбил его песни и передавал из уст в уста, про космонавтов с их давней традицией смотреть перед полетом «Белое солнце пустыни» и петь песню «Ваше благородие»...

Ближе к финалу авторы опять поворачивают к актуальности. Вспомнив фронтовую юность Окуджавы и военное кино, обобщают без стеснения: «Обычные мальчишки на войне, у которых все в жизни рядом: страх смерти — и шутки, и разочарования, и любовь. Но как все это созвучно тому, что происходит сегодня с нынешними ребятами, в одночасье ставшими настоящими защитниками. Они тоже пишут письма любимым, скупают по

дому, а в минуты затишья, в окопах, поют песни Булата».

Бойцы с заблуренными лицами так поют Окуджаву при свете костра и на фоне все таких же страшных кадров разрухи. «Булат, как никогда, понятен и современен», — задушевно итожит авторша.

А артистка Ольга Будина, умильно улыбаясь, сообщает о твердом намерении лично передавать ценности, которые она усвоила из песен и стихов Окуджавы, следующим поколениям. «Поэтому сегодня, конечно, из ящика должен литься Окуджава».

Должен! Литься! Из ящика!

И полился, кстати. 9 мая на традиционном вечере в Перedelкине, где прежде звучали голоса «иноагента» Макаревича, матери «иноагента» Вероники Долиной, неблагонадежных Никитиных и Шевчука, в день столетия Булата Шалвовича блистали надежные и проверенные. В том числе — спортивный комментатор Дмитрий Губерниев, актер и ведущий патриотической программы «Наши» Дмитрий Харатьян и сама хранительница духовных окуджавских ценностей Ольга Будина.

В конце же ведущая Фекла Толстая под клич «Давайте же потанцуем!» спроворила бодрый рэп, и все разбойники... пардон, участники пустились в пляс.

Зрителей, впрочем, не проведешь. В комментариях они возмущаются: «Не хватало Бузовой, Шамана и Киркорова со Стасом Михайловым... Все приглашенные — прямая пощечина юбиляру. Они все поддерживают то, против чего выступал Булат Окуджава... Он не с вами, не надейтесь. Пинка бы он хорошего дал таким «деятелям искусства».

Пинка не пинка, но с большого портрета над сценой смотрел на все это действие с недоумением и укоризной. Может, показалось.

Ирина ПЕТРОВСКАЯ

В России, в русском театре живет, работает, меняется, ищет, сомневается и торжествует — гений. Предполагаю ответный скепсис: «Дожил до времени, когда даже это совсем не важно, во-первых, и кому от этого легче — во-вторых!» Да, время. Да, бремя. Тяжелейшие. Но не видно вариантов.

Человеческий тип, на котором Федор Достоевский строил свой мир, тип, неистово, всей жизнью выясняющий отношения с Богом, смыслом, местом и человеком, в современной российской реальности, кажется, почти исчерпан. Но не в петербургском Малом драматическом театре — Театре Европы.

Здесь так существуют. Знают: надо не заниматься, а жить искусством.

Додин не пускает посторонних на свои репетиции.

Он часами разговаривает с артистами после спектаклей.

Он опровергает любую актуальную повестку и держится своей внутренней работой. Каждый свой спектакль репетирует и меняет много раз — вслед затем, как меняется сам и как время поворачивает материал.

Он всегда неожидан. Трагическое мироощущение не мешает ни иронии, ни смеху.

Аскет, при всей любви к земным радостям, обособленный, по сути, от всего, кроме репетиций и театра. Болельщик жизни, жадное любопытство к ней живет в нем вопреки опыту и усталости. Пророк — такое ему дано «острое, бескожное чувство настоящего и грядущего», по определению одной из его лучших актрис. Мыслитель и поэт, кажется, он прямо подключен к проводам, по которым течет боль времен.

Все режиссерское умение и вся человеческая глубина Додина участвуют в поиске причин и смысла происходящего со страной. Он один на российской сцене совершил огромную художественную работу, исследовал советскую историю в ее трагических разломах — коллективизация, война, лагеря. Потребность осмыслить человека советской матрицы подвигла ставить заведомо, казалось, не сценичный материал — прозу Абрамова и Платонова, Гроссмана, Трифонова. Его театр по-прежнему говорит от лица «миллионов, убитых задешево, протоптавших тропу в пустоте», и он должен существовать хотя бы потому, что все вокруг ему противостоит.

Разгадать жизнь. Это страстное длящееся усилие режиссера и его театра поднимает спектакли над пеной и прахом любых эпох.

Но именно в нынешней — работа МДТ, как миссия спасателей — тех, кого накрыло лавиной. Пусть доносима смело со сцены «Коварство и любовь», «Вишневый сад», «Жизнь и судьбу», «Гамлета», здесь ставят новые спектакли. Театр десятилетиями воспитывался в ощущении миссии, и он ее несет — всему вопреки.

Герои додинских спектаклей часто смотрят перед собою вдаль — в поле, в небо. В пространство будущего. Словно знают. Словно сознают: посетили мир в его минуты роковые.

Яростный идеализм МДТ, сложнейшей формы спектакли, предельная сосредоточенность на исследовании человека выстроены так, словно за всем этим наблюдают не только глаза зала, но и глаза Создателя.

Уверенный и мощный, масштабно и крупно мыслящий, перед каждой новой задачей, текстом, вопросом Додин смиренен. Способен оставаться неуверенным, даже робким, то есть — живым («ты должен оставаться скромным по отношению к идеалу, который априорно недостижим и невоплощаем, и это волей-неволей делает тебя недостаточным...»).

Додин «премьерный» — благожелательный, спокойный, уверенный, и Додин «в процессе» — ищущий, мятущийся, с пробами, бешеными ритмами мысли, дни и месяцы проводящий вне зоны душевного комфорта, кажется, два разных, вовсе не знакомых друг с другом человека. Он уверен: пока человечество будет заражено, как говорил тот же Достоевский, болезнью сознать, вопрос «Как жить?» — остается первым. И значит, необходимо его выяснять любой ценой. Может кричать, может гневаться, быть очень жестким — и прощать, возвращать, растить — своей «сбывшейся душой» воспитывать учеников, артистов.

И фантастическими мастерами блистает актерский ансамбль: Татьяна Акимова и Елизавета Боярская, Сергей Власов и Игорь Иванов, Данила Козловский и Сергей Курьшев, Анжелика Неволлина и

лицом к лицу со сложными, мучающими, неудобными вопросами.

«...Театр это не работа, это одна из важнейших составляющих жизни и одна из интереснейших, и нужно, чтобы все были максимально серьезны, свободны, искренни и получали бы удовольствие от того даже, что многое непонятно. Это некий акт любви, когда ты можешь сказать что-то, что не сказал бы себе и друг другу в других обстоятельствах. Это момент действительного познания себя самого в себе, в другом и другого в себе».

И лучший «весь Чехов» — додинский. Его вишневый сад не только место, не только земля и деревья. Он — измерение. Его утрата — не утрата дома, дохода, имени — утрата воздуха. Александр Блок из-за этого умер.

Миг, когда жизнь еще медлит на пороге изменения, когда к ней еще только подбираются люди с топорами, был десять лет назад отвоеван театром у водоворота истории. Воздух этого мгновения был воздухом трагедии, еще не опустившейся в сознание участников.

А потом это произошло. Не на сцене, в реальности.

...Наверняка он мог бы сейчас по всему миру ставить оперы. Мог бы, обладая статусом главы одного из театров Европы, заключать контракты на Западе. Мог бы, наконец, выбрать тихую гавань вдалеке от СВО и вообще всего.

Однако — Поручение. Самостояние. И пушкинское, в наши дни труднообъяснимое: «Я здесь удержан...»

Юрий БЕЛИНСКИЙ / ТАСС

АКТ ОТЧАЯНИЯ, АКТ ЛЮБВИ

14 МАЯ ЛЬВУ ДОДИНУ ИСПОЛНИЛОСЬ ВОСЕМЬДЕСЯТ

Додин не раз спускался в бездны — мира и человека. И продолжает это делать. Уходящий сезон он провел в компании Шекспира и Чехова. Результат — два спектакля. Их отточенной краткости трудно подражать; отдает предельным отсутствием иллюзий, конечной беспощадностью. К себе и контексту.

Додин уверен: «Есть два главных мировых театра, чеховский и шекспировский, и нет им равных. Каждое время вытаскивает из них что-то свое...»

Итак: сначала «Лир». Потом «Гамлет». И снова «Лир». И принц, и король — сценические примеры жестких отношений постановщика с текстом. Додин не любит «застывать в форме» и часто испытывает желание себя опровергнуть. Все начать заново. Может быть, поэтому Малый драматический остается живым театром.

Но как бы ни отвергал это сам постановщик, Лир, все утраченный и все понявший, всегда личный монолог.

Первый его «Лир» был о безграничности человека. Второй, зимы 2023/24 года, о конечности всего и вся. Спектакль, как ствол, с которого стесали почти все ветви. «Из ничего и выйдет ничего» — прежний приговор отца, решившего поделить королевство между дочерьми, в новом спектакле становится финальным воплем: «...нет дыхания, нет ничего, ничего, ничего. Ничего, ничего, ничего, ничего, ничего...» Исчезают смысл, чувства, границы жизни и смерти. «Нет ничего» — ключ к пьесе, характеру короля — и современности. Время повторяет форму отчаяния, как писал Бродский.

...Додин не раз произносил ему, времени, приговор. Каждый его великий спектакль — от «Братьев» до «Бесов», от «Лира» до «Карамазовых» собирался быть таким приговором. И всякий раз за безнадежным сценическим текстом брезжил свет. Искусство, даже констатирующее отсутствие надежды, — ее дает.

Чеховская премьера, «Палата № 6», состоялась 5 мая.

С днем рождения, Лев Абрамович!

Марина ТОКАРЕВА

P.S. «Новая газета» в полной мере осознает масштаб сегодняшнего юбилея и горячо поздравляет любимого режиссера.

Разин меня сильно подвел. Я приехал в Магнитку, ни секунды не сомневался в том, что четырьмя играми финальная серия с «Локомотивом» не ограничится. «Ну извини, что так получилось», — отшутился главный тренер «Магнитки», когда команда прилетела домой из Ярославля с Кубком Гагарина, завершив финал четвертой подряд победой. Все закончилось так, как никто не предполагал, вот и меня интуиция подвела. Точка была поставлена не то чтобы преждевременно, а как-то неожиданно скоротечно. Город встретил победителей как полагается: большое панно на ледовой арене с надписью «Время побеждать!» сменили на триумфальное, но уже через

пару дней ледовый встречал непривычной тишиной — главное уже произошло, осталось проводить ребят в отпуск и назначить дату проведения праздника.

Все эти дни в Магнитке меня не покидало ощущение некоторой нереальности происходящего. Шестое магнитогорское чемпионство показалось странно будничным, словно иного и не ожидалось. Пять предыдущих начиная с весны 1999-го я встречал вместе с командой, а вот сейчас не прочувствовал, не присоединился вовремя, положившись на опыт предыдущих лет. Он как раз и подсказывал, что интрига обязательно будет, потому что классический магнитогорский чемпионский стандарт новых времен — это победа через преодоление, в самый последний момент, когда «или — или», без шансов на реванш,

в ситуации, близкой к безнадежной. Так команда брала золото в 2007-м в Казани, так она вырывала Кубок Гагарина прямо из рук ЦСКА весной 2016-го в седьмом матче в Москве. Или упускала в таком же седьмом матче с тем же ЦСКА два года назад. Но где Разин и где стандарты? Он же вызывающе нестандартен, еще с тех времен, когда феерил за чемпионскую «Магнитку» рубежа веков.

По всему эта «Магнитка» не могла брать Кубок Гагарина. Она была слишком молода и неопытна, слишком мелковата на фоне куда более могучих соперников, летом прошлого года ее возглавил тренер, не выигрывавший ни одного раунда в Кубке Гагарина, в составе не было ни одной звезды даже российского масштаба, состав перекраивался на ходу, и то, что на-

ходящаяся в процессе перекройки команда шла в лидерах, относили скорее к особенностям сезона: привычные фавориты не блистали, никто катком по соперникам не проходил, все как-то усреднилось, но все равно претендентом номер один на Кубок Гагарина команду Андрея Разина никто из экспертов не считал. И сам Разин Кубка болельщикам не обещал — он сказал, что будет за него бороться и равнодушных на льду у него не увидят.

У него как у тренера это был первый клуб из разряда топовых. До «Магнитки» высшей точкой его тренерской карьеры была череповецкая «Северсталь», из которой за пять лет он сделал очень симпатичную, но отнюдь не выдающуюся команду. По результату прогресс был лишь в том, что с каждым годом череповчане оказы-

ТОТ, КТО РАЗМАЗАЛ СОМНЕНИЯ ПО БОРТУ

ЛУЧШИМ ТРЕНЕРОМ СЕЗОНА КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ХОККЕЙНОЙ ЛИГИ ЗАКОНОМЕРНО ПРИЗНАЛИ **АНДРЕЯ РАЗИНА**, КОТОРЫЙ С ХОДУ ПРИВЕЛ МАГНИТОГОРСКИЙ «МЕТАЛЛУРГ» К КУБКУ ГАГАРИНА

вались все ближе к тому, чтобы пройти первый кубковый раунд. Прошлой весной «Северсталь» знатно пободалась с действующим и будущим чемпионом ЦСКА, и Разин сказал, что он уперся в потолок.

То, что новый шанс ему дала именно «Магнитка», с одной стороны, выглядело логичным — Разина-игрока здесь помнили, за прогрессом Разина-тренера следили, а с другой стороны — было огромным риском: с большими командами Разин никогда не работал, все больше со средними. А что если он и тренер средней руки, что если его потолок уже обозначен? Тем более что покупать для него звезд никто не собирался. Больше скажу — в первый разинский сезон команда вступала с самым скромным за последние четверть века составом по именам, изначально уступавшим всем без исключения конкурентам.

Фамилии пяти человек, перешедших вслед за тренером из «Северстали», широко болельщику ни о чем не говорили. Собственно магнитогорская молодежь еще ничем себя особо не проявила. То, что четвертое звено не уступало первому, могло считаться и достоинством, и недостатком. Вратари были слишком молоды для больших дел. Магнитогорский аэропорт находился на реконструкции, что значительно усложняло логистику. Новый главный тренер со своим штабом работал творчески, игру ставил интенсивную, выжимал из этого состава все, но скептики уверяли, что плей-офф для этой интересной новой «Магнитки» продлится до первого серьезного соперника.

Если бы «Металлург» споткнулся уже в первом раунде на хабаровском «Амуре», а предпосылки к этому были — хабаровчане взяли две игры, то магнитогорская эпопея могла для Разина на этом и закончиться. Дальше был столичный «Спартак» с самой яркой в лиге атакой, и тут команде Разина для победы в равной серии тоже понадобились шесть матчей. С «Автомобилистом», одолевшим по ходу розыгрыша «Ак Барс» и СКА, в полуфинале вообще дело дошло до седьмой игры. Все победы были «на тоненького».

Еще и поэтому куда увереннее, мастеровитее и прагматичнее выглядевший ярославский «Локомотив» считался безусловным фаворитом. То, что команда Игоря Никитина уступила финальную серию всухую, пусть в каждом из четырех матчей всего в одну шайбу, выглядело настоящим открытием. Аналитики развели руками, не в силах объяснить, как такое могло произойти и отчего команда без единой звезды, находящаяся в «перестроечном» состоянии, смогла четыре раза подряд оказаться сильнее опытного и не менее мотивированного соперника.

«Разин работает интересно, но ставит совсем не ту игру, в которую сам играл», — примерно так еще осенью высказался о хоккее по Разину экс-директор клуба Геннадий Величкин. Я напомнил Андрею об этих словах.

— Хоккей моего времени был другим. Сейчас это в чем-то даже другой вид спорта, и все дело в необходимости быстрого принятия решений. У нас на это было элементарно больше времени, что при нынешней интенсивности игры просто невозможно представить. К тому же надо исходить из возможностей своих игроков и особенностей игры каждого соперника. Да, в финале мы сыграли с «Локомотивом» от обороны, но результат показал, что это было правильно. Если жестко ставить вопрос «красивая игра или результат?», ответ очевиден.

Разин-тренер оказался прагматиком. Впрочем, романтиком он и в качестве игрока не был — жизнь такой возможности не давала.

В «Магнитке» лобастый и по всему нестандартный центрфорвард оказался накануне первого медального сезона стремительно

продвигавшегося вверх «Металлурга». Родной «Ладе», уже пробившей московскую стену и ставшей чемпионом, пятый центр не был особенно нужен — умный, но медленный. Технический, но медленный. Креативный, но медленный. Это «но медленный» будет сопровождать Разина всю игровую карьеру и иногда звучать как приговор. Вот и тогда, когда ему только перевалило за двадцать, он уже подумывал о завершении, но попробовал предложить себя «Магнитке».

Главный тренер тольяттинцев Геннадий Цыгуров готов был расстаться с «непрофильным активом» за пять тысяч долларов, главный тренер «Металлурга» Валерий Постников соглашался на две с половиной. Сошлись на трех тысячах «зеленых», и осенью 1994-го мы впервые увидели фирменный разинский трюк с заведением шайбы за спину вратарю одной правой рукой. Первый сезон получился неплохим, во втором конкуренция за место в составе резко усилилась, и «медленный» Разин снова оказался нужен только самарскому ЦСК ВВС. И если бы не возглавивший «Магнитку» в октябре 1996-го Валерий Белоусов, как знать, не потерял бы хоккей будущего самого ценного игрока чемпионата Андрея Разина. Для Белоусова лучшие качества Разина перевешивали худшие, и раскрытие было не за горами.

В СЕГОДНЯШНЕМ НЕВЕРОЯТНОМ И МАСШТАБНОМ УСПЕХЕ ОТРАЗИЛИСЬ ВСЕ ЕГО ПОЛТОРА ДЕСЯТКА ТРЕНЕРСКИХ ЛЕТ. ВСЕ ПОШЛО В ДЕЛО — И ПРОВАЛЫ, И РАЗОЧАРОВАНИЯ, И ОБИДЫ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ ДАЛИ САМОЕ БЕСЦЕННОЕ — ОПЫТ

Разин стал первой звездой, состоявшейся именно в «Магнитке», — остальные пришли сюда уже готовыми. Набирал он постепенно, через пару лет это был лучший расписовщик чемпионата страны, игравший тем не менее в четвертом звене — такой у той чемпионской «Магнитки» был звездный состав. Две передачи Разина обеспечили команде первое серебро-1998 и первое золото Евролиги-1999, два гола в финале Евролиги-2000 сделали его европейской звездой, но страна об этом не знала — ТВ «финал четырех» в Лугано открывало проигнорировало, предвкусывая будущую победу на домашнем чемпионате мира-2000. Чем это прекраснотушие завершилось, известно — Питер-2000 обернулся грандиозным провалом.

Тренеры сборной Разина в упор не видели вплоть до первого в столетии чемпионата России, когда связка Разин-Гольц и работяга Гусманов рвали любую защиту. Разрезающие передачи Разина на ход Гольцу и их завершение можно было снимать для учебника как высокий образец хоккейной классики. На чемпионате мира-2001 это трио было лучшим в нашей сборной, но проигранный шведам в четвертьфинале овертайм смазал все впечатление. Больше Разин ни одного матча на чемпионатах мира не сыграл, хотя серебряную медаль за Гетеборг-2002 получил: подъехал к полуфиналу, но налед так и не вышел из-за недоленной травмы. Пик карьеры пришелся на глухие для российского хоккея годы, и в этом драма многих игроков его поколения. Он мог отправиться за океан в «Филадельфию», но здраво рассудил, что пятым центром ему там делать нечего.

Ни в «Динамо», куда он перешел после чемпионского сезона в качестве луч-

шего хоккеиста страны, ни в ЦСКА, ни в «Авангарде», ни в «Магнитке» середины нулевых Разин так, как в «Магнитке» рубежа двухтысячных, уже не блистал, что подтверждало старую истину: все сойтись может только один раз. Разин прекрасно понимал, что происходит, приносил пользу — в частности, поспособствовал раскрытию Сергея Мозякина как снайпера, когда один сезон играл вместе с ним в ЦСКА, но так и не нашел своей команды, тихо закончив в воскресенском «Химике».

Он мог анализировать игру с математической точностью — на это я обратил внимание еще тогда, когда о завершении карьеры не было и речи. Но умение понятно объяснять хоккейные тонкости отнюдь не обещало того, что он непременно пойдет по тренерской стезе после завершения карьеры. Он и не пошел, попробовав себя в самых разных ипостасях — от телеэксперта до бизнесмена, он попытался вернуться через «грязную работу» хоккейного агента, но пришлось начинать с самых низов, и не сказать, что его пребывание в хоккейной школе ЦСКА стало трамплином — уволился он после скандала, у директора и тренера оказались разные понятия о справедливости.

Любимый хоккей снова поворачивался к нему неприглядной стороной, как в юные годы, и снова испытывал на прочность. Вопреки всему еще тогда, на исходе

ние закончилось, автомашина стояла под парами, водителю скорее надо было домой — в Екатеринбург, к семье.

Тоже нестандарт — Разины могли и вроде как должны были в Москве осесть, но чем-то столица Урала зацепила, хотя и проработал там Разин немного. Кстати, и на родину его тоже звали — не сейчас, а раньше. В начале переговоров речь шла о Тольятти, о «Ладе», а потом оказалось, что дают самарский ЦСК ВВС. Разин как отрезал: «До свидания!»

Поглядел я на ребят из «Магнитки» в цивилидном и снова про себя удивился — и как этих субтильных пацанов по бортам могучие мужики не размазали? Хотя пытались, еще как пытались.

— Да, покрупнее нас соперники были, но не считаю, что мощь — определяющее качество как отдельного игрока, так и всей команды. Если ее не хватает, но есть другие преимущества, то это не критично. По движению мы превосходили всех соперников — значит, правильно определили момент выхода на пик формы именно к плей-офф. Ну и про разнообразие тактики забывать не стоит. Что касается опыта, то при всей важности этого компонента предпочту ему мотивацию и готовность к каждому конкретному матчу.

Все вроде бы просто, но отправить опытных ребят в четвертое звено или вообще в запас, а молодых в первую тройку — на такое надо еще решиться, но именно так Разин и поступил. А сделать ставку на 20-летнего вратаря — это не что-то близкое к авантюре?

Илья Набоков начинал сезон с багажом в четыре минуты игры на высоком уровне. То есть, по сути, это был его дебютный сезон в «Металлурге», позади — два не слишком впечатляющих сезона в молодежной хоккейной лиге. Магнитогорская хоккейная школа за четверть века выпустила с десятком классных голкиперов, которые где только не играют, и за океаном тоже, но в «Магнитке», по сути, никто не задержался. И вот мальчишка без выдающихся физических данных, талантливый, но нестабильный должен был везти на себе весь груз плей-офф. И он его тащил, в трех матчах финальной серии вообще пропустив по голу, а одну закончив с нулем в графе «пропущенные шайбы». Доигрался дебютант с вратарской хоккейной фамилией до того, что его признали самым ценным игроком розыгрыша Кубка Гагарина — аналога в истории отечественного хоккея нет и вряд ли скоро будет.

Каждый из этой команды выдал свой максимум. Как и главный тренер, который перевыполнил спущенный сверху план, подразумевавший взять главный приз отечественного хоккея за два года. Но в хоккее невозможно ориентироваться на пошаговый подъем.

— Конечно, невозможно — если прет, то надо брать свое здесь и сейчас. Слишком многое зависит от случайностей, просчитать которые нельзя. Поэтому следующий сезон будет труднее, чем этот, — защитить титул сложнее, чем его взять. Истина банальная, но напомнить о ней перед отпуском ребятам следовало. Что касается разности ощущений как игрока и тренера, то для меня отличие тут колоссальное. Четверть века назад наш успех воспринимался как должное, а нынче... Нынче главное, что чувствую, — опустошение.

В октябре Андрею Разину исполнилось 50 лет. Весной он достиг вершины, чего от него мало кто ждал. Мне жаль, что пик его тренерской карьеры пришелся на время, когда стране не до хоккея и выход на международную арену закрыт наглухо. Могут и снова, как четверть века назад, не заметить, посчитав успех «Магнитки» радостью местного уровня. Карма, что ли, такая?

Значит, придется снова ломать стереотипы. Вот это ему точно не впервой.

Владимир МОЗГОВОЙ

КАК ОТЛИЧИТЬ ВЕРНОПОДДАННЫХ ОТ СКВЕРНОПОДДАННЫХ

ЛЮБОЕ НИЧТОЖЕСТВО В СЕТИ СПОСОБНО
РАЗРУШИТЬ САМУЮ ПРОЧНУЮ РЕПУТАЦИЮ

Петр САРУХАНОВ

Подъезжаю к Кутузовскому проспекту. На Поклонной горе плещется людское море — ничего подобного прежде не видела. У дороги выставлена трофейная натовская техника, и сюда все прибывает и прибывает народ. Такой массовый интерес к орудию убийства накануне Светлого праздника отсылает к Максимилиану Волошину: «Но в ту весну Христос не воскресал». Хотя нет, ход жизни устойчив. Многие упивающиеся видом поверженных танков «Абрамс» и «Леопард» вечером отправляются со свечками в храм.

Иммунная система государства-общества в агонии, нужные гормоны не вырабатываются. Я сейчас не о политике, идеологии и даже не повседневности, а скорее, об организме в целом. МВД РФ объявило в международный розыск Зеленского и Порошенко. Хинштейн намерен объявить в местный розыск геев и лесбиянок в органах госслужбы. Дугина колотит одновременно от поисков вселенского зла и калик перехожих, каковые, спасая Русь, должны сплестись в непрерывном хороводе. Однако никто из сыщиков, высокопоставленных и не очень (а их тьмы и тьмы), не ищет здравый смысл хоть в чем-нибудь.

В начале мая с его обилием светлых праздников говорить о плохом вроде бы неудобно. Но вот прошла инаугурация президента, стартует новый цикл жизни

ЭПОХА СВО ВНЕСЛА КОРРЕКТИВЫ, РАСФАСОВАВ ГРАЖДАН ДЕРЖАВЫ НА ПАТРИОТОВ И НЕ ПАТРИОТОВ. В ЭТОМ ЕСТЬ ЛУКАВСТВО И СКРЕЖЕТ ДИСГАРМОНИИ: КТО И КАК СМЕЕТ ОТДЕЛИТЬ ПЕРВЫХ ОТ ВТОРЫХ?

и, кажется, самое время напомнить о важной проблеме, не попадающей в поле зрения высшей власти.

Николай II делил народ на верноподданных и скверноподданных. В этом был резон и определенность. Эпоха СВО внесла коррективы, расфасовав граждан державы на патриотов и не патриотов. В этом есть лукавство и скрежет дисгармонии: кто и как смеет отделить первых от вторых? Цена и стоимость человеческого существования в отечестве никогда не была особо высокой. Тем не менее прежде общественное мнение, назовем это так, не уничтожало личность с нынешней демонстративной легкостью. (Расстрелы, репрессии, доносы, 37-й год выносим — пока — за скобки.) Любое ничтожество в Сети способно разрушить самую прочную репутацию. Уж на

днях она выходит из сумрака в амплуа почти положительной героини. На нее было тяжело смотреть: из последних сил старалась, чтобы плохо завуалированное покаяние не обернулось самобичеванием. Давать оценку Насте — не моя задача. Знаю лишь одно: если на нее сделал главную ставку Николай Картозия, гендиректор телеканалов «Пятница» и «Суббота» (лучший нынешний медиаменеджер), значит, Ивлеева — человек профессиональный. Чего не скажешь о господине Луке Ебкове, которому она решила дать интервью.

Меня опять же не интересует главная сетевая тайна мироздания — из каких закровов, кто и зачем достал данного Ебкова (в миру он Андрей Третьяков, бывший фейсконтрольщик, ресторатор, ныне блогер). Более неподходящего для жанра интервью человека, чем состоящий из горы мышц и убегающих глаз Ебков, вообразить сложно. Да и дело не в самом разговоре, тусклом и вялом, а в реакции на него представителей параллельных миров. Нехитрая мысль — крайности сходятся, обнажается сегодня с пугающей силой. Кстати, вот свежее доказательство: сочинение Марии Певчих* «Предатели» и сочинение Аркадия Мамонтова «Иноагенты» созданы по одним и тем же лекалам. Методы отбора материала, уровень аргументации, стиль, почерк очень похожи.

Аналогичная история повторилась в случае с Ивлеевой. В борьбе с бедной Настей объединились условный «Соловьев Лайф» с условным «Дождь»**. Соловьевцы не верят в искренность покаянных поездов девушки на СВО. «Дождевики» знают точно — АП поставило Ивлеевой условие: либо на Донбасс, а потом к Ебкову, либо — в ад. Разумеется, все это устное народное творчество ничем не подтверждено. И все бы ничего, если бы за страстными громкими речами по обе стороны баррикад не рушились бы, духовно и душевно, чьи-то жизни. Аннулировать судьбу человека сегодня — как в окно выглянуть. И эта простота, этот холод равнодушия к другому, не своему, эта вседозволенность, рожденные смутным временем, не менее страшны, чем само время.

Когда-нибудь кто-нибудь сможет ответить на вопрос: как такое стало возможно? Ведь речь уже не идет о ненависти или огрублении нравов. Тут уместнее слово «рассвирепень». Оно сказано в пылу полемики славянофилом Хомяковым в адрес западника Белинского. Когда сейчас перечитываешь дебаты более чем полуторавековой давности, острые и жаркие, они кажутся обиходным детским лепетом на фоне нынешнего хруста костей.

Карательная стихия не затихает. Ассенизаторы пространства без суда и следствия, без царя в голове не шадят никого и ничего. Но ведь духовный процесс нации не зависит от этих самых ассенизаторов, а только — от качества самостоятельной личности. Откуда же ей взяться, если внутренне каждый гражданин державы должен выработать в себе способность к перевоплощению, как вирус гриппа? А иначе придет Лука Ебков и все расставит по местам.

Слава ТАРОЩИНА

* Внесена властями РФ в реестр «иноагентов».

** Внесен властями РФ в реестр «иноагентов», объявлен «нежелательной организацией».